

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLIX

№ 1
январь-март 2019

ТАШКЕНТ
2019

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Свт. Марк Ефесский Евгеник. Папа Евгений IV (С. 6).

Стр. 3: Архимандрит Гурий (Егоров) в период пребывания в Ташкенте и Беш-Бале (кон. 1930-х – нач. 1940-х гг.); домик в Беш-Бале, где проживал архимандрит Гурий со своей общиной (1939 г.); игумен Варсонофий (Веревкин) с сестрами Петергофского подворья (С. 19).

Восток Свыше. 2019, № 1 (XLIX)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Андрей ПЕРМЯКОВ. «Я напишу про ложечку в стакане...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Евгений и Евгеник. 575 лет преставления святителя Марка,
архиепископа Ефесского (19 января 1444 года) 6

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Среднеазиатские архиереи

Борис ГОЛЕНДЕР. Первый туркестанский епископ 13

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) 19

Евгений АБДУЛЛАЕВ. После Ташкента. Начало 1960-х годов
в жизни архиепископа Ермогена 48

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Юрий ФЛЫГИН. «...О современности открытия университета
в Ташкенте». Страницы истории Национального университета
Узбекистана 58

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О богопознании. О любви 80

Размышления над Евангелием: страницы *протоиерея Сергея СТАЦЕНКО*
Дары Пятидесятницы: возвращение 84

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в «Фейсбуке» последних лет 89

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«...Наслаждаться этой словесной красотой».
На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик Олеся Николаева 106

Содержание (окончание)

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Тема: Старый Ташкент

<i>Паина КАЦ. Моя улица, доктор Войно-Ясенецкий и другие воспоминания</i>	113
<i>Мунира БАБАЯРОВА. «Не победители»</i>	119
Авторы номера	125
Информация для авторов	126

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Андрей ПЕРМЯКОВ

Я напишу про ложечку в стакане,
Про поезд из Москвы на Воркуту,
Про чудо в желтой Галилейской Кане,
Про пустоту и вновь про пустоту.

Про самое-пресамое простое,
Про то, о чем сто миллионов раз,
Про лезвие блестящее, стальное,
Один стишок, две строчки, пару фраз.

Чтоб только проще, проще, проще, проще —
Как снег летит, как мотылёк играет.
Сосед поет: «Вези меня, извозчик»,
И у него никто не умирает.

Календарные страницы *главного редактора*

ЕВГЕНИЙ И ЕВГЕНИК

*575 лет преставления святителя Марка, архиепископа Ефесского
(19 января 1444 года)*

В Европе холодно. В Италии темно...
О. Мандельштам

А как прекрасно все это начиналось! Ранним утром императорская триера вошла в гавань святого Николая в Лидо и бросила якорь. Вскоре прибыли и остальные греческие корабли, с патриархом, епископами и знатными мирянами. В первый день императора посетил только дождь со свитой; главный прием был намечен на следующий день.

И прием этот был воистину царским! Дождь прибыл на расписном корабле-бучентавре; следом шли еще двенадцать кораблей, украшенных резьбой и расписанных снаружи и изнутри; развевались знамена, непрерывно играли трубы и прочие инструменты.

«А на носу корабля, – писал очевидец, – были два золотых льва, а посреди их – золотой двуглавый орел, который был подвижен всеми частями, и он то обращался к императорской триере, то расправлял крылья и поднимал головы, при восторженных восклицаниях и пении труб».

8 февраля 1438 года Венеция встречала предпоследнего греческого императора Иоанна Восьмого Палеолога.

О том, что он предпоследний и при его преемнике Константинополь будет захвачен, разумеется, никто не знал. Да, границы турецких владений подползли уже почти вплотную к столице, сдавив ее кольцом. Но все так же высились городские стены, все так же парил над Босфором купол Святой Софии, увенчанный крестом. Царствующий град оставался. А значит, оставалась и империя.

Ревели трубы, золотой двуглавый орел – символ империи – расправлял крылья и поднимал клювастые головы. Пусть даже в виде механической игрушки на носу венецианской триеры.

Император прибыл заключать мир с архиепископом Римским. Или, как его называли латиняне, – папой. И просить у него помощи для защиты от сельджуков, которая была грекам ох как нужна.

Но для этого нужно было преодолеть раскол, в котором почти четыре столетия пребывали Восточная и Западная церкви. Таково было условие, которое выдвинул папа Евгений. С этой целью императора и сопровождали патриарх и епископы.

Епископ Эфесский Марк плыл вместе со всеми и спокойно оглядывал город. Приступы морской болезни отступили; звуки труб и венецианская роскошь не слишком его занимали; все мысли были о предстоящем Соборе.

Марку сорок шесть лет, и происходит он из благородного трапезундского рода Евгеников. Отец его, Георгий Евгеник, обладал прекрасным почерком и дослужился до сакеллия, ведавшего всеми приходскими церквями. А еще Георгий заведовал школой, в которой успел отучиться и Мануил – так до монашеского пострига звали Марка.

Георгий умер рано, оставив тринадцатилетнего Мануила и пятилетнего Иоанна. Мануил заменит Иоанну отца, станет его первым учителем.

Теперь Иоанн Евгеник плывет на одной триере с Марком, в свите патриарха. А триеры уже входят в Венецию, и солнце светит все ярче, и отсветы от бликов на воде шевелятся на прижатых к каналам домах.

«Весь город сотрясаясь, выйдя встречать императора, и был великий шум и ликование. И мы приходили в великое исступление, видя в этот день многодневный храм святого Марка, до небес высящиеся палаты Дожей и величественные жилища других правителей, украшенные многим золотом и прекрасным камнем».

То, что многое из этого «золота и прекрасного камня» было вывезено двумя веками раньше из Константинополя, греки помнили хорошо.

В Венеции они пробыли около двадцати дней.

28 февраля отбыли в Феррару, где и должен был состояться собор. Там их уже нетерпеливо дожидался папа Евгений.

Феррарский прием не уступал по пышности венецианскому. Снова гремели трубы, гарцевали кони, шумели и рукоплескали толпы. Папский двор во всем великолелии. Сам папа Евгений. Слегка усталый взгляд, тяжеловатая нижняя челюсть, поджатые губы.

Здесь возникла первая заминка. Ожидалось, что патриарх вместе со всем своим епископатам падет и облобызает папе стопу. Как же могло быть иначе? Таков был исстари заведенный папами обычай. Императоры, короли, не говоря о прочих епископах Запада – все аккуратно вставали на колени и лобызали.

А греки заупрямились.

«Откуда папа имеет такую привилегию, – спросил патриарх, – какой церковный Собор даровал ему это?»

Из парадной залы папского дворца встреча была срочно перенесена в маленькую комнату. Здесь, почти без свидетелей, первосвященники быстро облобызались, и патриарх отбыл в предназначенные ему покои, провожаемый задумчивым взглядом папы.

Нет, папа Евгений Четвертый был не хуже других пап. А в чем-то даже лучше. Неприхотлив и аскетичен в быту, чужд кумовства, милостив к бедным. Поощрял искусства, пытался вернуть потускневшему Риму былой блеск. Возродил Римский университет. Приблизил к себе скульптора Донателло, художников Фра Анджелико и Пизанелло, архитектора Филарете – автора проекта идеального города... Выдающиеся имена, жемчужины ренессансного гуманизма. Немало гуманистов было и среди итальянцев – участников Собора.

Такова была эпоха, эпоха Возрождения. Европу сотрясали войны и чумные эпидемии. Жизнь сделалась хрупкой; ее радости, чувственные и умственные, – как никогда желанными. А вера в человека и его возможности стала столь сильной, что потеснила веру в его небесного Творца...

9 апреля 1438 года Собор был торжественно открыт.

Папа Евгений со своими епископами воссел слева. Император Иоанн и прочие греки заняли скамьи справа.

Папа, по первоначальному замыслу, должен был воссесть в центре, на возвышении, но греки снова воспротивились.

Теперь в центре лежало Святое Евангелие.

Все, наконец, расселись; заняли свои места переводчики. Из рядов греков поднялся епископ Эфесский Марк, которому было поручено выступить от Восточной Церкви.

Чуть откашлявшись, Марк Евгеник заговорил.

Марк рано прославился своим подвижничеством и своей образованностью. Он изучал риторику у известного ритора и ученого того времени Иоанна Хортазмена, а философию – у Георгия Гемиста Плифона – последнего великого греческого философа, горячего последователя Платона и тайного почитателя античного язычества. Последнее, впрочем, обнаружится позднее, когда престарелый Гемист, вместе со своими бывшими учениками, братьями Евгениками, будет в Италии.

Именно Георгий Гемист принес в Италию учение Платона, о котором до этого в Европе имели смутное представление. Здесь же он издаст платоновские диалоги, и это послужит толчком к возникновению во Флоренции знаменитой Платоновской академии.

Возрождение цвело не только на Западе; в греческих землях оно началось даже раньше. Здесь античных авторов никогда не забывали; как писал один ученый итальянец, живший в Константинополе: «В домашних беседах они до сих пор говорят на языке Аристофана и Еврипида, на языке афинских историков и философов, а слог их произведений еще более обработан и еще более правилен».

В тринадцатом веке дряхлеющую и усыхающую империю неожиданно охватывает такое цветение духа, какого она давно уже не ведала. При дворе отца императора Иоанна, Мануила Второго, устраивались публичные «театры», где читались философские и риторические произведения; эти «театры» посещал и учитель будущего эфесского епископа, Иоанн Хортазмен.

Да и сам Марк, уже в молодости блиставший ораторскими талантами, а в двад-

цать четыре года возглавивший школу риторов, тоже мог бы считаться человеком Возрождения. Мог бы... Но не мог.

«Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 37).

На соборе, открывшемся в Ферраре, предполагалось то, «что сверх этого». Предполагалась сделка. Догматические уступки – в обмен на военную помощь Рима против сельджуков. Так видели это в папских покоях. Это понимали и сами греки. Это понимал епископ Марк. Но вначале он еще надеялся, что латиняне в чем-то признают и свою неправоту. Прежде всего, включение в Символ веры злополучного «...и от Сына...». Filioque.

Папа Евгений колебался.

Внешне это, конечно, никак не выражалось: негоже высшему князю церкви выказывать неуверенность. Все те же поджатые губы, пристальный, чуть усталый взгляд.

Он спокойно выслушал выступление епископа Марка. Ни одна жилка не дрогнула на лице римского первосвященника.

Да, все, что говорил этот эфесский епископ, было справедливым. Добавление в Символ Веры положения, что Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, было сделано Римом позднее. Уже когда Символ был давно утвержден и всякое дальнейшее изменение его объявлялось ересью. Но... Сделано-то оно было из благочестивых побуждений. Для борьбы с арианами, принижавшими божественную природу Бога-Сына. И Рим далеко не сразу пошел на это добавление. Только при папе Бенедикте, в начале одиннадцатого века, под давлением германцев, от помощи которых сей муж весьма зависел. Но теперь, когда Filioque вошло, так сказать, в плоть и кровь Западной церкви, признать его ошибочным... Невозможно. Начнутся новые расколы, теперь уже не с этими жалкими греками, а внутри самой, самой его Римской церкви.

А дела в ней (папа задумчиво поглаживал подлокотник своего трона) и так идут не гладко, своих нестроений хватает. Всего каких-то пять лет назад собор в Базеле попытался оспорить верховенство папской власти, навязать ему, папе Евгению, церковную реформу... С огромным трудом ему удалось распустить это собрание и успокоить мятежных епископов. И то не всех. Французы наотрез отказались прибыть в Феррару. И теперь, после стольких трудов по умиротворению, признать справедливыми доводы этого грека, Марка Евгеника...

Тяжелые восковые свечи, которыми освещалось заседание, горели с легким, невеселым треском. Из окон в вышине пробивался свет и отражался в холодном мраморе стен.

Папа принял решение.

Потянулись долгие, изнурительные заседания.

Латиняне выступали единым фронтом. Между греками единства не было.

Марк продолжал выступать, доказывая ложность Filioque и других догматических нововведений, принятых латинянами. Вначале за его спиной, где сидели про-

чие греки, звучали возгласы ободрения. Затем таких возгласов стало все меньше; все чаще возникала напряженная тишина, в которой иногда слышался недовольный шепот. Недоброжелатели Марка, из царедворцев императора, прежде таившиеся, теперь осмелели.

Какое-то время Марка поддерживали император и патриарх. Но император часто отлучался из Феррары, охотясь в ее окрестностях. А патриарх... Патриарх был уже стар, стар и немощен. И желал, чтобы весь этот бессмысленный собор, этот театр, как можно скорее завершился... Скорее бы вернуться домой.

Того же желали и прочие греки. Они тоже устали. От заседаний в храме, в котором и в солнечный день царил холод. От слухов о чуме. Но главное, от бедности: обещанное папой денежное пособие постоянно задерживалось; чтобы прокормиться, приходилось продавать свои вещи...

А Марк все выступал. Все доказывал, убеждал.

Дух исходит от Отца. От Отца *через* Сына, но не *от* Сына.

Для латинян это казалось догматическим крючкотворством. Если *через*, то, значит, и *от*. Нет, поднимался и возражал епископ Марк. Тепло сообщается через лучи, но источником его являются не они, а Солнце. Тепло исходит от Солнца – *через* лучи. Так же и в Пресвятой Троице.

Одно слово, одно маленькое слово, добавленное в Символ Веры, меняло всю суть христианства. А вместе с ней – и все последующее движение человеческой мысли, культуры, истории.

«Отцы римской церкви, – пишет философ Юлия Кристева, – ... логизировали Троицу, усматривая в Боге простую интеллектуальную сущность, представляемую по двучастной схеме: Отец порождает Сына; Отец и Сын как целое производят Дух. Эта аргументация *Filioque*, развитая благодаря силлогистике Ансельма Кентерберийского на Барийском соборе 1098 года, будет подхвачена Фомой Аквинским, который закрепит ее. Ее преимуществом окажется то, что она утвердит, с одной стороны, политическую и духовную власть папства, а с другой – автономию и рациональность личности верующего, отождествленного с Сыном, обладающим силой и достоинством наравне с Отцом».

Действительно, если папа объявлялся «наместником Сына Божия» (*Vicarius Filii Dei*), то «возвышение» Христа через добавление *Filioque* автоматически подразумевало и возвышение папы. А в пределе – любого человека, ибо если папе позволено уравнивать себя с Христом, то чем хуже его тысячи, миллионы чад Римской церкви?

Возникнув на волне борьбы с арианством, *Filioque* парадоксальным образом приведет к возрождению арианства. Нарушилось тончайшее равновесие в истолковании Троицы – и вот уже Бог понимается как отвлеченная, абстрактная сущность; в Сыне Божиим – напротив, выходит на первый план человеческое, плотское начало, «повышенное» до Божественного. Так Христа изображали на своих мозаиках ариане. Так же Христа снова начнут изображать и в ту эпоху, когда проходил Феррарский собор. У живописца Фра Анджелико, входившего в круг папы Евгения, Христос выглядит как обычный, земной человек; на Его божественную природу

указывает лишь большой позолоченный нимб... И чем далее, тем больше этот реализм будет возрастать и углубляться. Менее чем через сто лет после Феррарского собора будет создано самое физиологичное изображение Христа – «Мертвый Христос» Ганса Гольбейна Младшего. Глядя на которого, один из героев Достоевского воскликнет: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!».

Формальное, «логическое» возвышение Христа через *Filioque* вело к возвышению человека. Не только верующего – любого человека, любой человеческой личности, со всей ее «плотью», страстями и пороками. Богочеловечество Христа подменялось Человекобожеством, обожествлением всякой человеческой особи. Отсюда уже рукой подать и до «сверхчеловека» у Ницше, и до «нового человека», которого пытались создать большевики. Нежная заря Возрождения, восходившая над Феррарой, откликнется заревом русской революции и печами Бухенвальда...

Заседания в Ферраре идут уже больше года. Греки ропщут, некоторые тайно бежали обратно в Константинополь. Папа решает перенести собор из Феррары, бывшей неподалеку от моря, вглубь страны, во Флоренцию. Греки протестуют: «Что латиняне скажут нам во Флоренции того, чего они не смогут сказать здесь?». Но флорентийцы готовы «финансировать» собор; папа обещает выплатить там грекам содержание, задолженное за пять месяцев...

И снова торжественное шествие, с факелами и войском; и блистательная встреча во Флоренции, так что «весь город сотряснулся от грома труб и звука музыкальных инструментов». И великолепный собор, Санта Мария дель Фьоре, еще краше феррарского, освященный папой Евгением тремя годами раньше... И печальный взгляд епископа Марка, уже предвидевшего, чем все это закончится.

«Настоящая жизнь наша не есть ли сон? – напишет он позже. – Не есть ли цвет полевой? Источник быстротекущий? Рассказ? Басня?..»

А пока Марк Евгеник готовится к новым диспутам – пусть даже политически уже бессмысленным. Но речь шла о Вере, здесь сражаться стоило до последнего.

А сражаться было все тяжелее. Уже и император не раз выражал августейшее недовольство несговорчивостью Марка и его сторонников. «Время идет, а мы еще ничего не сделали... – говорил он, и было видно, как ходят желваки на подбеленном лице. – Оставим наши прения и споры и найдем какое-нибудь средство, как осуществить соединение Церквей, и этим удовольствуемся».

Терял терпение и папа Евгений. Из Базеля, где продолжали заседать его противники, приходили новости, одна неприятней другой. Там собирались осудить его и избрать нового папу. Только победа Евгения во Флоренции могла бы как-то остудить эти мятежные головы.

Снова начались задержки в выплате содержания. Нужно было как-то поторопить этих греков, которые только и умеют, что вести вечные споры; нужно заставить их быть немного сговорчивее.

И папа добился своего. 5 июля 1439 года уния была подписана. Греки признавали истинными и православными все догматические нововведения латинян. Марк сидел молча, на предложение поставить свою подпись коротко ответил: «Не подписываю, что бы мне потом ни было».

Вместе с Марком подписывать унию отказался и его младший брат, диакон Иоанн Евгеник; не подписали и еще трое архиереев, предусмотрительно бежавших. Грузинский епископ Григорий, когда его вызвали для подписи, скинул с себя одежду и стал юродствовать, так что его поспешили отпустить...

Флоренция ликовала. К папскому дворцу двигалась процессия из греческих архиереев и знатных вельмож. Шумела толпа, горожане высовывались из окон.

Приняв документ из рук греков, папа быстро проглядел подписи.

«Все ли подписали?» – испытующе вглядывался он в бородатые лица архиереев.

Все, да, почти все, только вот епископ Марк...

«Тогда мы ничего не сделали!» – перебил их папа.

Самообладание снова вернулось к нему. Он бледно улыбнулся и поставил свою подпись.

Папа Евгений мог торжествовать победу. И хотя почти одновременно с подписанием унии собор в Базеле обвинит его в тирании и расколе и низложит, базельские события не получили развития. Большинство западных епископов не желало нового раскола, и Евгений Четвертый благополучно просидит на римском престоле еще семь лет, вплоть до своей смерти.

Верный своему слову, в 1444 году папа благословит крестовый поход на сельджуков. Но под Варной объединенные польские и венгерские войска будут разбиты. Победа придаст сельджукам уверенности, и 28 мая 1453 года войска султана Мехмеда Второго захватят Константинополь.

Папа Евгений покинет мир 23 февраля 1447 года. Как передают, на смертном одре он выражал сожаление, что оставил монастырь и согласился принять на себя власть первосвященника, полную волнений и соблазнов.

...А епископ Марк Евгеник, чудом избежав суда, которым его собирались судить во Флоренции за неповиновение, вернется в Константинополь. Вокруг него сплотятся все, кто был возмущен подписанной унией. Таких было много и, благодаря усилиям Марка, становилось все больше. Марк будет арестован, два года проведет в заключении, продолжая слать оттуда письма своим сторонникам. Даже на смертном одре он произнесет речь, наполненную призывами против униатов. 23 июля 1444 года епископ Марк отойдет ко Господу. Вскоре большинством восточных церквей уния будет отвергнута.

Первый туркестанский епископ

Это было в начале XIX века. Новорожденный сын тверского священника Василия Сокольского, нареченный Стефаном, внезапно так сильно заболел, что родные уже и не ожидали его выздоровления. Отчаявшаяся мать принесла еле живого младенца в церковь и положила под иконой Божьей Матери. Ее горячая молитва была услышана, крохотный Стефан выздоровел. Вдохновленная чудесным исцелением сына, мать дала обет посвятить его иноческому служению.

Мальчик с детства готовился стать монахом, до тонкостей изучил все особенности богослужения, а после блестящего окончания Санкт-Петербургской духовной семинарии, 6 сентября 1827 года принял иноческий постриг под именем Софонии, в честь одного из двенадцати малых ветхозаветных пророков. Так Церковь обрела одного из своих будущих выдающихся иерархов.

24 мая 1872 года туркестанский городок Верный (ныне Алма-Ата), который незадолго до этого числился всего лишь небольшим пограничным укреплением, был взбудоражен необычным для него событием. Военные и гражданские чины областного управления, делегации от мещан и казаки пригородных станиц в девять часов утра торжественно встречали на подходах к городу важную персону, прибывавшую из самого Санкт-Петербурга. Это был епископ Софония, в те времена, пожалуй, один из лучших знатоков Востока среди иерархов Русской Православной Церкви. Святейший Синод поручил ему вновь образованную епархию – Ташкентскую и Туркестанскую.

Сразу же после образования на отвоеванных у Кокандского ханства землях нового генерал-губернаторства перед правительством Российской империи встал вопрос о церковной организации в Туркестане. Управлявший краем генерал-адъютант К.П. фон Кауфман, назначенный лично императором с особыми полномочиями, неоднократно официально просил церковные власти решить этот вопрос. Так, 17 мая 1869 года он писал обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому:

...имею честь покорнейше просить содействия Вашего сиятельства к учреждению во вверенном мне крае <...> отдельной архиерейской кафедры. <...> На первое время местопре-

быванием Преосвященного ввиду исключительного положения Ташкента, этого центра мусульман Туркестанского края, я полагал бы назначить областной город Семиреченской области – Верный. Город этот представляет более всего необходимые условия для удобного и постоянного местопребывания архиерея.

Так и получилось, что главе Туркестанской епархии, с самого начала именовавшемуся «Ташкентским», назначили резиденцией маленький городок на самой окраине империи. Правда, население Верного, действительно, состояло в основном из православных людей, но жило здесь всего около 10 000 человек, а церквей было только две.

Преосвященный Софония принял кафедру епископа Туркестанского и Ташкентского уже в преклонных летах, ему шел 73-й год, и он был слаб здоровьем. Но энергичности владыке было не занимать. Несмотря на тяготы тысячекилометровой дороги в Туркестан и плохое самочувствие, он уже на следующий день после прибытия, 25 мая 1872 года, в праздник Вознесения Господня, совершил литургию в единственной тогда деревянной церкви, находившейся в Малой Алматинской станице. А через пять дней владыка с девятью сопровождавшими его лицами на трех экипажах выехал в Ташкент для личной встречи с генерал-губернатором. Неутомимость епископа Софонии поразила все окружение туркестанского архипастыря. Стало ясно, что он намерен трудиться сверх своих сил, не жалея себя.

Прибыв в Ташкент 3 июня 1872 года, преосвященный Софония на следующий день, в праздник Пятидесятницы, отслужил Божественную Литургию в главном храме столицы Туркестана – военном Иосифо-Георгиевском соборе. Ташкентцы увидели и услышали его впервые. Несмотря на возраст и значительную, при малом росте, полноту, он был быстрым и живым в движениях. Служил владыка величественно, возгласы произносил внятно и звучным голосом. Обращаясь после литургии к собравшимся в церкви, он сказал:

Появление и утверждение в какой бы ни было стране Христовой Церкви, этого богозданного ковчега, ниспосланного земнородным на спасение от потопа греховного, – всегда радовало и радует дух истинных христороубцев. <...> Не служит ли это осязательным знамением и проявлением уже чаемой милости – и к нам самим, коих Создатель всячески благоволил избрать в живые орудия своего благодатного смотра о крае сем, и к тому великому и святому делу, которое через нас начинается во славу Божию. <...> Таковы, возлюбленные братия, щедроты десницы Господней, благодетельной нам и краю сему. В настоящее время нам остается только молиться и благодарить Святейшую, Преславную, Единосущную и Нераздельную Троицу, благодарить от всей души и молить беспредельное милосердие Божие, как о процветании и благоденствии страны сея, так и – особенно – о благосостоянии новосаждаемой Церкви, да будет Она воистину Церковь святая и Божия, да расширятся Ея пределы и к ливу (югу), и к востоку, и да будут все чада Ея не только зваными в ограду Христову, но и избранными для Царства вечной славы и блаженства.

Речь владыки понравилась генерал-губернатору, тоже большому энтузиасту нового края, умелому администратору, который особенно ценил профессионализм в окружающих. С этого момента два ярких представителя двух ветвей власти в Туркестане – административной и церковной – сумели найти общий язык и установили теплые отношения.

Как и К.П. фон Кауфман, епископ Софония имел огромный практический и жизненный опыт. Более двух десятилетий он профессорствовал в различных духовных учебных заведениях России и, будучи архимандритом, возглавлял один за другим семь известных больших монастырей. В 1848 году его назначили настоятелем Посольской Церкви в Константинополе, где архимандрит Софония сумел снять расположение к себе и образованных аристократов, и простых смиренных паломников. Здесь, в Царьграде, колыбели русского православия, монах из России близко познакомился с Востоком, изучил ряд восточных языков и серьезно занялся учеными изысканиями, связанными с отношением русского православия к другим вероисповеданиям. Несмотря на то, что собранный им богатый архив погиб в Константинополе после начала Крымской войны, архимандрит Софония сумел опубликовать несколько важных научных трудов о Востоке.

Затем состоялось его новое назначение – настоятелем церкви русской миссии в Риме. Архимандрит Софония обладал удивительной памятью и прекрасным даром слова. Он принимал деятельное участие не только в окормлении подданных Российской империи, оказавшихся в Риме, но и в дипломатической работе, дважды имел аудиенцию у римского папы Пия IX. Дочь императора Николая I великая княгиня Мария Николаевна, часто бывавшая в Риме со своими детьми, считала себя духовной дочерью преосвященного.

Такой даровитый ученый монах был чрезвычайно нужен Святейшему Синоду. Несмотря на настойчивые просьбы архимандрита отправить его на пенсию по состоянию здоровья, в начале 1860-х годов Софония был командирован на Кавказ для компетентного решения вопроса о принятии в лоно православия персидских и турецких несториан. В этом деле он оказал большую помощь русской православной церкви и в дальнейшем был хиротонисан во епископа.

Знание Востока стало одной из причин назначения преосвященного Софонии епископом в образованную синодальным указом от 17 июня 1871 года Туркестанскую епархию. В продолжительных беседах с генерал-губернатором фон Кауфманом владыка согласился с главным начальником края, что в условиях Туркестана невозможно миссионерство, оно будет вызывать нежелательные недоразумения. Епископ ревностно взялся за основательное знакомство с епархией и решение внутренних церковных дел. Правда, это ему из-за преклонного возраста удавалось с трудом. Например, в июне 1872 года, отправившись по совету фон Кауфмана в Самаркандскую область, где нужно было освятить только что построенную капитальную церковь в Катта-Кургане, преосвященный Софония из-за сильной жары, непривычной для россиянина, не в силах был выехать из Самарканда и вынужден был поручить освящение нового храма ташкентскому протоиерею Андрею (Малову). Сам же, изможденный жарой, пролежал четыре дня в Самарканде, но нашел в себе силы отправиться в обратный путь. В Джизаке, где свирепствовала в то время холера, владыка еще более занемог и в бессознательном состоянии, с угрожающими симптомами, был доставлен в столицу края. В Ташкенте генерал-губернатор откомандировал к больному лучших врачей; им удалось, благодаря энергичному лечению, остановить опасную болезнь.

Помимо необходимости познакомиться с огромным краем, перед владыкой

стояла трудная задача создания практически на пустом месте консистории с необходимым для этого штатом. Никаких помещений ни для консистории, ни для жилья архиерея в небольшом Верном не было. Да и храмов во всем Туркестане насчитывалось тогда всего двадцать шесть. И если в Семиреченской области церкви выглядели достаточно благолепно, то в Сыр-Дарьинской области здания почти всех храмов были временными, построенными на скорую руку часто из глины и даже войлока, вроде юрт, или же помещались в воинских казармах. Они вмещали мало прихожан, в большинстве не имели украшений и иконостасов, а колокола (один, два, редко три) висели на столбах. Тогда медные пушки, отбитые в различных сражениях с ханскими войсками, стали использовать для литья церковных колоколов. В Верный был для этого специально выписан из России мастер-литейщик, который организовал здесь небольшое предприятие. Преосвященный поощрял благотворительность прихожан в украшении храмов, сам для примера подарил Кафедральному собору принадлежащие ему две ценные иконы Божьей Матери. Одну из них – драгоценный образ, писанный на кипарисовой доске, с вложенными в нее частицами мощей святых великомучеников, – епископ Софония получил от игумена русского Палестинского скита в Святой Земле, вторая реликвия – список чудотворной иконы Божией Матери «Касперовская» – была привезена преосвященным из Армении.

Немногочисленное духовенство Туркестанского края в силу обстоятельств непосредственно подчинялось военному начальству. Из-за этого иногда происходили резкие отступления от богослужебного устава и невольные искажения церковных обрядов. А преосвященный Софония являлся величайшим знатоком православного церковного устава. Во время служения в Константинополе он досконально изучил по первоисточникам чиноположения и церковные богослужения различных церквей и впоследствии опубликовал капитальный труд «Современный быт и литургия христиан инославных, яковитов и несториан».

Естественно, что такой знаток и ревнитель церковного благочиния стал лично заниматься обучением туркестанского духовенства правильному исполнению богослужебного устава. Он почти каждый день приезжал в храм, сам объяснял священникам порядок и чин богослужения, указывал, как полагать земные поклоны, как ходить и держать себя, как произносить ектеньи и возгласы. Епископ вникал во все мельчайшие подробности, выходил на клирос, учил псаломщиков подавать кадило, снимать нагар со свечей. Накануне праздников он непременно требовал к себе на спевку певчих архиерейского хора и сам дирижировал. Отдельно владыка репетировал с дьяконами совершение архиерейской службы. В результате весь туркестанский клир в совершенстве изучил богослужебный устав и службы в Туркестане стали совершаться внимательно, чинно и осмысленно.

Строгий в отношении выполнения обрядов, епископ Софония в первое время своего служения в Верном считал необходимым делать немедленно замечания недостаточно ревностным прихожанам. Рассказывают, как-то во время Пасхальной службы он заметил, что некоторые молящиеся в храме не осеняют себя крестным знаменем и не кланяются на его каждение. Епископ Софония тогда громогласно приказал хору замолчать и обратился к прихожанам с такими словами:

Православные торжествующие христиане! Вы не хотите мне, архиерею, держащему в руке святой крест и кланяющемуся вам с каждением вас фимиамом, ответить поклоном, а крест, символ вашего спасения, почтить крестным себя осенением? Вы забыли недавнее мое поучение о том? <...> Стыдно перед самими собой! Грешно перед воскресшим Господом, Которого вы своей небрежностью и невниманием прогневаете в спасительный для нас день Его воскресения!

Народ был поражен. Только после минутного молчания служба продолжилась.

Однако, несмотря на внешнюю суровость, владыка был добр, скромен и неприязнителен. Большую часть своего служения в Туркестане преосвященный жил на тесных и неудобных наемных квартирах, так как архиерейский дом только строился. В холодное время года нередко можно было увидеть епископа сидевшим в своей гостиной в меховой рясе и с муфтой. Но он не жаловался, а шутил: «Вот каков наш туркестанский юг: в комнате сидим в шубах!».

Лето владыка проводил на даче с пасекой, в лесу у речки Алматинки. Деревянный дачный домик состоял всего из двух комнат. А по воскресным и праздничным дням он непременно приезжал в Верный, чтобы самому служить литургию.

Его биограф, монахиня Сергия, так рассказывает о распорядке дня епископа Софонии:

Вставал он всегда в 5 или 6 часов утра, читал утренние молитвы с помянником, в 8 часов пил чай, не более двух чашек и только с небольшим кусочком просфоры. Затем занимался консисторскими делами или исправлением и приготовлением к новому изданию своих прежних сочинений. В час дня он обедал. Обед его состоял из двух или трех самых простых блюд. В особенности, после жизни в Италии, он любил макароны. Кушал умеренно, а вина выпивал во весь обед только одну рюмку хереса, выливая ее часто в стакан холодной воды. После обеда он не имел обычая отдыхать, а занимался чтением газет и журналов, а также книг, которые его интересовали. Затем в 5 часов он выпивал одну чашку чая, иногда заменяя чай свежими фруктами. Если жил в городе, то в 5 или 6 вечера непременно, зимой и летом, выезжал на карете за город, всегда один. Там иногда выходил и гулял пешком по дороге. На обратном пути Преосвященный заезжал иной раз к кому-нибудь из священников, и всегда неожиданно. <...> Часто в зимние вечера собиралось у него духовенство и близкие из светских лиц, и Владыка любил рассказывать про старые времена и про старых людей, которых он знал, и все его рассказы были крайне интересны. Но главное достоинство его, как собеседника, было то, что он говорил красноречиво, прекрасным языком. <...> Во время этих вечерних собраний Преосвященный потчевал гостей чаем, фруктами и конфетами. Вино и закуски в это время никогда не подавались. <...> В восемь часов вечера Владыка всегда ужинал, а затем удалялся в свою келью, где совершал продолжительное молитвенное правило. <...> Затем в 11 часов ложился спать.

В домашней обстановке епископ Софония одевался просто; принимал посетителей в старой полурысе и скуфейке. Панагия и четки обычно лежали перед ним на столе, вечно заваленном бумагами и книгами.

Несмотря на все ухудшавшееся здоровье, владыка продолжал совершать литургии в Кафедральном соборе, налаживал работу консистории, добился роста числа православных храмов в Туркестанской епархии почти в два раза, многие из

них лично освятил. И при этом еще находил время подготовить к изданию и опубликовать в Верном четыре тома своих сочинений.

В сентябре 1877 года, когда исполнилось пятьдесят лет служения преосвященного Софонии, он был возведен в сан архиепископа. Юбилейный обед владыка давал уже в новом архиерейском доме. Но вкушать удобства в почете и славе Высокопреосвященнейшему предстояло всего чуть больше двух месяцев. Рано утром 26 ноября 1877 года архиепископ Туркестанский и Ташкентский Софония скончался. Тело его погребли в Кафедральном соборе Верного у стены за правым клиросом в присутствии множества народа и войск во главе с военным губернатором Семиреченской области генералом Г.А. Колпаковским. Через десять лет во время сильнейшего Верненского землетрясения этот собор будет полностью разрушен...

Служение высокопреосвященного Софонии явилось примером для всех последующих архипастырей в Средней Азии. Он сумел личным примером показать высокое предназначение Русской Православной Церкви в деле мирного сосуществования различных религиозных воззрений. Опираясь на опыт взаимодействия православной восточной церкви с исламом, архиепископ Софония нашел правильную и логичную линию политики православной епархии в регионе с преобладавшим мусульманским населением. Сочетание тактичного отношения к иным убеждениям с твердым следованием Православию позволило созданной в 1871 году епархии успешно окормлять православных христиан Центральной Азии, невзирая на многие политические бури и треволнения последующих эпох.

Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова)^{*}

Итак, в 1923 году обновленцы смогли при поддержке властей захватить почти все храмы Петрограда; лишь десять не признали обновленческое управление. В Москве прошел обновленческий «Всероссийский поместный собор», который «лишил сана» Патриарха Тихона, узаконил женатый епископат, второбрачие клириков, григорианский календарь, превращение монастырей в «трудовые коммуны» и др.

Но ситуация кардинально изменилась после освобождения из-под стражи Патриарха Тихона. 27 июня 1923 года по стране прокатилось массовое народное движение в защиту канонической Церкви.

Не обошло это движение и Петроград:

Летом 1923 г. во всех храмах Петрограда прокатилась волна стихийных демонстраций в пользу Патриарха Тихона. Демонстрации эти вспыхивали совершенно неожиданно, по случайному поводу, и являлись выражением того настроения, которое владело народными массами в Петрограде. <...> Таким образом, в 1923 г. почва в Петрограде была готова для возникновения широкого народного религиозного движения. Оформление такого движения задерживалось лишь из-за отсутствия признанного вождя. Такой вождь появился в сентябре 1923 г. – им стал епископ Мануил (Лемешевский)¹.

23 сентября 1923 года в Москве состоялась хиротония архимандрита Мануила (Лемешевского) во епископа Лужского, управляющего Петроградской епархией. Епископ Мануил прибыл в Петроград в конце сентября 1923 года и уже в октябре вернул в лоно Патриаршей Церкви три четверти петроградских приходов и Александро-Невскую Лавру (за исключением нескольких монастырских храмов, удерживаемых обновленцами)². В области дела обновленцев обстояли еще хуже – состоялся почти стопроцентный переход сельских храмов в Патриаршую Церковь. В борьбе с обновленцами епископу Мануилу помогали члены Александро-Невского братства: иеромонах Варлаам (Сацердотский), Л.Д. Аксенов, Н.Н. Киселев и другие³.

^{*} Продолжение. Начало в № 4 (XLVIII), 2018.

Протоиерей Михаил Чельцов описал в своих воспоминаниях действия Лужского епископа:

Мануил выступил сразу многоречивым, смелым, бойким обличителем обновления, громко звал духовенство к Патриарху Тихону, обновление именовал ересью и расколом, и объявил, что к Патриарху Тихону могут прийти из обновления только через публичное покаяние⁴.

По словам протоиерея Михаила, епископ Мануил возбудил против себя главарей обновления и стоящую за ними власть. Начальник 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков звал его не иначе, как «горбатый»⁵. Когда епископ Мануил в конце января 1924 года прибыл в Москву для переговоров о делах Ленинградской епархии к Тучкову, последний перебил епископа на первом же слове: «С такими архиереями, как Вы, не разговаривают, таких архиереев к стенке ставят»⁶. Епископ Мануил не стал продолжать разговор и составил официальную жалобу в Наркомат юстиции на ГПУ.

В начале февраля 1924 года Тучков лично выехал в Ленинград (в который к тому времени успели переименовать Петроград). Епископ Мануил со своими ближайшими помощниками были арестованы. В сентябре 1924 года епископа Мануила и Л.Д. Аксенова приговорили к трем годам концлагерей и отправили в Соловецкий лагерь. К двум годам концлагерей приговорили иеромонаха Варлаама (Сацердотского) и объявленного «тайным монахом» Н.Н. Киселева, их также сослали на Соловки. После ареста и высылки епископа Мануила законная церковная власть в Ленинграде с февраля 1924 года перешла к освобожденному из заключения епископу Кронштадтскому Венедикту (Плотникову), а затем к Епископскому Совету, возглавляемому епископом Шлиссельбургским Григорием (Лебедевым).

Тем временем, отбыв положенный срок, епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов) и архимандрит Гурий весной 1925 года возвратились из ссылки.

7 апреля 1925 года, в праздник Благовещения, скончался Патриарх Тихон. Будучи проездом в Москве, архимандрит Гурий вместе с епископом Иннокентием участвовал 12 апреля в отпевании Патриарха в качестве уставщика. После долгой разлуки они встретились у гроба того, кто еще в 1918 году благословил их на создание Александро-Невского братства, дал крест и грамоту на это дело⁷. Архимандрит Гурий с епископом Иннокентием вернулись в Ленинград, где их ожидал освободившийся еще в конце 1924 года иеромонах Лев (Егоров).

После их воссоединения деятельность Александро-Невского братства стала оживляться. По возвращении в Ленинград епископ Иннокентий возглавил братскую деятельность. Его приписали к церкви святых Бориса и Глеба на Калашниковской (Синопской) набережной. В этот храм епископ Иннокентий перевел значительную часть Александро-Невского братства и братский хор. Будучи епископом Ладожского викариатства, он вошел в Епископский совет, на тот момент управлявший Ленинградской епархией. Основным храмом Александро-Невского братства в 1925 году оставалась Троицкая церковь Творожковского подворья. Там продолжал служить архиепископ Гавриил (Воеводин), уклонившийся в 1922 году в обновленческий раскол, через год принесший покаяние и пребывавший на покое.

Было решено оставить в Троицкой церкви братский чин богослужения. Так возник второй хор Александро-Невского братства. Он состоял в основном из так называемых «пекинских» сестер, возглавляемых Анной Ивановной Кошкиной (Нюрой Пекинской) – женой выпускника Богословско-пастырского училища Александра Кошкина, будущего священника. Регентом нового хора стала Вера Николаевна Киселева, которая продолжала жить в расположенной неподалеку общине сестер на Конной улице⁸.

Архимандрит Гурий был назначен настоятелем Лаврской Киновии⁹, которая стала третьим центром Александро-Невского братства. По воспоминаниям митрополита Иоанна (Вендланда), это был уединенный уголок на правом берегу Невы. В середине кладбища возвышался каменный собор, а недалеко от него – деревянная зимняя церковь. Прежде это был небольшой общежительный монастырь, основанный при даче петербургских митрополитов для монахов, ищущих более строгого иноческого жития. Сюда же посылали провинившихся монахов на исправление. Теперь это был приходской храм, в котором служили два монаха, архимандрит Игнатий и иеромонах Иоасаф. Посещаемость этого прихода была небольшой по причине пустынной местности, удаленной от жилых кварталов (надо было перебираться на другой берег Невы). На всенощных было не более десяти молящихся, на воскресных Литургиях присутствовало от пятидесяти до ста человек.

Архимандрит Гурий обычно предоставлял служение всенощной своим помощникам, а Литургию возглавлял сам. Жил он в одном из домиков недалеко от храма, там же размещались два других священника и служащая за свечным ящиком (Мария Васильевна)¹⁰.

18 декабря 1925 года епископ Иннокентий (Тихонов) был снова арестован. На основании обнаруженного у него «Катехизиса по вопросам обновленчества в Русской Православной Церкви» (который вызывал сильную тревогу у ОГПУ) епископа Иннокентия обвинили в распространении литературы «контрреволюционного характера». Продержав пять месяцев в тюрьме, его отправили в ссылку в Сибирь – в Братский Острог (ныне – город Братск). В Ленинград он уже больше не вернулся. Александро-Невское братство в материалах дела не фигурировало, но арест и ссылка епископа Иннокентия негативно сказалась на деятельности братства. Та часть братчиков, которая перешла в храм святых Бориса и Глеба, где служил епископ Иннокентий, в 1926 году была вынуждена оставить его и вернуться в Троицкую церковь Творожковского подворья¹¹.

В целом, 1926–1928 годы были относительно благоприятным периодом существования братства, хотя деятельность его оставалась официально нелегальной. После ареста епископа Иннокентия его возглавляли три находившихся между собой в тесном духовном общении и единстве руководителя: Гурий и Лев (Егоровы) и Варлаам (Сацердотский). Последний вернулся в Ленинград в 1926 году, стал служить в Троицкой церкви Творожковского подворья и вскоре был возведен в сан архимандрита. Иеромонаха Льва в 1926 году назначили настоятелем одного из крупнейших соборов Ленинграда – храма Феодоровской иконы Божией Матери на Миргородской улице, и возвели в сан архимандрита. Но все же, из трех отцов

главную роль в руководстве братства играл архимандрит Гурий. Весной 1926 года он стал заведующим Богословско-пастырским училищем и благочинным монастырей Ленинградской епархии, расположенных за пределами города. При этом архимандрит Гурий окормлял общину сестер на Конной улице и руководил мужским монашеским кружком¹².

После закрытия в 1923 году Богословского института это училище продолжало существовать и вести религиозно-просветительскую работу. Оно переехало из Александро-Невской Лавры в здание приходского дома при Исидоровской русско-эстонской церкви (Екатерингофский проспект, 24). В 1924 году И.П. Щербов по состоянию здоровья отказался от заведования Богословско-пастырским училищем, оно перешло сначала к настоятелю Исидоровской русско-эстонской церкви протоиерею Александру Пакляру, а затем, весной 1926 года, – к архимандриту Гурию (Егорову).

В книге прот. Владимира Сорокина «Исповедник» без каких-либо ссылок на первоисточники приводятся следующие сведения:

Еще раньше, в 1921 и 1922 гг., «ученые монахи» Лавры (иеромонахи Гурий и Лев – Д.П.) почему-то невзлюбили Богословский институт и начали возбуждать против него профессоров бывшей Духовной академии под флагом «восстановления ученой деятельности Академии». Интрига была сразу раскрыта, истинное, исполненное уважения отношение Богословского института к профессорам академии было вполне доказано, и некрасивая, неумная попытка дискредитации Богословского института и «разделения» ученых сил не удалась¹³.

Далее указывается, что с переходом руководства училищем к архимандриту Гурию с ближайшими помощниками (архимандритом Львом и протоиереем Федором Андреевым) «общее настроение и даже направление» Богословско-пастырского училища стало меняться – слушатели стали втягиваться в «церковную политику», проводимую руководством училища. Поводом к «церковному политиканству» для руководителей Богословско-пастырского училища послужило: 1) нахождение училища под одной крышей с Высшими Богословскими курсами, в состав которого вошли бывшие деятели Богословского института; 2) появившееся в 1922 году в Петрограде и сильно развившееся обновленческое движение, разделившее верующих на два лагеря – «тихоновцев» и обновленцев. При этом якобы руководители Богословско-пастырского училища присвоили себе привилегию «православного», а на деятельность Богословских курсов навесили ярлык «колеблющиеся», «согласители» и пр. Поначалу противоречия между двумя учебными заведениями сдерживал епископ Венедикт (Плотников), но позже антагонизм усилился при епископе Григории (Лебедеве), вставшем на сторону училища. Это «крайне нездоровое настроение» Богословско-пастырского училища проявилось в 1927 году в связи с Декларацией митрополита Сергия (Страгородского), когда в Ленинграде проявилось иосифлянское движение*. Тогда часть слушателей Богословско-пастырского училища встала на сторону иосифлян¹⁴.

* *Иосифлянтство* – устоявшееся обозначение части оппозиционного движения в Русской православной церкви, возникшего в конце 1927 года как протест против смещения с Ленинградской кафедры митрополита Иосифа (Петровых) Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). См. о возникновении этого движения ниже. (Прим. ВС.)

Однако из официальных документов известно следующее.

13 апреля 1925 года скоропостижно умер Иван Павлович Щербов, преподававший в училище вплоть до своей кончины. Заведующим Богословско-пастырским училищем на тот момент уже был протоиерей Александр Пакляр. В одном здании одновременно находились Богословско-пастырские курсы и Высшие богословские курсы.

В октябре 1925 года Педагогический совет курсов, учитывая, что весной того года вернулись из ссылки бывшие преподаватели училища – архимандриты Гурий и Лев (Егоровы), а также епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов), – постановили на преподавание общей церковной истории и русской церковной истории пригласить архимандрита Гурия, а епископа Иннокентия просить взять на себя занятия по проповедничеству.

1 марта 1926 года Педагогический совет училища постановил избрать архимандрита Гурия помощником заведующего и пригласить для чтения лекций по гомилетике архимандрита Льва (Егорова).

14 мая 1926 года протоиерею Александру Пакляру был вынесен обвинительный приговор, после чего он больше не мог занимать должность заведующего училищем и преподавать.

26 мая 1926 года Педагогический совет возложил исполнение обязанностей заведующего Богословско-пастырским училищем на архимандрита Гурия. Архимандрит Лев, в свою очередь, преподавал в училище русскую литературу и был членом его Педагогического совета¹⁵.

Высказывания о существовавших противоречиях между Богословско-пастырским училищем и Высшими Богословскими курсами присутствуют в дневнике протоиерея Николая Чукова, заведовавшего вторым из указанных духовных учебных заведений.

27 октября 1925 года он сделал следующую запись:

Был у Преосв[ященного] Венедикта. Предупредил его об интригах Пастырского училища. Он рассказал мне еще нечто большее. Летом велась формальная интрига и против самого Венедикта с целью свалить его, поставить на [его] место Иннокентия, а затем свалить и меня. <...> Этот Иннокентий усиленно старается провести в епископы архим[андрита] Льва – такого же зеленого, без малейшего опыта монаха, чтобы иметь в Епископском совете поддержку. «Мы еле с ним-то справляемся», – говорит Преосв[ященный] Венедикт. Когда Венедикт сказал, что есть более серьезные кандидаты, и назвал о. К. Ивановского, о. Пашского, о. Митроцкого, то против последнего особенно восставал Преосв[ященный] Иннокентий, как против «нетвердого в Православии». Вообще, эта «охрана Православия» и вопрос о благодатности теперь модны, и все расценивается только с этой точки зрения. <...> Преосв[ященный] Григорий задумал реорганизацию Пастырского училища, тоже не без подсказа и влияния «благодатных» и не без подвоха под Богословские курсы¹⁶.

Итак, некоторое противостояние между двумя духовными учебными заведениями в определенной степени было. Но происходило оно на фоне общей нездоровой обстановки, сложившейся в Ленинградской епархии. В Ленинграде проживало до десяти викарных епископов, еще трое находились в ссылке. При фактическом отсутствии правящего архиерея проявилось столкновение личных амбиций вика-

риев, у каждого из которых имелись свои сторонники. Об этом свидетельствуют публикации обновленческого печатного органа:

В Ленинграде тихоновские епископы все не могут поладить между собою и, благодаря этому, наблюдается расслоение и среди тихоновского духовенства, и среди верующих¹⁷.

В столкновениях викариев усматривал истоки «церковной разрухи» в северной столице и другой очевидец этих событий, протоиерей Михаил Чельцов.

При таком столкновении прав и полномочий между викарными, при отсутствии правящего епископа, естественно стало втягиваться в борьбу архиерейских самолюбий приходское духовенство и даже миряне. Архиерейский авторитет стал падать, архиереи ссорятся, как же к ним с почитательностью и покорностью относиться! Архиереи невольно стали искать поддержки у духовенства, у тех или иных лиц, коих они почему-то почитали близкими себе и к себе расположенными. Духовенство стало являться выше архиереев, судьями над ними, разделилось – хотя только отчасти, не вполне – на две партии. Духовенство получило толчок и положило начало разбираться в архиереях, вести их за собой, поставлять и увольнять¹⁸.

Во многом эти разногласия провоцировались органами госбезопасности. Как отмечает историк В. Антонов:

Возглавляемый Е.А. Тучковым церковный отдел ОГПУ педантично планировал мероприятия по удушению Церкви, учитывая личные отношения среди архиереев и клириков. Слухами и провокациями отдел натравливал одних архиереев на других, используя их слабости и особенности характера, и невольно заставлял их пособлять в своих планах. Со временем, когда самые упорные противники будут уничтожены или сломлены, госбезопасность начнет прямо диктовать иерархам свою волю, добившись в конце концов подчинения большей их части интересам режима¹⁹.

Протоиерей Владимир Сорокин дополнительно приводит мнение профессора А.А. Дмитриевского о деятельности архимандрита Гурия в Богословско-пастырском училище (профессор почему-то называет училище курсами):

Ценя усердную работу на Пастырских курсах первого времени попечительнейшего отца архимандрита Гурия и его доблестное служение Православной Церкви, я охотно согласился, по желанию владыки Иннокентия, присоединить и его к числу работников и на Пастырско-Богословских курсах (имеется в виду Богословско-пастырское училище – Д.П.). Не отказывал я в своем согласии и в назначении его помощником Заведующего курсами, хотя мысль эта почему-то из среды студенчества. Но когда о. Гурий неожиданно очутился в роли единственного начальника курсов и в Совете курсов и на самих курсах (имеется в виду преподавание в училище – Д.П.) вместо полного братского единения и дружной совместной работы, чем жили курсы дотоле под незабвенным отеческим руководством И.П. Щербова и его достойного преемника о. Александра Пакляра, работа приняла характер нервно-формальный. На курсах повеял дух не только тревожный, но прямо дезорганизующий, делающий спокойную работу весьма трудной. Среди учащейся молодежи царит также беспокойный дух и стремление обособиться и мыслить себя самостоятельной единицей под кровом гостеприимно принявшего здания для серьезного по духу и целям среднего учебного заведения. Печально, что это беспокойное настроение курсов проник-

ло и далеко за пределы стен зданий в среду духовенства города, дающего средства на их содержание. Печальными последствиями этой тяжелой атмосферы я считаю прискорбный отказ о. Александра [Пакляра] от заведования и прекращения чтения лекций на этот год. <...> По всем этим данным <...> я нахожу поручить курсы о. Гурию в данное время, по моему мнению, преждевременно и, пожалуй, рискованно²⁰.

Каким бы ни было частное мнение профессора А.А. Дмитриевского, архимандрит Гурий оставался заведующим Богословско-пастырским училищем вплоть до его закрытия в августе 1928 года.

Кроме того, при Киновии, где архимандрит Гурий служил настоятелем, им был создан третий братский хор. Регентом хора была Лидия Александровна Мейер, дочь философа А.А. Мейера. Певчими этого хора были духовные чада архимандрита Гурия, в их число входили Константин Вендланд (будущий митрополит Иоанн) и Александр Хархаров (будущий архиепископ Михей).

Как вспоминал митрополит Иоанн:

Принцип пения в этом хоре заключался в простоте: пели без нот, по гласам. Отец Гурий был противником так называемого партесного пения, когда хор разделяется на сопрано, альтов, теноров, басов и каждый по нотам поет свою партию. Зато в кинобийском хоре поощрялось пение по квадратным нотам, когда все голоса поют в унисон. Квадратные ноты были совершенно необходимы за Литургией для исполнения различных Херувимских песен, «Милость мира», задостойников, а также прокимнов. Как известно, квадратные ноты представляют собой расшифровку, т.е. переложение на современный нотный стан древнерусских «крюков» Знаменного и других распевов. Таким образом, в кинобийском хоре в какой-то степени оживала древняя Русь. В особенности прекрасно исполнялись «статьи» на Утрени Великой Субботы (благодаря квадратной ноте пение на этих «статьях» занимало гораздо больше места, чем в обычных храмах. Все остальное, как я уже написал, пелось просто по гласам, и бас мог петь мелодию. Но, впрочем, допускалось и некоторое разделение на голоса: альт пел на терцию ниже, чем сопрано, а иногда выводил басовые фиоритуры²¹.

В Богословско-пастырское училище, которым заведовал архимандрит Гурий, принимались без экзаменов все желающие старше 18 лет. В училище поступили две сестры Константина Вендланда (ему самому тогда было всего 17 лет) – Елизавета и Евгения. Система была лекционной, сдавались только те предметы, которые читались. Занятия проводились по вечерам.

Как писала в своем дневнике Елизавета Николаевна Вендланд:

В 1926 г., осенью, в пастырском училище появилось еще одно лицо, которое оказало коренной переворот в наших душах и определило дальнейшее течение нашей жизни. Это был архимандрит Гурий. Ему тридцать пять лет, и он становится заведующим пастырским училищем. Преподавал он нам историю Церкви. Но нас не столько интересовали его лекции, сколько то, что в нем мы сразу почувствовали духовного руководителя. Богослужения в пастырском училище, посещение кинобии – открыло нам какую-то совершенно новую жизнь людей, посвятивших себя Богу. Это – монашество. Я поняла, что и для меня возможна и необходима такая жизнь. И с тех пор я как бы обручилась с намерением отрешиться от своих интересов и жить для Церкви²².

Жили брат и сестры Вендланд на Екатерингофском проспекте в доме № 63 в большой квартире. Семья была дворянского происхождения, мать происходила из рода Лермонтовых, отец к тому времени умер. Константин учился на геологическом факультете Ленинградского горного института. Елизавета в 1925 году закончила Государственный институт медицинских знаний. В Киновии Елизавета познакомилась с Александром Хархаровым и нередко подкармливала его бутербродами²³.

Митрополит Иоанн (Вендланд) вспоминал, как он впервые увидел архимандрита Гурия в 1927 году:

Я выходил из вестибюля русско-эстонской церкви, а он входил и остановился для того, чтобы осенить себя крестным знамением. Вид у него был молодой и вдохновенный²⁴.

А первая значительная встреча Константина с архимандритом Гурием произошла летом 1928 года:

Я встретил его на правом берегу Невы и проводил домой. Поинтересовался, как лучше читать Евангелие? Он ответил мне совершенно точно, предложил метод. По этому методу надо было завести тетрадку, согнуть вдоль ее страницы, а затем внимательно читать Евангелие. Обязательно появятся вопросы. Вопрос надо записать в тетрадке с левой стороны, а затем читать Евангелие дальше. И непременно где-нибудь дальше появится ответ на записанный вопрос. Этот ответ надо записать в тетрадку, на ее правой стороне, против вопроса. Так читать было очень увлекательно, и я, последовав предложенному методу, получил очень много пользы²⁵.

В 1926 году молодые ученые Никита Мещерский и Ростислав Лобковский организовали монашеский кружок (кружок по изучению монашества) имени Иоанна Лествичника. Первоначально его возглавлял архимандрит Лев, с осени 1926 года – вернувшийся из ссылки архимандрит Варлаам, а с 1928 года – архимандрит Гурий. Почти все члены кружка в дальнейшем приняли монашеский постриг. Видя нарастающее уничтожение монастырей, руководство Александро-Невского братства активно старалось подготовить к постригу молодых образованных людей. Архимандрит Гурий имел намерение вдобавок к существующим двум женским общинам основать полуполицейскую мужскую общину. И хотя этот план до конца не осуществился, не менее девяти молодых людей, связанных с братством, приняли постриг в мантию. Одним из членов Александро-Невского братства, принявших постриг, был Сергей Михайлович Суторихин (впоследствии – архимандрит Серафим*). Сергей принял постриг 12 апреля 1929 года, через два дня был рукоположен во иеродиакона, а 4 апреля 1931 года – во иеромонаха.

Не всем архимандрит Гурий советовал принять постриг. Н.А. Мещерский вспоминал, как архимандрит Гурий ответил на его вопрос о дальнейшей судьбе – продолжать ли заниматься наукой или принять монашество и священство: «Пока тебе рано. Сократи свою духовную деятельность и пробивайся в науке»²⁶.

* Об архим. Серафиме (Суторихине) см.: Галак А. «Высший подвиг – в терпении, в любви и мольбе...» Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина) // ВС. № 4 (XLVIII). С. 44-66. (Прим. ВС.)

С конца 1926-го по 1928 год архимандрит Гурий был настоятелем Успенского храма подворья Киево-Печерской Лавры²⁷ в Ленинграде, продолжая преподавать историю Церкви в Богословско-пастырском училище. В 1927 году здесь обучалось около семидесяти человек, и популярность училища стала вызывать раздражение у местных властей.

В мае–июне 1927 года прошли аресты, затронувшие членов Александро-Невского братства.

27 мая 1927 года были арестованы архиепископ Гавриил (Воеводин), архимандриты Гурий и Лев и несколько братчиц. По делу проходили настоятель Александро-Невской Лавры епископ Григорий (Лебедев), преподаватели Богословско-пастырского училища протоиерей Феодор Андреев и протоиерей Никифор Стрельников, а также другие лица.

29 мая 1927 года ректор Высших Богословских курсов протоиерей Николай Чуков отметил эти события в своем дневнике:

Сейчас был о. Карп²⁸ и сообщил, что вчера архимандриты Лев и Гурий (Егоровы) были вызваны в ГПУ и оттуда препровождены на Шпалерную в ДПЗ. По дороге о. Лев передал кому-то из поджидавших, что допрашивали о Пастырском училище. Таким образом, своей глупой политикой оппозиции власти сгубили училище, которое, возможно, закроют. Вчера днем к о. Карпу приходили из Райисполкома Шляпин с делопроизводителем Воронцовым и осматривали инвентарь курсов, но, оказывается, должны были переписать инвентарь училища, что потом и сделали. Назвали училище «контрреволюционным гнездом». К нашему учреждению, по-видимому, отношение благосклонное. Думаю, что арест Егоровых имеет причины более глубокие: не в училище дело, которое является здесь только поводом, а в их общей политике противодействия желанию наших прогрессивных кругов войти и жить в контакте с государственной властью, что они называют «соглашательством»²⁹.

Архимандрита Гурия следствие обвинило в хранении и распространении лекций контрреволюционного содержания, а архимандрита Льва – в проведении посредством лекций антисоветской агитации. Архимандриты Гурий и Лев отрицали свою вину, в итоге «дело Богословско-пастырского училища» развалилось. Через полгода, 19 ноября 1927 года, всех арестованных освободили под подписку о невыезде, а через год, в ноябре 1928 года, дело было прекращено за недостатком «компрометирующего материала»³⁰.

Здесь необходимо пояснить обстановку в 1926–1927 годах в Русской Православной Церкви и, в частности, в Ленинградской епархии.

В середине 1920-х годов особенно остро встал вопрос о легализации Русской Православной Церкви советской властью. Высшее церковное управление до 1927 года не было легализовано. Этот вопрос не был решен ни при Патриархе Тихоне (Беллавине), ни при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре (Полянском), арестованном в декабре 1925 года, ни при его Заместителе митрополите Сергии (Страгородском). В 1926 году некоторыми ленинградскими церковными деятелями была предпринята попытка легализации на епархиальном уровне. Результатом ее стало разделение активной части местного духовенства на приверженцев митрополита Иосифа (Петровых), выразивших большие сомнения по поводу легализации, и на ее убежденных сторонников, ориентированных больше

на архиепископа Алексия (Симанского). Среди сторонников легализации заметную роль играл протоиерей Николай Чуков (будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий)³¹.

Епископ Николай (Ярушевич) вернулся из ссылки в марте 1926 года. Следом за ним в праздник Благовещения возвратился из ссылки епископ Ямбургский Алексей (Симанский). По возвращении в северную столицу у епископа Николая сложились довольно напряженные отношения с управляющим Ленинградской епархией епископом Шлиссельбургским Григорием (Лебедевым). 26 августа 1926 года указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя на Ленинградскую кафедру «вследствие настоятельной просьбы верующих» был назначен архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых) с возведением в сан митрополита³². 11 сентября новый архипастырь прибыл в северную столицу. С его именем связывались надежды на прекращение борьбы между викариями и восстановление порядка в епархии. Отслужив в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, митрополит Иосиф 13 сентября уехал за вещами, но был вызван в ОГПУ в Москву, где отверг предложенный план легализации Ленинградского Епархиального управления. Власти отправили митрополита Иосифа в Ростов Великий, откуда выезд ему был запрещен. Позднее он был арестован и выслан в Николо-Моденский монастырь.

Временно управляющим Ленинградской епархией митрополит Иосиф назначил архиепископа Кингисеппского Гавриила (Воеводина), ранее пребывавшего на покое. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) назначил епископа Алексия (Симанского) управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского (позже Ходынского), но тот не был допущен местными властями к служению и остался служить в Ленинграде.

К этому моменту в Ленинградской епархии образовались две враждующие группировки. К первой принадлежали епископы Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) и Гдовский Димитрий (Любимов), к которым позже присоединился епископ Нарвский Сергей (Дружинин). Вторая группировка состояла из архиепископа Алексия (Симанского) и епископа Николая (Ярушевича). Причиной их противостояния, помимо личных антипатий, было различное понимание возможности дальнейшего существования Церкви при советском режиме. Первая группа иерархов отрицала какой-либо договор с властями и компромисс с обновленцами. Преосвященные Алексей и Николай, наоборот, не исключали возможности переговорного процесса с обновленцами и компромисса с советской властью ради создания общепризнанного Епархиального управления. 19 апреля 1927 года был арестован архиепископ Гавриил (Воеводин), епископ Николай вступил в должность временного управляющего Ленинградской епархией³³.

В апреле 1927 года после четырехмесячного ареста вышел на свободу и получил возможность проживания в Москве митрополит Сергей (Страгородский). Заместитель Патриаршего Местоблюстителя организовал Временный Патриарший Священный Синод, состоящий из восьми архиереев, который 20 мая был признан властями. 25 мая 1927 года состоялось заседание легализованного органа Высшего Церковного Управления, и в тот же день епископату на местах было разослано послание с предложением организовать временные Епархиальные советы с реги-

страцией в местных органах власти. Таким образом был сделан первый шаг для признания структур управления Патриаршей Церкви.

Тем временем, епископ Николай (Ярушевич), вступив в должность управляющего епархией, столкнулся с недружественным отношением к нему епископов первой группировки, к которым присоединился вернувшийся с Соловков (в сентябре 1926 года) епископ Колпинский Серафим (Протопопов). Архиереи были недовольны поведением епископа Николая и выдвигали против него обвинение в авторитаризме. Но, несмотря на недовольство части духовенства, епископу Николаю до осени 1927 года удавалось сохранять баланс сил в епархии.

Новый серьезный кризис в Церкви возник после того, как 29 июля 1927 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) совместно с членами Временного Патриаршего Священного Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве», получившее известность как Декларация 1927 года. В этом послании сообщалось о легализации Временного Синода и выражалась благодарность советскому правительству за внимание к «духовным нуждам православного населения».

Значительное число клириков и мирян увидело в Декларации угрозу подчинения Церкви безбожному государству. Не менее сорока иерархов в течение нескольких месяцев отказались от административного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Ленинград вскоре стал центром оппозиции новому курсу церковно-государственных отношений. В то же время временный управляющий Ленинградской епархией епископ Николай (Ярушевич) проявил себя как сторонник курса митрополита Сергея (такая позиция ее противниками именовалась «сергианством»). Понимая, что советский режим установился «всерьез и надолго», он ради сохранения легального централизованного церковного управления допускал возможность серьезных уступок власти. Неудобные, с точки зрения властей, епископы увольнялись на покой, а «подозрительные» переводились на другие кафедры.

Так случилось и с митрополитом Иосифом (Петровых), который с осени 1926 года не допускался в Ленинград. Постановлением Временного Патриаршего Синода от 17 сентября 1927 года он «по соображениям большой пользы церковной» был перемещен на Одесскую кафедру. Нового назначения митрополит Иосиф не принял и в ответ на перемещение телеграфировал: «Перемещение противоканоническое, недобросовестное, угождающее злой интриге, мною отвергнуто»³⁴. По Ленинградской епархии прокатилась волна возмущения, и 3 октября епископ Николай был вынужден доложить митрополиту Сергию о начавшихся нестроениях в епархии. В этой непростой ситуации управление Ленинградской епархией взял на себя Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский). Он должен был 6 декабря прибыть в Ленинград и совершить Божественную Литургию в Александро-Невской Лавре, но власти не пустили его в город. В то же время большинство викарных епископов вошли в открытую оппозицию митрополиту Сергию. Верность Заместителю Патриаршего Местоблюстителя безоговорочно сохраняли лишь епископ Петергофский Николай (Ярушевич) и новопоставленный епископ Детскосельский Сергей (Зенкевич)³⁵.

12 декабря 1927 года в Москве состоялась встреча группы оппозиционеров, возглавляемой епископом Димитрием (Любимовым), с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Оппозиция критиковала выбранный митрополитом Сергием курс и требовала возвращения на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа (Петровых). Встреча не принесла результатов. В возникновении церковных разногласий не последнюю роль сыграли интриги ОГПУ. Когда в ноябре 1927 года осложнилась ситуация в Ленинградской епархии, из-под стражи были освобождены архиепископ Гавриил (Воеводин), епископ Григорий (Лебедев), архимандриты Гурий и Лев (Егоровы).

Это освобождение было частью плана 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ, возглавляемого Е.А. Тучковым, который провоцировал возникновение оппозиции Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию. Ленинградское управление ОГПУ пыталось использовать освобожденных священнослужителей в своих целях, о чем докладывало Тучкову 26 ноября 1927 года:

В числе таких оппозиционеров состоят: архимандриты Лев и Гурий Егоровы и епископы Григорий Лебедев и Гавриил Воеводин, которые до 19/XI находились под арестом. В интересах дальнейшей тактической линии по регулированию оппозиционной группы мы, по агентурным соображениям, вышеупомянутых лиц своевременно освободили, с соблюдением всех предосторожностей, гарантирующих работу на дальнейшее. По имеющимся у нас агентурным данным, освобожденные уже примкнули к оппозиционной группе и ведут кое-какую работу в ней³⁶.

Как справедливо отмечает публикатор, ожидания сотрудников ОГПУ не оправдались в отношении освобожденных архиепископа Гавриила, архимандритов Льва и Гурия: в итоге они не отделились от митрополита Сергия. Лишь двое освобожденных в ноябре 1927 года – протоиереи Феодор Андреев и Никифор Стрельников – стали активными участниками иосифлянского движения³⁷.

26 декабря 1927 года епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин) подписали официальный акт о разрыве общения с митрополитом Сергием. 30 декабря на внеочередной сессии Временного Патриаршего Синода было принято определение о запрещении в священнослужении епископов Димитрия и Сергия. Управляющий епархией епископ Николай (Ярушевич) запретил в священнослужении нескольких оппозиционных клириков. Оппозиционные настроения вышли за пределы Ленинградской епархии. 6 февраля 1928 года общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя официально разорвал митрополит Иосиф (Петровых), присоединившийся к архиереям Ярославской епархии, возглавляемым митрополитом Агафангелом (Преображенским). Движение оппозиции Заместителю Патриаршего Местоблюстителя получило название иосифлянского, по имени митрополита Иосифа, хотя фактически его руководителем являлся епископ Димитрий (Любимов). Иосифляне составили самую многочисленную и наиболее организованную часть движения «непоминающих» (за богослужениями не поминали советскую власть и митрополита Сергия). В то же время «правую» оппозицию нельзя отнести к расколу, так как иосифляне за богослужением продолжали возносить имя законного Патриаршего Местоблюстителя – митрополи-

та Крутицкого Петра (Полянского); правильнее говорить о разделении в Патриаршей Церкви.

10 февраля 1928 года решением митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода на Ленинградскую кафедру был назначен митрополит Серафим (Чичагов). Новый управляющий епархией полностью поддерживал линию митрополита Сергия на легализацию Церкви. Ощутимое влияние оказала и позиция руководителей Александро-Невского братства – Гурия и Льва (Егоровых), которые не присоединились к оппозиции. В Ленинградской епархии был восстановлен прежний порядок с тремя викарными епископами, во всем подчиняющимися митрополиту. В то же время ОГПУ начало преследование иосифлян. Руководители движения и рядовые члены подверглись арестам с последующим осуждением на длительные сроки ссылки, тюремного или лагерного заключения. Нередкими стали приговоры к высшей мере наказания. В начале 1930-х годов легальное движение «правой» церковной оппозиции было почти полностью разгромлено. В условиях советского режима для выживания Церкви оказалось только два пути – или легализация Церкви на условиях власти, или переход на нелегальное положение.

В это непростое время архимандрит Гурий оставался главным руководителем и духовником женской общины на Конной улице, старшей сестрой которой вновь стала монахиня Мария (Шмидт), вернувшаяся вместе с архимандритом Гурием из ссылки в 1925 году. Даже пребывая в заключении, архимандрит Гурий посылал сестрам письма с советами, назиданиями и утешениями. Незадолго до своего ареста, 14 февраля 1927 года, архимандрит Гурий написал им наставление:

Дорогие мои! Не знаю, вернусь ли завтра с Гороховой. Хочу написать Вам нечто вроде завещания. Крепко держитесь за послушание. Пусть старшая сестра станет Вам действительно старшей. А сестре Марии повелеваю, никогда не считать себя начальницей и не принимать начальственного тона, а действовать словом убеждения и терпением. Еще: помните, что Вам нет уже пути в мир. Если кто-то почувствует, что созрел до монастыря, может идти туда, но только если этот монастырь хранит три обета монашества. А пока что – стремитесь посылно проводить в жизнь каждодневно послушание, нестяжание и целомудрие. Не останавливайтесь, идите вперед, все к большему осуществлению этих обетов. Я не передаю руководство Вами никому из отцов, оставляю его всецело за собой. Если умру, обращайтесь за советом и благословением к владыке Иннокентию. А пока руковожу я, а меня заменяет сестра Мария. Поручения и просьбы отцов исполняйте только с ее разрешения. Это храните свято. Недовольство друг другом открывайте непосредственно, не в силах молча побороть. Духом не падайте. Я считаю, что у Вас в общем благополучно и много хороших сторон. Да благословит Вас Христос³⁸.

Выйдя из полугодового тюремного заключения 29 ноября 1927 года, архимандрит Гурий пробыл на свободе чуть более года. В предчувствии очередного скорого ареста он написал еще одно наставление сестрам 16 ноября 1928 года:

1) Ходить в храм по возможности ежедневно. 2) Присутствовать неуклонно на домашней молитве (утренняя и вечерняя молитва, повечерие и др.) и выполнять ее благоговейно, строго придерживаясь установленных часов. 3) Аккуратно выполнять свое личное правило, как молитвенное, так и библейское. 4) Говорить только необходимое. 5) Между собой хранить мир и дружбу, относясь друг к другу терпимо, снисходительно, благожелательно и

услужливо. 6) Без моего благословения не предпринимать ничего серьезного. Где бы я ни был, за мной остается главное руководство. 7) Старшей подтверждаю сестру Марию, которую прошу вести дела со всеми в согласии; если же она по какой-либо причине «выйдет из строя», тогда сами изберите на время, до моего указания³⁹.

В тот же день, 16 ноября 1928 года, архимандрит Гурий написал наставление всем своим духовным детям, которых насчитывалось около пятидесяти человек:

В храм ходите на буднях не реже 2-х раз в неделю. Ходите в храмы, где держатся богослужебного устава. Исповедуйтесь у о. Л[ьва Егорова] или о. В[арлаама Сацердотского] или о. Х[ристофора Варфоломеева] или лаврского о. Гурия. Не оставляйте Иисусовой молитвы. Каждый день читайте Библию, Псалтырь и что-ниб[удь] духовно-нравств[енное]. Заботьтесь друг о друге⁴⁰.

После своего освобождения в ноябре 1927 архимандрит Гурий возглавлял Богословско-пастырское училище еще около девяти месяцев. В августе же 1928 года училище было ликвидировано по указанию городских властей. Одной из причин этого стали внутренние конфликты в нем, вызванные иосифлянским разделением.

Богословско-пастырское училище просуществовало недолго – всего десять лет, но это были очень важные, переломные годы в истории как Санкт-Петербургской епархии, так и Русской Православной Церкви в целом, и училище, несомненно, оставило в этой истории свой заметный след. Оно было единственным учебным заведением Московского Патриархата, которое, несмотря на все препятствия и гонения, смогло легально и фактически непрерывно просуществовать с 1918 по 1928 год, дав духовное образование нескольким сотням будущих пастырей и мирян⁴¹.

24 декабря 1928 года архимандрит Гурий был арестован по делу религиозно-философского общества «Воскресение»*. У него при обыске нашли различные церковные документы самиздата: «Послание Соловецких пастырей» 1927 года, заявление иосифлянского епископа Димитрия (Любимова) об отходе от митрополита Сергия (Страгородского) и др. Кроме того, в глазах органов следствия архимандрит Гурий, в третий раз арестованный по обвинению в антисоветской деятельности и агитации, являлся опасным преступником-рецидивистом. 22 июля 1929 года Коллегия ОГПУ приговорила архимандрита Гурия по ст. 58 (10, 11) к пяти годам с содержанием в концлагере⁴².

После оглашения обвинительного приговора ОГПУ архимандрит Гурий был определен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Первоначально его отправили в Кемь, потом в Медвежьегорск, а в 1930 году перевели на станцию Кузема Мурманской железной дороги. Но Промысл Божий хранил архимандрита Гурия и в этот раз. Заключение приходилось рубить лес во время половодья, стоя по пояс в воде. К счастью для архимандрита Гурия, лагерной счетной конто-

* «Воскресение» (или «Воскресенье») – религиозно-философский кружок, существовавший в Петрограде (Ленинграде) с 1917 по 1928 годы. Возник по инициативе философа А.А. Мейера; продолжал традиции Религиозно-философского общества. К кружку примыкали некоторые члены Александро-Невского братства.

ре понадобился человек, знающий бухгалтерию. Он был назначен на должность «счетовода по копиручету и кассира»⁴³. И тут как разгодились его знания, полученные в коммерческом училище. Архимандрит Гурий быстро навел порядок в бухгалтерии, и с тех пор его использовали только на конторской работе в качестве бухгалтера или кассира⁴⁴.

Архимандрит Гурий и в лагере не оставлял своего пастырского долга – утешал людей, молился за них, тайно исповедовал и причащал. Как проходили эти Таинства, позднее вспоминал он сам. Исповедь происходила во время прогулок, на ходу. Разрешительную молитву архимандрит Гурий читал наизусть, незаметно совершая крестное знамение над человеком. Потом он давал Святые Дары, завернутые в чистую бумажку, и говорил: «А это вы скушаете завтра натощак».

Вот как происходило причащение и исповедь у заключенных. Это был как солнечный луч в нашей жизни. <...> Неизвестно, когда было больше пользы душе – тогда-ли, когда сажали за решетку, или теперь. Пожалуй, тогда⁴⁵.

Помимо молитвы большое утешение доставляли архимандриту Гурию письма духовных чад. Из сестер по делу «Воскресенья» была арестована 9 января 1929 года лишь монахиня Мария (Шмидт). Она не отрицала существования общины, и ее скоро отпустили. В то время ОГПУ не проявляло особого интереса к общине, и она смогла относительно спокойно просуществовать еще около трех лет.

Почти все сестры вплоть до своего ареста писали в лагерь своему духовному наставнику. Отвечал им архимандрит Гурий в основном через монахиню Марию. Она весной 1931 года на четыре месяца ездила в места заключения архимандрита Гурия. К тому моменту монахиня Мария покинула общину на Конной по причине разногласий, возникших между сестрами. После ареста архимандрита Гурия наставником общины на Конной улице и главным руководителем Александроневского братства являлся архимандрит Варлаам (Сацердотский)⁴⁶.

Состав петергофской общины оставался постоянным – те же пять сестер во главе с Ниной Яковлевой. В Серафимовской церкви продолжал служить возведенный в 1930 году в сан игумена Варсонофий (Веревкин). Главным центром Александроневского братства с апреля 1930-го по февраль 1932 года являлся собор Феодоровской иконы Божией Матери. Настоятелем собора был архимандрит Лев (Егоров). Архимандрит Лев неустанно стремился расширить ряды братства, привлекая в него молодых образованных людей; однако считал необходимым проявлять определенную осторожность, понимая, что ОГПУ в любой момент может выйти на братство и разгромить его. Руководство богословским образованием молодых членов братства осуществляли архимандрит Лев, архимандрит Варлаам и другие братские отцы. Регулярно оказывалась помощь заключенным и отбывающим ссылку священнослужителям. Важнейшим делом считались занятия с детьми. К 1932 году, даже несмотря на неблагоприятные условия, деятельность Александроневского братства продолжала развиваться, и его ряды пополнялись⁴⁷.

В начале 1930-х началась новая антирелигиозная кампания. В Ленинграде Исаакиевский собор был превращен в антирелигиозный музей, были закрыты Казанский, Владимирский, Сергиевский, Матфеевский соборы и другие храмы.

Трагично закончилась и история Александро-Невского братства. Главный удар органы ОГПУ нанесли по проживающим в Ленинграде монахам в так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 года. Этот день стал «страстной пятницей русского монашества» – «все русское монашество в один день исчезло в лагерях»⁴⁸. В Ленинграде арестовали монахов Александро-Невской Лавры, Киновии, других монастырей, а также насельников закрытых обителей. Всего в ночь с 17 на 18 февраля арестовали около пятисот человек, в последующие два месяца – еще порядка двухсот. В числе арестованных были члены Александро-Невского братства, включая архимандрита Льва. В отношении братства ОГПУ сфабриковало отдельное дело почти на сто человек. Братство было представлено контрреволюционной организацией, которая якобы с 1918 года непрерывно вела активную борьбу с советской властью. Открытого суда не было. 22 марта 1932 года ОГПУ вынесло арестованным различные приговоры – от лишения права проживания в Ленинграде и Ленинградской области на три года до десяти лет лагерей. К максимально-му сроку наказания были приговорены: архимандрит Лев (Егоров), архимандрит Варлаам (Сацердотский), игумен Варсонофий (Веревкин) и еще четыре человека из монашествующих. К пяти годам лагерей – архиепископ Гавриил (Воеводин), иеромонах Серафим (Суторихин) и некоторые из числа наиболее активных братчиц. Остальные были осуждены на три года лагерей или отправлены в ссылку в Казахстан на тот же срок. Несмотря на массовость репрессий, около пятидесяти активных членов Александро-Невского братства остались на свободе, в их числе были Константин Николаевич Вендланд и юный Александр Хархаров⁴⁹.

Досрочно освободившись в июле 1933 года из лагеря как «подлинный ударник Беломорстроя»⁵⁰, архимандрит Гурий на короткий срок вернулся в Ленинград. Здесь 12 июля состоялась встреча с оставшимися на свободе членами братства, включая К.Н. Вендланда и его сестру Елизавету Николаевну. Е.Н. Вендланд позже вспоминала в одном из своих писем:

12-го июля 1933 г. в день св[ятых] ап[остолов] Петра и Павла мы так радовались его возвращению в Ленинград, когда он прямо с вокзала пришел к нам на Чернорецкий переулок⁵¹.

После массовых репрессий весной 1933 года при паспортизации населения в Ленинграде почти двумстам священнослужителям было отказано в паспортах, и им пришлось покинуть город. Эта участь постигла и митрополита Серафима (Чичагова), отправленного на покой 14 октября 1933 года. На Ленинградскую кафедру был назначен митрополит Новгородский Алексей (Симанский). Первым викарием пребывал епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

По всей видимости, в такой же ситуации оказался и архимандрит Гурий – проживать и служить в Ленинграде он не имел права, поэтому был вынужден пребывать в родном городе как частное лицо.

Обстановка в городе на Неве была очень сложной. Продолжались аресты священнослужителей. Крестные ходы были разрешены церквям два раза в год – на Пасху и на престольный праздник. Ночные богослужения также разрешались два

раза в год – на Праздники Рождества и Пасхи. Продолжалась кампания по закрытию храмов. 27 июня 1933 года постановлением Леноблисполкома был запрещен колокольный звон во всех храмах города, в 1933–1934 годах прошла кампания по снятию и переплавке колоколов⁵².

Архимандрит Гурий понимал, что после разгрома Александро-Невского братства избежать нового ареста будет возможно, только проживая вдали от центра. Пробыв в Ленинграде несколько дней и увидевшись с родственниками, он решил ехать в город Бийск на Алтае. Константин Николаевич Вендланд помогал архимандриту Гурию в отъезде. В вагоне поезда между ними состоялся разговор. Константин Николаевич сказал своему духовному отцу, что хочет быть священником и монахом. Договорились, что Константин Николаевич, когда завершит свои дела в Ленинграде (он работал научным сотрудником научно-исследовательского геолого-разведывательного института), приедет к нему в Бийск. На нужной станции они сошли, архимандрит Гурий пересел в поезд дальнего следования, и они простились.

Через месяц, в августе 1933 года, на праздник Преображения Господня, Константин Вендланд был уже в Бийске. Он поселился на частной квартире вместе с архимандритом Гурием в Заречье, около церкви Архангела Михаила. Архимандрит Гурий работал бухгалтером, Константин Николаевич – сотрудником Бийского краеведческого музея. Но пробыли они в Бийске недолго. К.Н. Вендланд в октябре получил телеграмму из Ташкента от профессора петрографии В.А. Николаева, который заведовал кафедрой организуемого в Ташкенте геологоразведочного факультета Индустриального института. Он приглашал Константина Николаевича занять должность ассистента этой кафедры. Архимандрит Гурий благословил переезд Вендланда в Ташкент⁵³.

Стоит добавить, что у архимандрита Гурия и его духовного сына существовало тайное решение по возможности перебраться в китайский город Харбин, в Казанско-Богородицкий мужской монастырь, а оттуда – в Японию, к митрополиту Сергию (Тихомирову)⁵⁴. Но Промысл Божий распорядился по иному – архимандрит Гурий вернулся в Среднюю Азию.

Согласно официальной информации «Журнала Московской Патриархии», с 1933 по 1944 годы архимандрит Гурий «пребывал на покое»⁵⁵. В автобиографии, написанной в мае 1947 года для уполномоченного Совета по делам РПЦ, епископ Гурий указал:

С 1933 г. по 1944 г. проживал по болезни на покое в г. Ташкенте (до 1938 г.) и в г. Фергане, занимаясь своим хозяйством⁵⁶.

В реальности архимандрит Гурий руководил небольшой общиной, собрав вокруг себя своих духовных чад. Это был «золотой фонд» Александро-Невского братства, «премудро сохраненный и приносящий и теперь плоды через тех, кого они воспитали»⁵⁷.

А.Л. Беглов относит общину архимандрита Гурия к «конформистскому»⁵⁸ типу поведения, сформировавшемуся в церковном подполье в 1920-е – 1940-е годы. Целью общин такого типа было не дать угаснуть монашеству как аскетической

традиции в условиях гонений. Реализовывалась форма бытия, именуемая «монашеством в миру», или «монашеством без стен и одежды». Члены общины работали в государственных учреждениях, добросовестно выполняя свои трудовые обязанности и гражданский долг. Это также являлось частью христианского мировоззрения. Как вспоминал митрополит Иоанн (Вендланд):

Мы жили удивительной жизнью: с одной стороны, глубоко церковной, с другой – активно-гражданской. До сих пор я считаю такое соединение самым лучшим. Но, должно быть, на практике такое соединение трудно осуществить. Только очень своеобразные условия тридцатых годов позволили жить так, как жили мы. Своей церковности мы не афишировали, более того – стремились к тому, чтобы никто из посторонних (даже моя мама) о ней не знали. Это достигалось очень легко, потому что мы не были болтливы, а в гражданской жизни работали очень напряженно⁵⁹.

Такое поведение, в том числе, было и «бытовой маскировкой» монашеского образа жизни. Целью такой маскировки было сохранение в неприкосновенности духовной жизни «тайных христиан». Как показали события последующих лет, эта форма бытия принесла благодатные плоды – многие члены общины архимандрита Гурия приняли монашеский постриг.

Для общинной жизни в Ташкенте был приобретен небольшой частный дом с садом недалеко от центра города. Вслед за Константином Вендландом приехали и его сестры – Елизавета Николаевна (врач-терапевт) и Евгения Николаевна (агроном по образованию), позднее приехала к своим детям их мама. Из Ленинграда переехали некоторые члены братства, затем к ним присоединились освобожденные из заключения в Карагандинском лагере и отбывшие ссылку в Казахстане сестры из женской общины, ранее окормляемой архимандритом Гурием в Ленинграде: монахиня Мария (Шмидт), Нина Яковлева, Анастасия Заспелова, Александра Борисова, Мария Маракушина, Клавдия Степанова и другие сестры. Некоторые поселились в доме у архимандрита Гурия, другие нашли комнаты по соседству. Каждый из общины где-то работал, но все старались приходить на молитву к своему духовному отцу.

В Ташкенте была только одна часовня на Боткинском кладбище, используемая как церковь. Православные собирались около часовни под открытым небом. Среди толпы можно было увидеть величественную фигуру епископа Луки (Войно-Ясенецкого), который не служил, но, будучи в рясе, никому не отказывал в благословении. Он тогда, как профессор хирургии, работал в Ташкентском медицинском институте. Ташкентской епархией в то время управлял митрополит Арсений (Стадницкий). Чтобы узаконить свое каноническое положение, архимандрит Гурий отправился к правящему архиерею, получил благословение на тайное служение в домашних условиях и антиминос для совершения Божественной Литургии. Это благословение стало особенно важным в 1930-х годах, когда все православные церкви в Ташкенте были закрыты.

Архимандрит Гурий полностью перешел «на домашнюю жизнь» – утром и вечером организовывал молитвы для духовных чад, днем к ним готовился, а в перерывах столярничал: изготавливал столы, стулья и топчаны, а также занимался

благоустройством (переделывал сараи в жилые комнаты). Условия в Ташкенте для этого были благоприятные – материалом служил саман (глина с рубленой соломой). Но самым важным делом для архимандрита Гурия было руководство духовной жизнью каждого члена общины. Первая книга, которую архимандрит Гурий давал читать своим подопечным, была «Душеполезные поучения» Аввы Дорофея⁶⁰.

Жизнь в общине была следующей: вставали все в 5 или 6 часов утра, сначала читали утренние молитвы, затем с поклонами совершали «пятисотницу» (Иисусову молитву). Затем архимандрит Гурий служил утреню, остальные пели и читали. Старались закончить к 8 часам утра, потом следовал завтрак. После этого каждый член общины шел на свою работу, затем был обед, личные занятия, потом служилась вечерня с повечерием. После службы накрывался ужин, читались вечерние молитвы и в одиннадцать или двенадцать совершался отход ко сну.

Архимандрит Гурий настаивал на важности совместной молитвы, которая сближала членов общины, делая ее настоящим христианским общежитием. Помимо этого каждый имел еще свое личное правило: чтение дневных канонов, иногда акафистов. Такой режим был довольно напряженным, но приносил всем огромное внутреннее удовлетворение. Особенно приятны были воскресные и праздничные дни – с вечера служилась всенощная, а утром Литургия.

Архимандрит Гурий интересовался и новостями гражданской жизни, читал газеты и журналы. Очень любил прогулки на природу, а летом 1934 года участвовал в геологической экспедиции К.Н. Вендланда. Как вспоминал митрополит Иоанн:

В этих горах само собою образуется особое душевное состояние. Позади остаются искушения и суета мира сего, душа очищается, какое-то святое безмолвие охватывает ее, и она широко открытыми глазами смотрит на Божию красоту окружающего. Это я очень хорошо чувствовал каждое лето, проведенное на геологических работах, особенно в Приташкентском районе. Отец Гурий приходил в особенно прекрасное расположение души на природе, как бы исцелялся от всех болезней и душевных тревог. Он говорил, что природа для него вся в звуках, и что для передачи своего ощущения природы у него не хватает соответствующих слов, что их вообще нет на человеческом языке⁶¹.

2 сентября 1934 года был совершен тайный постриг Константина Вендланда в мантию. Имя при постриге – Иоанн – выбрал архимандрит Гурий, в честь святителя Иоанна Златоуста.

Сохранялась связь между отцами братства – путем переписки или передачи сообщений через духовных чад. В 1935 году архимандрит Гурий, узнав, что епископ Иннокентий (Тихонов) служит в Старой Руссе викарием и имеет в своем распоряжении две прекрасные церкви, отправил к нему монаха Иоанна для рукоположения. Последний посетил епископа Иннокентия, но мудрый архиерей сообщил, что «рук не следует возлагать поспешно», посвятив Иоанна только в иподиакона. Рукоположение состоялось через год при повторном приезде. 14 сентября 1936 года епископ Иннокентий посвятил монаха Иоанна в иеродиакона, а на следующий день, 15 сентября, – в иеромонаха.

После получения священного сана иеромонах Иоанн мог служить Божествен-

ную Литургию вместе с архимандритом Гурием, который доверял молодому священнику служить и самостоятельно. Впоследствии на протяжении многих лет иеромонах Иоанн являлся не только духовным сыном архимандрита Гурия, но также его ближайшим и верным помощником⁶².

В 1937 году архимандрит Гурий заболел крупозным воспалением легких. В целях лечения обратились к епископу Луке, профессору хирургии, который практиковал в Ташкенте как терапевт. Первое, на что прибывший врач обратил внимание при посещении квартиры больного, был образ Спасителя в терновом венце, который друзья подарили архимандриту Гурию при его постриге в 1915 году. Святитель Лука, сам будучи художником, остановился на пороге комнаты, глядя на икону. «Это лучшее изображение Спасителя, которое я когда-либо видел», – наконец произнес он. Затем святитель Лука осмотрел больного и сказал, что тот скоро поправится. Архимандрит Гурий возразил, что «монаху надо думать о смерти, а не о выздоровлении». Святитель Лука властно ответил: «О чем думать монаху, вам лучше знать, но я, как врач, говорю вам, что поправитесь, и притом скоро»⁶³. И действительно, архимандрит Гурий пошел на поправку.

В 1938 году архимандрит Гурий решил переселиться поближе к природе. В предместье Ферганы – в кишлаке Беш-Бала был куплен частный дом. Вместе с архимандритом Гурием туда переселились Елизавета Николаевна Вендланд, Нина Яковлева, Анастасия Заспелова. К ним присоединились освободившиеся из мест заключения бывшие члены Александро-Невского братства: монахиня Вера (Киселева), Ольга Костецкая и Зинаида Денисова⁶⁴. Евгения Николаевна Вендланд с матерью переехали в городскую черту Ферганы. Иеромонах Иоанн остался в Ташкенте, продолжая работать преподавателем и геологом. Сохранил он и установленные традиции – по праздникам служил всенощную и Божественную Литургию. С ним остались монахиня Мария (Шмидт), А.С. Борисова и М.С. Маракушина⁶⁵.

По воспоминаниям архиепископа Михея, переезд в Беш-Балу был еще вызван тем, что с конца 1937 года проживание в Ташкенте лиц, осужденных за веру во Христа, стало очень опасным. Необходимо было скрываться как можно глубже. В целях конспирации дом был приобретен на имя Елизаветы Николаевны Вендланд. Переезд в Беш-Балу оправдал себя. Воздух был несравненно лучше ташкентского. На участке помимо дома был колодец и довольно большой сад, все это было окружено высоким дувалом. Вокруг расстилались сельскохозяйственные поля. Архимандрит Гурий перестроил узбекскую постройку на европейский лад и добавил к двум имеющимся комнатам еще три.

Одним из любимых занятий архимандрита было цветоводство. В Беш-Бале он устроил оранжерею, а в саду – цветочные клумбы с бордюриками, ведя наблюдения за растениями и делая аккуратные записи в особой тетради. В доме была устроена ниша, в которой находился алтарь домашнего храма в честь Всех Святых, в земле Российской просиявших. Таким образом, архимандрит Гурий снова мог тайно совершать Божественную Литургию в домашних условиях. По воспоминаниям архиепископа Михея, вблизи этого дома при совершении в нем богослужений местные жители неоднократно слышали очень тихое, но необычайно красивое пение. Они считали это пение ангельским, а место – святым⁶⁶.

В 1938 году иеромонах Иоанн, будучи в командировке в Ленинграде, встретил Александра Хархарова, который еще мальчиком ходил в Киновию. Эта встреча произошла в Никольском соборе за всенощной; после службы они долго бродили холодной ветреной ночью по улицам города. Иеромонах Иоанн рассказал ему о жизни общины архимандрита Гурия в Ташкенте и Фергане. Александру тогда было семнадцать лет, он имел незаконченное среднее образование. В июне 1939 года архимандрит Гурий приезжал в Ленинград на несколько дней. В этот момент Александр Хархаров познакомился с архимандритом Гурием и попросил у него разрешения переехать к нему в Беш-Балу. Архимандрит Гурий дал свое согласие, но после приезда велел ему закончить 10-й класс школы. В этом вопросе помогла Ольга Костецкая, договорившаяся с отделом образования. После окончания школы, осенью 1941 года, Александр поступил в Ташкентский медицинский институт⁶⁷.

Архиепископ Михей (Хархаров) позже вспоминал о том времени. Очень тепло он отзывался о Елизавете Николаевне Вендланд, которую архимандрит Гурий постриг в рясофор. Ее очень ценили как врача и прекрасного диагноста. Архиепископ Михей отмечал ее мужество:

Она совершенно не обращала внимания ни на одежду свою, ни на то, сыта ли, голодна ли, работала на двух ставках, а это значило, что каждый день после приема в поликлинике нужно было идти по адресам, а затем, наскоро пообедав, нужно было совершать службы и правило. Жизнь очень напряженная, и как только Бог давал силы и энергию? Она постоянно недосыпала и могла заснуть на ходу, постоянно недоедала, а работала так напряженно потому, что нужно было содержать и отца Гурия, и матушку Серафиму, и других⁶⁸.

Как врач она была очень внимательна к пациентам и совершенно бескорыстна.

После переезда в Беш-Балу инокиня Ефросиния содержала всех домочадцев, работая на двух работах. При этом она не оставляла молитвенного подвига утром и вечером после работы, всегда старалась быть на домашних богослужениях. Как вспоминал архиепископ Михей, из больницы по квартирам больных ее возили в открытом экипаже, а на работу и с работы она шла пешком порядка 4 км в один конец. Инокиня Ефросиния никогда не сетовала на трудности, еще находила силы и время, чтобы помочь архимандриту Гурию в саду.

Дом в Беш-Бале жил замкнуто, из посторонних никто не приходил, служили полушепотом. Инокиня Ефросиния была регентом. Чтобы посторонним не было слышно песнопений на богослужениях, окна и двери плотно закрывались. От этого все присутствующие изнемогали от жары, духоты и усталости. Как вспоминал архиепископ Михей (Хархаров): «Так хотелось спать, что постоянно приходилось с собой бороться, вымоешь лицо холодной водой, полегче, но не надолго»⁶⁹.

В конце 1930-х годов, в годы «большого террора», погибло и большинство отцов Александро-Невского братства.

20 сентября 1937 года в Кемеровском отделении Сиблага по приговору «тройки» УНКВД был расстрелян архимандрит Лев (Егоров).

Архиепископа Иннокентия (Тихонова) после контузии от взрыва в Беломорско-Балтийском лагере в 1933 году досрочно освободили, после чего он еще четыре

года прослужил на различных кафедрах. В октябре 1937 года его арестовали в городе Виннице и приговорили к высшей мере наказания. 29 ноября 1937 года архиепископ Иннокентий был расстрелян.

Архимандрит Варлаам (Сацердотский) отбывал срок заключения в Беломорско-Балтийском лагере, в августе 1937 года был взят под стражу в лагере по обвинению в антисоветской деятельности и агитации, приговорен «тройкой» НКВД к высшей мере наказания и 11 сентября 1937 года расстрелян близ города Медвежьегорска.

Игумен Варсонофий (Веревкин) был освобожден из лагеря в мае 1933 года как инвалид первой группы, несколько месяцев провел в ссылке в Вологде и Сыктывкаре. Осенью 1933 года переселился в Новгород, где скончался 26 июня 1939 года. Незадолго до этого, в том же июне 1939 года, архимандрит Гурий с монахиней Серафимой (Н.С. Яковлевой) и Е.Н. Вендланд приезжали из Ферганы в Ленинград. Узнав о плохом состоянии здоровья игумена Варсонофия, поспешили к нему в Новгород. Они успели с ним проститься и уехали за день до его кончины⁷⁰.

Архимандрит Гурий остался единственным из руководителей Александроневского братства, кто пережил годы «большого террора».

Началась война.

В 1942 году ушел на фронт Александр Хархаров. Мобилизовали и Елизавету Николаевну Вендланд; она работала врачом в госпитале, прикомандированном к Войску Польскому.

В годы войны от болезней скончались Евгения Николаевна Вендланд и ее мать, а также Зинаида Денисова и Клавдия Степанова. Митрополит Иоанн вспоминал:

Великая Отечественная война отняла у нас ту радость и ликование, которые были свойственны нашей довоенной жизни⁷¹.

Годы войны стали временем особого молитвенного подвига архимандрита Гурия и его духовных чад. И здесь проявился Промысл Божий, сохранивший архимандрита Гурия в Средней Азии – не только от репрессий, но также и от последствий нашествия фашистских захватчиков. Впереди его ожидал новый поворот судьбы: возглавление Ташкентской епархии.

Преследование Русской Православной Церкви после 1917 года и произошедший затем обновленческий раскол не обошли стороной и Среднюю Азию.

В 1922 году, когда обновленцы с помощью ГПУ изолировали Патриарха Тихона, ВЦУ (Высшее Церковное Управление) для захвата церковного управления на местах направило по епархиям Русской Православной Церкви своих уполномоченных, вменив им в обязанность «изгнание монахов, то есть архиереев из архиерейских домов» и захват православных храмов. Архиепископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий выступил против обновленчества. В октябре 1922 года в связи с арестом Патриарха Тихона и захватом власти в Церкви обновленческим ВЦУ он объявил

...независимость Туркестанской Поместной Православной Церкви, состоящей в духовном общении со всеми другими православными епархиями и прекращающей свою самостоятельность, как только будет организован канонически законный центр⁷².

Одновременно о признании ВЦУ заявили авторитетные ташкентские протоиереи Сергей Уклонский и Григорий Брицкий. Как писал в своих воспоминаниях святитель Лука (Войно-Ясенецкий):

Неожиданно для всех два видных протоиерея, на которых вполне надеялись, перешли в раскол, к ним присоединились и другие, верных осталось немного⁷³.

Среди «других» был и благочинный Ферганской области протоиерей Алексей Микулин, который сообщил архиепископу Иннокентию, что он открыто становится на сторону обновленцев. После этих событий ВЦУ назначило Микулина уполномоченным по Туркестану и предложило ему организовать Епархиальное управление, которое он и создал из числа протоиереев С. Уклонского, З. Филиппова, Гр. Брицкого и мирянина Дунина-Барковского⁷⁴. С этого момента в прессе началась травля архиепископа Иннокентия, учиненная обновленческими лидерами. В январе 1923 года, опасаясь ареста, епископ Иннокентий передал управление Епархиальному совету и выехал в Москву⁷⁵.

Против обновленцев выступили протоиерей Михаил Андреев и священник Валентин Войно-Ясенецкий. В феврале 1923 года они обнародовали воззвание к православным Туркестанской епархии «Почему мы не признаем ВЦУ», в котором дали негативную оценку обновленческому движению. 27 февраля в Благовещенской привокзальной церкви Ташкента прошло собрание представителей приходских советов, на котором был учрежден «Союз приходов Туркестанской епархии» и переизбран состав Туркестанского епархиального управления (ТЕУ).

В начале мая 1923 года состоялся первый обновленческий съезд духовенства и мирян Туркестанской епархии, окончательно признавший власть ВЦУ. По вопросу замещения епископской кафедры в Ташкенте на съезде постановили просить протоиерея Алексея Микулина ходатайствовать перед ВЦУ о назначении управляющим Туркестанской епархией епископа Новороссийского и Черноморского Сергия (Лаврова), который к тому моменту начал проявлять симпатии к обновленческому движению. После съезда обновленческие лидеры через Ташкентское Епархиальное управление и Епархиальный совет начали активно подчинять себе церковные общины и благочиния.

Тем временем «Союз приходов» создавал параллельную обновленческому ТЕУ региональную структуру Патриаршей Церкви. Этому противились местные власти и НКВД, вследствие чего «Союз приходов» был распущен в принудительном порядке. В мае 1923 года в Ташкент из Ашхабада был переведен ссыльный епископ Андрей (Ухтомский), который тайно постриг протоиерея Валентина Войно-Ясенецкого в монашество с именем Лука. После пострига епископ Андрей отправил новопостриженного монаха в таджикский город Пенджикент, где ссыльные епископы Даниил (Болховский) и Василий (Зуммер) 31 мая 1923 года совершили над ним архиерейскую хиротонию в местной церкви.

Но Ташкентскую кафедру святитель Лука возглавлял недолго – в июне 1923 года он был арестован вместе с епископом Андреем (Ухтомским) и протоиереем Михаилом Андреевым, после чего всех троих отправили в Москву. По прибытии ГПУ определило святителя Луку в Бутырскую тюрьму, где он познакомился с митрополитом Арсением (Стадницким). После был перевод в Таганскую тюрьму, откуда последовала ссылка в Сибирь.

В это время ВЦУ определило на Туркестанскую кафедру женатого «епископа» Николая Коблова, занимавшего пост уполномоченного ВЦУ в Петрограде. Обновленческий «епископ» прибыл в Ташкент в начале июля 1923 года, когда лидеры староцерковной партии были уже арестованы. Деятельность Коблова в Туркестане была направлена в основном на подчинение православных приходов ВЦУ, причем происходило это насильственным образом при поддержке ГПУ и НКВД. В ведение ТЕУ перешли и крупные ташкентские храмы: Спасо-Преображенский кафедральный собор, Иосифо-Георгиевский, Благовещенский вокзальный собор, Сергиевская церковь. Староцерковное духовенство, сопротивляющееся «обновлению епархиальной жизни», смещалось с настоятельских мест, некоторые священники поплатились за это арестами и ссылками⁷⁶.

В феврале 1924 года «епископ» Николай Коблов в результате местных интриг был вынужден покинуть Ташкент. Вместо уволенного Кобловым протоиерея Алексея Микулина новым уполномоченным по Туркестанской епархии был назначен протоиерей Григорий Брицкий. В Туркестанскую епархию был назначен «митрополит» Николай Федотов (до этого – «митрополит» Киевский и Галицкий), который прибыл в Ташкент 19 апреля 1924 года и вступил в управление епархией.

«Митрополит» Николай Федотов пробыл в Ташкенте до 1927 года. Вместо него в сентябре 1927 года был назначен «митрополит» Иоанн Звездкин, который управлял обновленческой епархией до своей смерти в апреле 1939 года⁷⁷. При нем происходит закат обновленческой Среднеазиатской митрополии. Волна репрессий коснулась не только представителей Патриаршей Церкви, но и обновленческого раскола. В 1929 или 1930 году власти закрыли полуавтономную Джетесуйскую кафедру; в 1932 году было ликвидировано Ферганское викариатство. Некогда мощная обновленческая Среднеазиатская митрополия снова вернулась к состоянию епархии с одной-единственной кафедрой – Ташкентской и Самаркандской⁷⁸. После смерти Иоанна Звездкина Ташкентская обновленческая епархия до 1943 года пребывала без архиерея, ею фактически руководил протоиерей Григорий Брицкий.

В конце января 1926 года вернулся из ссылки епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей в сентябре 1926 года пытался перевести ташкентского архиерея на другие кафедры. Но по совету митрополита Арсения (Стадницкого) святитель Лука никуда не поехал и подал прошение на покой, которое было удовлетворено в 1927 году. Сам же митрополит Арсений в письме от 26 июля того же года писал митрополиту Сергию:

Преосвященный Лука очень хорош в Ташкенте, однако опасаясь, что уж слишком хорош. В будущем он может принести очень много пользы на ниве Божией. А покамест надо бы побережь его для лучших времен⁷⁹.

Святитель Лука продолжал молиться в алтаре Свято-Сергиевского храма вместе с митрополитом Арсением, но в апреле 1930 года он был повторно арестован и сослан в Архангельск.

На Ташкентскую кафедру в сентябре 1927 года был переведен митрополит Никандр (Феноменов) из Одессы, по причине назначения туда митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). Несмотря на то, что митрополит Никандр был правящим архиереем, а митрополит Арсений пребывал на покое, в связавшем их духовном союзе митрополит Арсений несомненно являлся старшим. Ташкентские архипастыри решительно поддержали митрополита Сергия (Страгородского) в борьбе с иосифлянским разделением. В 1931 году в ведении митрополита Никандра находилось 27 приходов. В 1930 году в Ташкенте была закрыта Свято-Сергиевская церковь, митрополитам Арсению и Никандру пришлось совершать богослужения под открытым небом у кладбищенской часовни Богородичной иконы «Всех скорбящих Радость».

Епископ Гурий позднее вспоминал:

В эти тяжелые годы внешнего торжества обновленчества православные г. Ташкента собирались под открытым небом у часовни на кладбище. Кто из православных не помнит этих трогательных богослужений на лоне природы, голубую мантию митрополита, просвечивающуюся сквозь стволы и листву деревьев, одушевление молящейся толпы, твердость духа верующих и их архипастыря, подвергавшихся иногда серьезным испытаниям от проливного дождя или крепких крещенских морозов. Кто не помнит длинных, но всегда интересных проповедей митрополита Арсения, приковывавших к себе внимание толпы⁸⁰.

Митрополит Никандр возглавлял Ташкентскую и Туркестанскую епархию вплоть до своей смерти 3 марта 1933 года.

В марте 1933 года на Ташкентскую кафедру назначили архиепископа Афанасия (Малинина), но епархией он практически не управлял⁸¹. Управление Ташкентской и Туркестанской епархией в августе 1933 года принял митрополит Арсений (Стадницкий). Это был выдающийся архипастырь, знаменитый своей мудростью и мужеством, отличавшийся безукоризненной чистотой жизни. Возглавлял он Ташкентскую кафедру вплоть до своей кончины в феврале 1936 года. Могилы обоих выдающихся иерархов Церкви – митрополитов Арсения и Никандра – находятся на Боткинском кладбище Ташкента рядом с часовней, где они молились в годы гонений.

В феврале 1936 года после кончины митрополита Арсения управление Ташкентской и Средне-Азиатской епархией принял архиепископ Борис (Шипулин). В мае 1937 года архиепископ Борис был вызван в ГПУ на встречу с обновленческим Ташкентским «митрополитом» Иоанном Звездкиным, во время которой ему предложили присоединиться к обновленцам и стать «митрополитом всей Средней Азии». Архиепископ Борис отказался, после чего в июле 1937 года он был арестован по обвинению в «монархической агитации среди церковников и высказывании недовольства советской властью». 7 февраля 1938 года архиепископ Борис был приговорен «тройкой» НКВД УзССР к расстрелу. После этого до 1944 года Ташкентская и Средне-Азиатская епархия не имела возглавления.

Начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война заставила советскую власть пересмотреть религиозную политику. С первых дней войны Русская Православная Церковь обратилась к населению СССР с патриотическими воззваниями, и советское правительство не препятствовало Церкви в этой миссии. С началом войны прекратилась антирелигиозная пропаганда.

При активном содействии государства прекратило свое существование обновленчество. После достижения согласия в этом вопросе Московской Патриархии и Совета по делам РПЦ началось активное возвращение обновленческих приходов и духовенства в Патриаршую Церковь. К августу 1944 года в СССР оставалось всего 147 обновленческих приходов, а в 1946 году обновленческое движение в связи со смертью его лидера А.И. Введенского окончательно сошло со сцены.

Обновленческая Ташкентская епархия, как упоминалось, после смерти «митрополита» Иоанна Звездкина на протяжении четырех лет оставалась без правящего архиерея. На эту кафедру 5 мая 1943 года «епископом Ташкентским и Самаркандским» был назначен Сергей Ларин⁸².

По всей видимости, Сергей Ларин пытался присоединиться к Патриаршей Церкви в сане епископа и в должности управляющего Среднеазиатской епархией. Но для Патриарха Сергея было неприемлемо принимать Ларина в «сущем сане», так как все «хиротонии» над ним были совершены после наложения запрещения на обновленцев Патриархом Тихоном. Однако это не закрывало ему пути последующего священнослужения. Чуть позже монаха Сергея (Ларина) рукоположили во иеродиакона и во иеромонаха. В августе 1944 года состоялась хиротония Сергея (Ларина) во епископа Кировоградского. В Ташкент он больше не вернулся.

В Узбекистане из десяти действовавших на тот момент церквей восемь являлись обновленческими и лишь два храма принадлежали к Патриаршей Церкви – в Фергане и в Самарканде⁸³. В Ташкенте, где проживало немалое количество православных людей, на тот момент не было ни одного православного храма. В городе действовала только одна обновленческая церковь – Александро-Невский храм, расположенный на Боткинском кладбище. В Ташкенте проживало много заштатных священников, которых либо сослали в Среднюю Азию, либо они сами бежали от гонений в эти далекие края; проживало здесь и много монашествующих.

В феврале 1944 года Патриарх Алексей принял решение направить в Ташкент для устройства церковной жизни архиепископа Куйбышевского Алексия (Палицына). 12 марта 1944 года архиепископ Алексей прибыл в Ташкент⁸⁴.

Совет по делам РПЦ соответствующим образом проинструктировал своих уполномоченных на местах – не препятствовать распаду обновленческого движения, но способствовать переходу обновленческого духовенства в Патриаршую Церковь. Такую инструкцию получил и уполномоченный по Узбекской ССР А.И. Степанов, с которым архиепископ Алексей познакомился сразу по прибытии в Ташкент. После знакомства с уполномоченным архиепископ Алексей стал приглядываться к церковной жизни в Ташкенте. Архиепископ Алексей в своем рапорте на имя Патриарха Сергея указывал, что к нему начали приходить заштатные православные священники, просто верующие, приезжали обновленцы из провинции. Посетителей интересовал вопрос открытия храмов в Ташкенте и в дру-

гих городах Средней Азии, заштатные священники просили мест для служения⁸⁵.

Это отразил в своих воспоминаниях митрополит Иоанн (Вендланд) как свидетель тех событий:

В 1944 г. в Ташкент прибыл архиепископ Куйбышевский Алексей. Цель его поездки – принять в Православие обновленческих священников. Главным обновленцем в Ташкенте был протоиерей Григорий Брицкий, который служил в <...> церкви на Ташкентском кладбище. Это был старый батюшка, чем-то похожий на Сократа. До революции был законоучителем (преподавал Закон Божий) в женских гимназиях. Так вот, к этому протоиерею и обратился с призывом покаяться в грехе обновленчества архиепископ Алексей. Отец Григорий ответил согласием и даже изъявил желание покаяться не в келье архиепископа, а с амвона, публично. Покаяние отца Григория произвело потрясающее впечатление. Он говорил долго и очень искренно. Затем архиепископ Алексей возложил на его голову омофор и, произнеся разрешительную молитву, присоединил в Православной Церкви⁸⁶.

После этих событий возродились православные службы в Ташкенте: с присоединением Александро-Невского храма участие в богослужениях стали охотно принимать заштатные священники, и в соборных службах, и поодиночке. В штат ташкентского духовенства вошли: протоиерей Александр Щербов, протоиерей Павел Медведев, священник Венедикт Покровский. Работы для пастырей нашлось много, тем более что власти разрешили открыть для богослужений и кладбищенскую часовню.

К архиепископу Алексею приходило много обновленческих священников, которых он стал принимать у себя на квартире для покаяния в обновленческом расколе. Всего в Ташкенте покаялось девятнадцать человек. Последним принес покаяние «архиепископ» Анатолий Синицын 10 мая 1944 года в присутствии архимандрита Гурия и нескольких священников. Синицын был принят в звании мирянина, после чего архиепископ Алексей рукоположил его – сначала во диакона, потом во иерея⁸⁷.

Таким образом, в 1944 году произошла окончательная ликвидация обновленческого раскола в Средней Азии. Согласно докладу уполномоченного по Узбекской ССР А.И. Степанова, на начало 1945 года: «Обновленческих церквей – 0. <...> Обновленцев – 0»⁸⁸. До назначения правящего архиерея на вакантную кафедру Ташкентской и Средне-Азиатской епархии по решению архиепископа Алексея был образован благочиннический совет из пяти священников, который возглавил протоиерей Григорий Брицкий⁸⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. С. 355–357.

² См.: Сурков С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). – М.: Изд. Об-ва любителей церковной истории, 2012. С. 139–140.

³ См.: Шкаровский М.В. Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. – СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. С. 89.

⁴ Чельцов Михаил, прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Публ. В.В. Антонова. // Минувшее: исторический альманах. Т. 17. – М.–СПб., 1994. С. 425.

⁵ Там же. С. 429.

⁶ Цит. по: Левитин-Краснов А., Шавров В. Цит. соч. С. 369.

⁷ См.: Меженная Э.Л. Митрополит Иоанн: «Будем делать дела любви!». Дневники. Письма. Воспоминания. – Ярославль: Издатель Александр Рутман, 2013. С. 75.

⁸ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 103–104.

⁹ См.: Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова) // Личное дело митрополита Гурия (Егорова). Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 6.

¹⁰ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль: ДИА-пресс, 1999. С. 100, 102.

¹¹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 105–108.

¹² См.: Шкаровский М.В. Александро-Невское братство. С. 109–110.

¹³ Сорокин В., прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). – СПб.: Князь-Владимирский собор, 2005. С. 347–348.

¹⁴ См.: Там же. С. 347–348.

¹⁵ См.: Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. / Авт.-сост. М.В. Шкаровский. В 2-х тт. – СПб.: С.-Петербургская Православная Духовная академия, 2015–2016. – Т. 1. – 2015. – С. 252–256.

¹⁶ Цит. по: Александрова-Чукова Л.К. Митрополит Григорий (Чуков): Служение и труды. К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2006. Вып. 34. С. 86–87.

¹⁷ Цит. по: Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 5.

¹⁸ Чельцов Михаил, прот. Цит. соч. С. 427–428.

¹⁹ Там же. С. 414.

²⁰ Цит. по: Сорокин В., прот. Цит. соч. С. 348–349.

²¹ Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 101–102.

²² Цит. по: Меженная Э.Л. Цит. соч. С. 76.

²³ См.: Человек, каких все меньше и меньше. Письма архиепископа Ярославского и Ростовского Михея (Хархарова) Г.А. Пыльневой // Православие и современность. 2010. № 17 (33). С. 106–107.

²⁴ Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 103.

²⁵ Там же. С. 103–104.

²⁶ Цит. по: Шкаровский М.В. Цит. соч. С. 112.

²⁷ Настоятелем Киево-Печерской Лавры в те годы был архимандрит (Голубев). В 1948 г. архимандрит Ермоген продолжил служение в Ташкентской и Средне-Азиатской епархии под начальством епископа Гурия.

²⁸ Священномученик протоиерей Карп Карпович Эльб, в 1926–1928 гг. служивший экономом Высших Богословских курсов.

²⁹ Цит. по: Санкт-Петербургские духовные школы... Т. 1. С. 256–257.

³⁰ См.: Шкаровский М.В. Цит. соч. С. 120–121.

³¹ См.: Мазырин А., священник. Попытка легализации церковного управления Ленинградской епархии в 1926 г. как предыстория «иосифлянско-алексиевского» разделения // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 2 (51). С. 23–24.

³² См.: Мазырин А., священник. Там же. С. 37–38.

³³ См.: Сурков С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). С. 167–170.

³⁴ Цит. по: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994. С. 524.

³⁵ Сурков С.А. Цит. соч. С. 174–179.

³⁶ Цит. по: «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 367.

³⁷ См.: Шкаровский М.В. Цит. соч. С. 122.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 128–129.

³⁹ Цит. по: Там же. С. 129.

⁴⁰ Цит. по: Там же.

⁴¹ Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. Т. 1. С. 260.

⁴² См.: Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова)... Л. 6.

⁴³ Анкета епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова) // Личное дело митрополита Гурия (Егорова). ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 3–4.

⁴⁴ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 104–107.

⁴⁵ Цит. по: Зегжда С.А. Александро-Невское братство. – Набережные Челны: ИД Новости мира, 2009. С. 150–151.

⁴⁶ См.: Шкаровский М.В. Цит. соч. С. 132.

⁴⁷ См.: Там же. С. 142–154.

⁴⁸ Там же. С. 155.

⁴⁹ См.: Там же. С. 155–170.

⁵⁰ Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова)... Л. 6.

⁵¹ Письмо Е.Н. Вендланд от 25 июля 1965 г. // Личный архив С.А. Зегжды. С-Петербург.

⁵² См.: Сурков С.А. Цит. соч. С. 211.

⁵³ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 107–109.

⁵⁴ Зегжда С.А. Цит. соч. С. 151–152.

⁵⁵ Постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви Высокопреосвященный Гурий, митрополит Ленинградский и Ладожский // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 12. С. 17.

⁵⁶ Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова)... Л. 60б.

⁵⁷ Зегжда С.А. Цит. соч. С. 154.

⁵⁸ А.Л. Беглов предложил деление нелегальных общин на «конформистов» и «изоляциялистов». Подробнее см.: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Арефа, 2008. С. 78–99.

⁵⁹ Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 117.

- ⁶⁰ См.: Там же. С. 110–113.
- ⁶¹ Там же. С. 115.
- ⁶² Там же. С. 115–119.
- ⁶³ Цит. по: Там же. С. 120.
- ⁶⁴ См.: Шкаровский М.В. Цит. соч. С. 177.
- ⁶⁵ Иоанн (Вендланд), митр. Там же. С. 120–121.
- ⁶⁶ См.: Зегжда С.А. Цит. соч. С. 159.
- ⁶⁷ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 122.
- ⁶⁸ Человек, каких все меньше и меньше. Письма архиепископа Ярославского и Ростовского Михея (Хархарова) Г.А. Пыльневой // Православие и современность. 2010. № 17 (33). С. 107.
- ⁶⁹ Там же. С. 108.
- ⁷⁰ См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 365–368.
- ⁷¹ Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 124.
- ⁷² Цит. по: Заславский В.Б. Церковная смута в Туркестанской Епархии (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан и другим источникам) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 184.
- ⁷³ Лука (Войно-Ясенецкий), свят. Я полюбил страдание. Автобиография. – М.: Изд. Сестричества во имя свят. Игнатия Ставропольского, 2015. С. 48.
- ⁷⁴ См.: Заславский В.Б. Церковная смута в Туркестанской Епархии. С. 184.
- ⁷⁵ Архиепископ Иннокентий в 1924 г. уклонился в обновленческий раскол, в котором пребывал до момента покаяния в 1932 г. В марте 1933 г. был арестован, приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. Осенью 1937 г. был арестован и казнен по приговору Особой «тройки» УНКВД по Алма-Атинской области.
- ⁷⁶ См.: Дорофеев Р. Начало обновленческого движения в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы // Восток Свыше. 2016. № 3 (41). С. 55–56.
- ⁷⁷ См.: «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И.В. Соловьев. – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2002. С. 768–769.
- ⁷⁸ См.: Дорофеев Р. Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов // Восток Свыше. 2015. № 2 (37). С. 61.
- ⁷⁹ Цит. по: Владимир (Иким), митр. По стопам Апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. – М.: М-Сканрус, 2011. С. 612.
- ⁸⁰ Архив Ташкентского Епархиального управления (АТЕУ). Оп. 1. Д. 13. Л. 12.
- ⁸¹ См.: Журавский А.В. Афанасий (Малинин Александр Антонович, 1884–1939), архиепископ Саратовский и Петровский // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ Православная энциклопедия, 2002. Т. 4. С. 11–12.
- ⁸² См.: Заславский В.Б. Указ. соч. С. 231.
- ⁸³ См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 23–24.
- ⁸⁴ См.: Отчет о командировке в Ташкент архиепископа Алексия (Палицына) Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. См.: АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 12–18. Опубликовано: Заславский В.Б. Цит. соч. С. 241–245.
- ⁸⁵ См.: Заславский В.Б. Там же. С. 241–242.
- ⁸⁶ Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 126.
- ⁸⁷ См.: Заславский В.Б. Указ. соч. С. 244.
- ⁸⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 151–152.
- ⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 21.

После Ташкента. Начало 1960-х годов в жизни архиепископа Ермогена^{*}

Ташкент – Жировичи. Письмо Хрущеву

После семилетнего пребывания на Ташкентской кафедре архиепископ Ермоген (Голубев) почти два года, с сентября 1960-го по июнь 1962-го, пребывал «в отпуске». Владыке было обещано, что в ближайшее время он займет одну из освобожденных кафедр. Кафедры освобождались, назначения не следовало. По сути, это означало ссылку. Слишком велико было недовольство, которое вызвал архиепископ своей активной деятельностью в Ташкенте.

Он недолго находился в одесском Успенском монастыре; однако здесь ему не давали служить¹, и владыка перебрался в другой монастырь, тоже Успенский, – в белорусские Жировичи. Здесь, как и в Ташкенте и Одессе, он мог видеть последствия нового натиска на Церковь.

Его часто посещали священники, простые миряне и рассказывали о том <...> положении, в которое поставили Церковь власти. Владыка всегда внимательно выслушивал их... «Надо пережить! Надо побороться», – говорил он².

В Жировичах опальный архиепископ написал подробное письмо на имя Н.С. Хрущева, где привел многочисленные нарушения законодательства в отношении Церкви. Вмешательство местных уполномоченных в церковную жизнь, снятие священников с регистрации, закрытие церквей, грубая и оскорбительная антирелигиозная пропаганда...

Написать такое в разгар гонений было мужественным поступком. Передают, что епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), прочитав копию этого письма, сказал: «Почему у нас только один исповедник? Где же остальные архиереи, почему они молчат?»³.

^{*} Автор благодарит иерея Вячеслава Суховецкого за помощь в работе с архивными материалами в омских архивах.

В конце февраля 1962 года архиепископ Ермоген побывал в Москве, на приеме у патриарха Алексия. Владыка передал ему два письма – первое, адресованное самому патриарху, и второе, уже упомянутое, на имя Хрущева. Об этом через несколько дней патриарх сообщил председателю Совета по делам РПЦ Владимиру Куроедову, приложив оба документа⁴.

Что касается письма на имя патриарха, то оно, вероятно, было написано не для самого Святейшего (с которым архиепископ и так встречался), а, опять же, для Куроедова – как своего рода «пояснительная записка» к письму на имя Хрущева.

Обращаясь к патриарху, опальный архиерей напоминал, что постановлением Священного Синода от 15 сентября 1960 года он был освобожден от управления Ташкентской епархией «с предоставлением отпуска без указания определенного срока».

На днях исполнится уже три полугодия, а я все еще продолжаю находиться в отпуске, который фактически превратился в неофициальное увольнение за штат. Согласно церковных установлений архиерей может быть уволен за штат или вследствие личного прошения, или по церковному суду, или за неспособностью управлять епархией по старости или болезни. Как хорошо известно Вашему Святейшеству, в моем случае нет ни того, ни другого, ни третьего⁵.

Действительно, по «делу» владыки Ермогена не было церковного суда; не писал он и личного прошения об увольнении. В 1962 году владыке исполнилось 65 лет (возраст для архиерея далеко не «пенсионный»); а в хорошей физической форме он будет еще долго. Причина затянувшегося отпуска была иной – и архиепископ без обиняков называет ее.

Причина моего увольнения находится в тех ненормальностях, которые возникли в церковной жизни за последние годы. Поскольку эти ненормальности имеют место на всей территории Союза и проявляются в таком широком административном вмешательстве уполномоченных в деятельность Церкви, которое не только грубо нарушает Советское законодательство о культах, но и сводит на нет самый принцип отделения церкви от государства, – я счел своим церковно-гражданским долгом написать в связи с этим главе нашего Правительства председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву прилагаемое при сем письмо⁶.

Далее архиепископ просил патриарха передать письмо (патриарх называет его в своей записке «докладом Н.С. Хрущеву») Куроедову, что и было сделано. Никаких комментариев к «докладу» патриарх делать не стал, а лишь сообщил Куроедову, что

а[рхиепископ] Ермоген ничего не просил, но выражал скорбь, что без всякой-де вины был отстранен от работы церковной, а он не привык оставаться в праздности, и вот решил заняться докладом Н.С. Хрущеву⁷.

Передал ли Куроедов письмо адресату – неизвестно. 3 мая владыка был вызван в Москву и побывал у Куроедова⁸.

А 13 июня 1962 года последовало назначение на Омскую кафедру.

В Омске. «Опытный волк». Ташкентские священники

В те годы Омская епархия называлась Омской и Тюменской и охватывала значительную территорию – две западносибирские области. Правящие архиереи менялись часто; за четырнадцать лет сменилось десять; архиепископ Ермоген был одиннадцатым.

В середине июня он уже прибыл в Омск и разместился в архиерейском доме на улице Яковлева, 89, неподалеку от Крестовоздвиженского собора, в те годы бывшего кафедральным. Дом этот не сохранился.

21 июня архиепископ побывал в Тюмени; где-то в те же дни он посетил и омского уполномоченного Ивана Бутюгова. 16 июля Бутюгов уже сообщал об этой встрече в Совет по делам РПЦ Куроедову:

Он рассказал, что <...> написал большую докладную записку на имя Председателя Совета Министров Союза ССР т. ХРУЩЕВА Н.С., где изложил несколько положений о несогласии с существующей практикой контроля деятельности священнослужителей и церкви в целом, он возмущался, почему мы, служители церкви, должны зависеть от уполномоченных на местах (в вопросах определения количества священников на тот или иной приход, почему не разрешается священникам, ушедшим на пенсию, иногда приходить в церковь, облачаться и служить на архиерейских службах и т.д.)⁹

Далее идут слова, которые часто приводятся в различных публикациях о бывшем ташкентском архиерее:

Из беседы с архиепископом Ермогеном я пришел к выводу, что он один из иерархов, который ведет наступательную политику, он теоретически подготовлен, это опытный волк, который знает, на какую педаль нажимать в любом вопросе укрепления позиций православной церкви, он далек от безоговорочного выполнения установленных положений о культах, он явно реакционен¹⁰.

В конце письма Бутюгов просил дать указание инспекторскому отделу выслать краткую характеристику прошлой деятельности архиепископа.

В июле новоназначенный омский архиерей снова ездил в Москву, встречался с Куроедовым. Владыка высказал намерение направить в форме письма на имя председателя Совета по делам РПЦ ряд мыслей и соображений в связи с проводимой в то время атеистической пропагандой. Куроедов, судя по всему, не возражал.

Архиепископ вернулся в Омск и уже вплотную занялся делами епархии. объезжал приходы, знакомился со священниками. Служил в Крестовоздвиженском кафедральном соборе и Никольском соборе – единственных тогда церквях в городе. Службы, как и в Ташкенте, обставлялись торжественно. Как с неудовольствием докладывал Бутюгов:

К архиерейским службам в соборе и Никольской церкви (в г. Омске), как правило, архиерей привлекает большое количество священников для создания большей помпезности и торжественности службы, памятуя об огромном эмоциональном воздействии торжественной службы на верующих и на присутствующих в церкви вообще¹¹.

Заведовать хозяйственной частью в епархии владыка поставил Леонтия Никифорова (1930–2018), который служил у него в Ташкенте иподиаконом. В биографическом очерке об о. Леонтии этот эпизод описан довольно подробно.

Приехав в Омск, владыка тотчас послал вызов отцу Леонтию. Зная его золотые руки, он оформил его кладовщиком, послал ему 5 тыс. руб. подъемных <...>. Владыка обещал хлопотать ему приход, а пока отец Леонтий <...> топил печи, готовил еду, возил архиепископа по делам, чистил и разгребал снег, подметал улицу возле дома. Архиепископ Ермоген просил уполномоченного по делам религии дать приход о. Леонтию, но тот упорствовал. Опять тянулось время. «Возьми-ка ты акафист Николаю Угоднику и молись», сказал владыка. Так и сделал батюшка, усугубив свои молитвы. И что же? На следующий день получил устное согласие [уполномоченного] на приход в село Воскресенское. Опытный в церковно-юридических делах, владыка Ермоген посоветовал оформить прописку заранее, пока он не вступил в сан священника. О. Леонтий по совету вл. Ермогена поехал в Калачинск, к которому относилось село, встретился с приходским советом, рассказал о своем положении, получил от него поддержку и прописался, не будучи еще священником, сразу на год. После этого явился к уполномоченному и попросил направление на приход. Тот, думая, что батюшку все равно не пропишут, дал направление. Приехав снова в Калачинск, о, Леонтий явился в райисполком. «Вы сначала пропишитесь, если сумеете», с ехидной усмешкой сказал председатель. В ответ батюшка вынул паспорт и показал годовую прописку. Тот только руками развел¹².

Упомянул Бутюгов и еще об одном ташкентском священнике, приехавшем к владыке в Омск: «На один из приходов рекомендовал священника Сергеева Вадима, рукоположенного им лет пять тому назад в Ташкенте»¹³. О результате этого ходатайства, однако, ничего не сообщается.

Получить приход в то время было сложно везде, Омская епархия не была исключением. Церкви закрывались, священника могли в любой момент и по любому обвинению (как правило, надуманному) лишить регистрации. Владыка, скрепя сердце, был вынужден отказываться. «Настоящее время неблагоприятно для всякого рода перемещений», – ставит он 19 июля 1962 года резолюцию на прошении священника из города Каган Бухарской области (имя не названо)¹⁴. И еще на одну просьбу о включении в клир (от 23 сентября того же года):

Вам должно быть известно, что в настоящее время архиерею не так просто устроить священника на вакантное место. Многое зависит не от него¹⁵.

Да, многое зависело не от владыки. И все же он пытался как-то ограничить творившийся произвол. Показательна в этом смысле история с закрытием Вознесенской церкви в селе Чуртан Тюменской области.

Чуртанский храм. «Шипят беззубые рты»

4 июля 1962 года на стол архиепископа легла жалоба от чуртанских верующих: местные власти вынудили их закрыть церковь и передать все церковное имущество государству. Владыка Ермоген поручил тюменскому благочинному протоиерею Николаю Магницкому разобраться.

Через несколько дней благочинный докладывал (орфография сохранена):

...Мною была предпринята поездка на место происшедшего печального события, где мне стало известно из телефонного разговора с Уполномоченным по церковным делам при Викуловском районе КОЗЛОВОЙ (она же – секретарь райисполкома), что церковь закрыта по ходатайству бывшего настоятеля, священника КРАСИЛЬНИКОВА ПАВЛА НИКОЛАЕВИЧА и церковного старосты ЧЕРНОВА Ф.И. Последние, запутавшись в неумном руководстве церковной общиной, создали себе угрозу привлечения к уголовной судебной ответственности, по ихнему пониманию. Заманив обманным путем несколько человек, членов и нечленов церковной двадцатки, в здание местного сельсовета, Красильников 29/VII открыто выступил перед верующими с предложением закрыть храм, дабы тем самым снять с себя и церковного старосты угрозу привлечения к суду гражданскому, во-первых, и, во-вторых, мотивировал свое предложение распадом двадцатки. В этом ему помогал присутствовавший на собрании член «Общества по распространению политических и научных знаний» В. ДАВЫДОВ из областного центра г. Тюмени, фигурировавший, по словам некоторых верующих, на собрании как Уполномоченный по Церковным Делах, который, очевидно, чувствуя незаконные действия и свою неправомочность, заявил, что временно церковь закрывается под засыпку зерна и до разбора дела в области. Верующие же в немногочисленном количестве, почуяв беду в неумных действиях своего общинного руководства, не проявив достойного мужества, пошли на обещания Давыдова и сделали свои подписи на временное закрытие храма. При таких обстоятельствах совершилось закрытие церкви с. Чуртан Викуловского района, о чем верующие, как присутствовавшие на собрании, так и в большинстве не участвующие, сожалеют и имеют намерение ходатайствовать об открытии церкви¹⁶.

Ходатайства перед местными властями ничего не дали; 4 сентября 1962 года постановлением московского Совета церковь была закрыта. Оставалась одна надежда – отправить ходяков в Москву. 23 января 1963 года в епархиальном управлении побывала староста чуртанского храма Елена Рябкова. Начался сбор подписей под письмом с жалобой на незаконное закрытие храма и просьбой о его открытии.

Подобная деятельность не могла не привлечь внимание госорганов. «Смутяны» (прежде всего Рябкова) были привлечены к уголовной ответственности. Была задействована и пресса: 20 августа 1963 года, когда владыка уже возглавлял Калужскую епархию, в главной областной газете, «Тюменской правде», появилась статья «Шипят беззубые рты».

...Гермоген (так! – Е.А.) и его приспешники, преследуя корыстные цели наживы, разработали «операцию» по сбору списков. Чтобы создать видимость массового ходатайства об открытии церкви, гонцам епархии был дан наказ собирать «списки» по всему району, не указывая местожительство граждан, – будто люди проживают в Чуртане и являются прихожанами этой церкви. Организаторы операции знали, что местным властям известно действительное положение дел в Чуртане. Было решено ввести в заблуждение центральные органы, представив туда фальшивые списки и жалобы, и, таким образом, незаконно открыть церковь. Подобная же идеологическая диверсия, по наущению архиепископа Ермогена, была предпринята и в Ялуторовском районе – по открытию церкви в селе Слобода-Бешкиль... Но и эта операция провалилась. Зачинщики похода, сеятели темноты и невежества, фальсификаторы заявлений-жалоб разоблачены и привлекаются к уголовной ответственности¹⁷.

Еще через полгода, 28 февраля 1964 года, дело Елены Рябковой слушалось в народном суде Абатского района Тюменской области. Рябкова обвинялась по ст. 142 УК РСФСР: «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви», что каралось исправительными работами до одного года или значительным штрафом. Владыка Ермоген был вызван на суд в качестве свидетеля¹⁸. В частном определении, вынесенном судом, он был назван главным виновником «преступления» (именно так судьи квалифицировали сбор подписей для открытия церкви).

При рассмотрении дела в суде было выявлено, что архиепископ Омской и Тюменской области (так! – Е.А.), Голубев Ермоген Степанович <...> порекомендовал прибывшей к нему в г. Омск подсудимой Рябковой (23 января 1963 года) обратиться с жалобой в Совет Министров СССР от имени прихожан церкви, составил ей текст заголовка для сбора подписей верующих и отпечатал их (так! – Е.А.) в своей канцелярии¹⁹.

Поскольку, как говорится далее, «своими действиями Голубев способствовал совершению преступления неграмотной Рябковой», суд требовал в отношении архиерея «принятия необходимых мер»²⁰.

Четырьмя годами позже, в 1968-м, архиепископ Таллинский Алексей (Ридигер) – будущий патриарх, а в те годы управляющий делами Московской патриархии – во время беседы с архиепископом Ермогеном заметил ему, что «Куроедов спас его (Ермогена – Е.А.) от суда в Омске»²¹.

Действительно ли владыке Ермогену грозил суд?

Несмотря на жесткое давление на Церковь, под суд в начале 1960-х был отдан только один архиерей – архиепископ Казанский Иов (Кресович). Отстаивая, как и архиепископ Ермоген, права верующих, он был под надуманным предлогом освобожден от управления епархией и приговорен к трем годам лишения свободы. Однако это происходило на пике хрущевских гонений, в 1960-м году; в 1964-м отношении к Церкви несколько смягчилось. Процесс над бывшим омским архиепископом был нежелателен властям: владыка прекрасно знал советские законы и смог бы достойно защитить себя. Да и суд мог привлечь слишком большое внимание – а этого Куроедов и его окружение желали менее всего.

Ташкентская пресса. «Я один, но останусь...»

Вернемся, однако, в 1962 год. К осени архипастырь завершил записку о нарушениях закона в отношении религии, о которой он говорил в июле Куроедову. В ней развивались те положения, которые были высказаны уже в мартовском письме Н.С. Хрущеву. Этот 37-страничный документ владыка отвез Куроедову²².

Знали об этой записке и в Омске – копия ее была направлена уполномоченному²³. 1 октября Бутюгов сообщал:

...За период пребывания епископа Ермогена в Омске – последний написал большой «трактат» – на тему «об извращениях и ошибках в ведении атеистической пропаганды» – церковники как явствует из вышеизложенного не только привлекают верующих к богослу-

жению и проведению обрядов, они теоретически разрабатывают пути для укрепления православной церкви²⁴.

Была прислана в Омск из московского Совета «краткая характеристика прошлой деятельности архиепископа Ермогена», которую Бутюгов запрашивал в июне. Судя по всему, ему просто прислали те «разоблачительные» статьи, которые печатались против владыки в ташкентской прессе. 17 ноября Бутюгов писал в Омский обком:

...Поступившие материалы опубликованные в 1960–1962 году в газете «Правда Востока» с предельной ясностью характеризуют этого церковного деятеля как реакционно-настроенного, матерого апологета рпц (так! – Е.А.) с большим контрреволюционным прошлым.

С юных лет архиепископ получил «определенное» воспитание. Отец его, профессор духовной академии С.Т. Голубев, был один из организаторов еврейских погромов в Киеве. В 1917 году, как пишет газета, он состоял в монархическом обществе «Двуглавого орла», как один из активных его членов <...> Будучи в Средней Азии три года тому назад архиепископ, сохранив золотые и серебряные кресты с царскими коронами, вручает их как награды своим священникам²⁵.

Найти статью, на которую ссылается Бутюгов, пока не удалось; в архиве омского уполномоченного эти материалы отсутствуют. Однако небольшое пояснение по приведенным «сведениям» сделать необходимо.

Отец владыки, Степан Тимофеевич Голубев, бывший профессором не только Киевской Духовной академии, но и Киевского университета и членом-корреспондентом Российской Академии наук, был крупным историком. Никакого отношения к еврейским погромам в Киеве он не имел. Если кто-то из родни и мог бросить тень на архиерея, то это его старший брат, Владимир Голубев (1891–1914), лидер черносотенной молодежной организации «Двуглавый орел», один из инициаторов «дела Бейлиса». Однако и Владимир не был «организатором погромов». Не ясно, кто имелся в виду под местоимением «он», касавшимся членства в «Двуглавом орле» в 1917 году. Голубев-отец не мог в нем состоять, поскольку «Двуглавый орел» был молодежной организацией; Владимир погиб на фронте в 1914-м. Наконец, будущий архиерей в 1915–1919 годах учился в Московской Духовной академии и в Киеве отсутствовал. Да и сам «Двуглавый орел» в начале 1917-го, после Февральской революции, был закрыт.

Что касается наперсного креста под императорской короной, то такого рода кресты, действительно, выпускались в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков к различным памятным датам (но не были «золотыми»). Несколько таких крестов сохранились и в Ташкентской епархии и вручались, как правило, за неимением других. Своих мастерских по производству церковной утвари в Ташкенте не было, нужно было закупать все в Софрино.

И, наконец, последний документ из архива омского Уполномоченного, касающийся владыки Ермогена. Это рукопись информационного отчета И.А. Бутюгова в Совет, датированная 1 января 1963 года. Особенно интересно содержание некоторых бесед с архиепископом, которое приводит уполномоченный. По сути, это был

мировоззренческий спор, в котором архиепископ излагал свои взгляды на место христианства в современном мире.

В ряде бесед за этот период архиепископ Ермоген высказывался так: «У нас, церковников, разные взгляды на происхождение мира с материалистами, но мы имеем право придерживаться иных взглядов на создание мира и существование загробной жизни... Вот все утверждают достижения науки, которые не отрицаем и мы, служители русской православной церкви, но наука еще не победила смерть... когда наука победит смерть, тогда можно будет говорить, что наука сильна, что нет бога...»²⁶.

Это доказательство бытия Бога парадоксальным образом совпадает с тем, которое прозвучало в начале романа «Мастер и Маргарита». Человек не может сам управлять «жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле», ибо «человек смертен»... Можно вспомнить, что Алексей Голубев и Михаил Булгаков были ровесниками и жили в Киеве по соседству, а их отцы были коллегами по Духовной академии.

Была поднята владыкой в беседах с уполномоченным и тема свободы совести.

Далее в беседах он поднимал следующие вопросы: почему не считаются с мнением верующих... как можно не считаться с ними, их, не много не мало, мы считаем, что их до 20 миллионов только у нас в стране... Кроме того, есть ряд людей, не отправляющих церковные обряды, однако верящих в существование сверхъестественных сил. Эти верующие не проявляют себя в чем-либо как верующие, религиозные люди... боятся властей и руководителей организаций, где они работают... так как это может повлиять на их служебное положение²⁷.

И, наконец, важное автобиографическое свидетельство, зафиксированное в отчете:

Утверждая свою преданность русской православной церкви и веру в бога, Ермоген привел такой пример, что «...в 1934 году, когда допрашивал меня один из следователей, то он заявил, что к 1940 году не будет ни церквей, ни верующих...

Я ему ответил, что церковью может и не быть, если их закроют, но верующих хоть я один, но останусь»²⁸.

Омский период владыки Ермогена был коротким – меньше года; 29 мая следующего, 1963-го года он был назначен на Калужскую и Боровскую кафедру.

Сергей Бычков, автор единственной на сегодняшний день наиболее полной биографии архиепископа Ермогена, пишет, что из Омска владыка был удален «по требованию уполномоченного»²⁹. Это утверждение встречается и в «Православной энциклопедии»: «Власти (омские. – Е.А.) требовали перевода Е[рмогена] на другую кафедру»³⁰.

Однако в архиве Уполномоченного по Омской области за этот период мне не удалось обнаружить ни одного документа, в котором бы такое требование содержалось³¹. Да, Бутюгов был настроен к владыке недоброжелательно, но об удалении из Омска вопрос не ставился.

Более того, архиепископ был переведен даже с повышением: Калужская епархия находилась рядом с Москвой и считалась более престижной³².

Объяснить это можно только одним – желанием патриарха Алексия иметь архиепископа Ермогена поближе к себе. Он ценил владыку и относился к нему с большой симпатией. Патриарх вообще стремился окружать себя архиереями старой закалки, с дореволюционным церковным прошлым, которые хорошо помнили те времена, когда Церковь еще не была подавлена государством. Таких архиереев – уцелевших после войн и лагерей – были единицы, и становилось их все меньше. Власти настойчиво продвигали молодой епископат – тех, кто готов был безоговорочно выполнять все распоряжения Совета. Так, в 1960 году был смещен со всех должностей (а на следующий год скончался в больнице при невыясненных обстоятельствах) митрополит Николай (Ярушевич), бывший многие годы «правой рукой» патриарха. Как тогда докладывал в ЦК Куроедов:

Отдел внешних сношений (который прежде возглавлял митрополит Николай. – Е.А.) пополнен новым составом церковных деятелей, правильно понимающих международную обстановку и проводящих нужную линию во внешних делах патриархии³³.

С этим «новым составом церковных деятелей» – не только в ОВЦУ, но и в других отделах патриархата – власть патриарха становилась все более номинальной. Поэтому он, насколько это было возможно, поддерживал таких архиереев, как архиепископ Ермоген. Власти их немного побаивались и были вынуждены как-то с ними считаться. А значит – и считаться с Церковью и с ее предстоятелем.

Не исключено, что с определенным уважением относился к архиепископу и председатель Совета Владимир Куроедов. Да, он был жестче своего предшественника, Георгия Карпова. Но фанатичным атеистом Куроедов не был. Как вспоминает один из его бывших подчиненных:

Сначала он (Куроедов. – Е.А.) пошел по пути администрирования. Потом почувствовал, что это до хорошего не доведет. <...> Он знал цену личности. Если нужно было решить какой-то вопрос — всегда примет³⁴.

Действительно, Куроедов – по крайней мере, до середины 60-х – ни разу не отказывал владыке Ермогену в приеме, выслушивал его³⁵. Во многом это было в духе времени – эпоха Хрущева была не только периодом натиска на Церковь, но и «оттепели», активных, оживленных дискуссий, политической активности...

Продолжалось это недолго. С конца 60-х все это постепенно будет сворачиваться – захватив и государственно-церковные отношения. Давление на Церковь, в целом, несколько ослабнет; но «селекция» архиереев со стороны государства станет жестче. В 50-х – начале 60-х в епископате РПЦ были возможны такие яркие фигуры, как архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), митрополит Гурий (Егоров), архиепископ Павел (Гольшев) и, разумеется, архиепископ Ермоген. С конца 60-х фон меняется. Даже председатель ОВЦС митрополит Никодим (Ротов) (к которому относились слова Куроедова о «проводящих нужную линию») уже несколько выбивался на нем своей кипучей деятельностью, что стоило ему патриаршества...

Но все это произойдет позже. Пока же архиепископ Ермоген был назначен на Калужскую кафедру – как покажут дальнейшие события, последнее место своего архиерейского служения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Морза А. Архиепископ Ермоген (Голубев): жизнь и исповедничество. Дипломная работа студента 5-го курса [Минской духовной семинарии] Морзы Александра. – Жировичи, 1997. (Библиотека Минской духовной семинарии. Инв. № 15429). С. 35.

² Там же.

³ См.: Архиепископ Ермоген (Голубев) / Автор статьи А.Н. Сухоруков // Православная энциклопедия. 2008. Том XVIII. С. 648–653. (URL: <http://www.pravenc.ru/text/190191.html>)

⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 8–8об. Опубликовано в: Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете Министров СССР. 1945–1970 / Ляшенко К.Г., Лавинская О.В., Орлова Ю.Г. (ред. сост.) – В 2-х тт. – М.: РОССПЭН, 2009–2010. – Т. 2. – 2010. С. 350.

⁵ Цит. по: Там же. С. 352.

⁶ Там же. С. 351.

⁷ Там же. С. 350.

⁸ Об этом приеме архиепископ упомянул в первой беседе с омским уполномоченным И.А. Бутюговым. См.: Информационные отчеты, справки и сведения о состоянии и положении РПЦ и религиозных культов по Омской области за 1962 год // Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 56.

⁹ Информационные отчеты, справки... Л. 56.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 93об.

¹² Протоиерей Леонтий Никифоров // Сайт Преображенского храма в с. Нижние Прыски (URL: <http://priski.ru/content/протоиерей-леонтий-никифоров>).

¹³ Информационные отчеты, справки... Л. 93.

¹⁴ Резолютивный журнал на 1964 год (25 ноября 1961 г. – 23 июля 1964 г.) // Архив Омского Епархиального управления. Л. 62.

¹⁵ Там же. Л. 67.

¹⁶ Переписка с Уполномоченным по Омской и Тюменской областям // Архив Омского Епархиального управления. Лист не указан. Официальная версия закрытия – см.: Давыдов В. Почему закрыли церковь в Чуртане // Тюменский комсомолец, 5 авг. 1962 г. С. 4.

¹⁷ Покровский А. Шипят беззубые рты // Тюменская правда. № 195. 20 августа 1963 г. С. 3.

¹⁸ Об этом он упоминает в письме патриарху Алексию от 20 февраля 1968 г. См.: Бычков С.С. Указ. соч. С. 345.

¹⁹ Цит. по: Бычков С.С. Освобождение от иллюзий. – М.: Тэтис Паблিশн, 2010. С. 273.

²⁰ Там же. С. 273–274.

²¹ Так об этом докладывал архиеп. Алексей (Ридигер) в Совет по делам религий. Цит. по: Бычков С.С. Указ. соч. С. 55.

²² ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 71,

²³ ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 38. Л. 10–36.

²⁴ «Справка о выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1962 года – об усилении контроля за деятельностью религиозных объединений и групп» // Информационные отчеты, справки... Л. 18.

²⁵ Там же. Л. 71–72.

²⁶ Там же. Л. 92об.

²⁷ Там же. Л. 93.

²⁸ Там же. Л. 93–93об.

²⁹ Бычков С.С. Указ. соч. С. 33.

³⁰ Архиепископ Ермоген (Голубев)...

³¹ В то время как ташкентский уполномоченный не раз поднимал вопрос «о быстрейшем переводе или увольнении на покой архиепископа Ташкентского и Средне-Азиатского Ермогена» (ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 96).

³² Кроме того, 11 мая 1963 года, «в ознаменование 50-летия служения Святейшего Патриарха Святой Православной Церкви в епископском сане», архиепископ Ермоген, указом патриарха, наряду с другими епископами Русской Церкви, был награжден правом ношения креста на клобуке. (Награждения архиереев Русской Православной Церкви // ЖМП. 1963. № 6. С. 10).

³³ Письмо председателя Совета по делам Русской православной церкви В.А. Куроедова в ЦК КПСС № 315/с 19 сентября 1960 г. Секретно. // Исторический архив. 2008. № 1. С. 64–66.

³⁴ В.Г. Подшибякин: «Со старообрядческим духовенством я находил общий язык». Ч. 1 // Сайт «Русская вера». 1 декабря 2015 г. (URL: http://ruvera.ru/articles/podshibyakin_interviu_1)

³⁵ По словам архиеп. Алексия (Ридигера), архиеп. Ермоген говорил, что В.А. Куроедов его «хорошо принимал в свое время». (Цит. по: Бычков С.С. Указ. соч. С. 355).

Юрий ФЛЫГИН

«...О своевременности открытия университета в Ташкенте»

Страницы истории Национального университета Узбекистана

От редакции. В декабре в Ташкенте вышла брошюра известного узбекистанского историка Ю.С. Флыгина «Национальный университет Узбекистана – старейший на Среднем Востоке. Краткий исторический очерк». Учитывая ограниченный тираж этого издания, а также то, что в нем впервые вводятся в научный оборот многие факты, связанные с историей этого крупнейшего вуза, ВС публикует отрывок из этого издания, касающийся создания Туркестанского университета (как он назывался первоначально).

К началу Первой мировой войны в Туркестане существовала довольно обширная сеть начальных и средних учебных заведений, однако вузов не было. Желавшие получить высшее образование поступали в вузы центра России, в основном в Москве и Петербурге. Были случаи, довольно редкие, когда в русские вузы поступали и оканчивали их представители мусульманских народов Средней Азии.

Долгое время учебным заведением наиболее высокого уровня в Туркестанском генерал-губернаторстве являлась Учительская семинария, основанная в 1879 году по инициативе К.П. фон Кауфмана¹. По его распоряжению в 1870 году в Ташкенте начала работу Особая комиссия для устройства народного образования, а в 1873 году он представил центральному правительству «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае». С 1 января 1876 года открылось краевое Управление учебными заведениями.

В деле открытия Учительской семинарии Туркестанскому генерал-губернатору пришлось проявить немалое упорство, его настойчивость была столь велика, что ходатайства Кауфмана по данному вопросу император и военный министр были вынуждены рассматривать в Дунайской ставке, отвлекаясь от стратегических задач русско-турецкой войны².

По случаю открытия нового учебного заведения Кауфман, в августе 1879 года находившийся по делам службы в Петербурге, прислал телеграмму: «Искренне желаю преуспевания Семинарии на пользу развития и процветания края, ничем более этого мы не можем порадовать царево сердце»³.

Хотя Ташкентская Учительская семинария являлась средним специальным учебным заведением, но в силу ряда обстоятельств, в том числе благодаря основательному изучению в ней местных языков, ее роль в крае оказалась гораздо выше, нежели у других подобных заведений, – она стала одним из очагов ориенталистики в Туркестане. Этому способствовало то, что среди преподавателей Семинарии были яркие востоковеды – Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, Н.Г. Маллицкий, П.Е. Кузнецов.

С начала XX века представители русской интеллигенции в Туркестане неоднократно высказывали предложения об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения. Туркестан динамично развивался, росла потребность в специалистах. Во всей Российской империи, из более чем сотни высших учебных заведений самого разнообразного профиля, в ее азиатской, зауральской части (включая Сибирь, Дальний Восток, Казахстан, Среднюю Азию) в 1911 году имелось всего четыре вуза – три в Томске (университет, технологический институт и высшие женские курсы) и Восточный институт во Владивостоке⁴.

Первоначально разные предложения по организации вуза в Ташкенте ориентировались на заведение востоковедческого профиля. Первая робкая попытка создания такого учебного заведения, оставшаяся до сих пор практически неизвестной, была предпринята еще в 1880–1881 годах по инициативе того же К.П. фон Кауфмана. Речь шла об учреждении так называемого института драгоманов, который готовил бы специалистов, владеющих восточными, в первую очередь среднеазиатскими, языками для работы в органах краевой администрации. Как писал Кауфману в своей докладной записке от 28 февраля 1880 года главный инспектор учебных заведений Туркестанского края А.Л. Кун:

В институте предполагается при пятилетнем курсе <...> изучение практически и теоретически следующих языков: арабского, персидского и тюркских наречий, истории и литературы народов, говорящих на этих языках, кроме того, восточной каллиграфии, разбор восточных рукописей и манускриптов, топографии, общих сведений по естественной истории и составлению научных коллекций⁵.

Правда, несмотря на свое название, предполагавшееся учреждение не мыслилось полноценной высшей школой, оно проектировалось на правах среднего учебного заведения⁶. Увы, из-за неожиданной болезни и последовавшей в мае 1882 года смерти К.П. фон Кауфмана данный проект не был претворен в жизнь. Лишь частично идея о создании института драгоманов по предложению ташкентского педагога и востоковеда Н.П. Остроумова была реализована в виде маленького отделения по подготовке переводчиков при Туркестанской учительской семинарии, директором которой на тот момент как раз и был Остроумов.

В 1900 году туркестанский деятель М.М. Вирский в своей статье, опубликованной в газете «Туркестанские ведомости», предлагал создать в Ташкенте Восточный институт⁷. Образцом для него послужил аналогичный институт, открытый в 1899 году во Владивостоке⁸.

Схожее предложение высказал немного позже петербургский востоковед С.Ф. Ольденбург в своей статье, посвященной работе французской «Школы Крайнего Востока» в Сайгоне:

Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности ученой школы, из которой можно было бы изучать не только русские среднеазиатские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию⁹.

Но и Ольденбург имел в виду не учебное заведение, а «ученую школу», то есть некую исследовательскую структуру.

В декабре 1900 года Общество востоковедения, незадолго до этого организованное в Петербурге, обратилось к администрации Туркестанского края с предложением открыть отделение Общества в Ташкенте, «как центре края, являющегося, таким образом, местом взаимодействия двух культур на почве научной и экономической»¹⁰.

Такое отделение было учреждено в апреле 1901 года. И буквально с самого начала своего существования оно стало активно разрабатывать идею об открытии в Ташкенте востоковедческого учебного заведения¹¹. Как отмечалось на собрании общества 26 октября 1902 года:

...в Ташкенте было бы желательно устроить высшее учебное заведение с восточными языками, возможно более практического характера для подготовки лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Туркестанского края и сопредельных стран¹².

Для претворения в жизнь этого предложения была создана комиссия под председательством Н.П. Остроумова. Членами этой комиссии являлись также Н.Г. Маллицкий, И.Д. Ягелло, С.М. Граменицкий и др. Комиссия разработала два проекта – об организации высшего и среднего специального учебных заведений. Краевая администрация, рассмотрев оба проекта, по финансовым соображениям рекомендовала на первых порах ограничиться созданием среднего учебного заведения.

Русско-японская война и революционные процессы на некоторое время застопорили открытие в Ташкенте новых учебных заведений. Но вскоре вопрос о создании востоковедческого учебного заведения «не только возник опять, но, казалось, стал близиться к практическому разрешению, так как проблема организации в крае дела изучения местных языков не только не была снята с повестки дня, но, наоборот, продолжала усиленно обсуждаться и в печати»¹³. В газете «Туркестанские ведомости» и в других краевых изданиях только в 1906 году было опубликовано по указанной теме несколько статей – В.В. Бартольда, Н.С. Лыкошина, И.Д. Ягелло. Инспектор народных училищ края Н.Ф. Сайфи, как и М.М. Вирский, предлагал все-таки создать высшее учебное заведение с изучением восточных, в том числе местных языков, по образцу Восточного института во Владивостоке. Выпускники такого вуза были бы востребованы для административной работы в крае.

Предложение Сайфи было поддержано Туркестанским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. По его распоряжению была образована новая комиссия с участием Сайфи. Однако вскоре Суботича отозвали из Туркестана, что, очевидно, лишило инициаторов идеи административной поддержки. Ну и конечно, всегдашняя проблема – отсутствие материальных средств. Предложение Сайфи развития не получило.

А вот вопрос со средним учебным заведением, в котором бы изучались восточные языки и некоторые другие дисциплины востоковедного профиля, частично был решен в 1907 году с открытием частного коммерческого училища. Оно было учреждено ташкентским купеческим сообществом, а не В.Н. Дуниным-Барковским, как иногда утверждается. Дунин-Барковский был директором училища, а поскольку купечество устранилось от своего детища, то ректору пришлось принять на себя весь груз ответственности за судьбу учебного заведения.

Идея создания в Ташкенте вуза оживилась накануне Первой мировой войны. К обсуждению подключилась Городская дума, активно поддержавшая ее. Предполагалось, в частности, открыть в Ташкенте технический вуз. Автором этого предложения был Ю. Якубовский, отец будущего известного востоковеда А. Якубовского.

Показательно выступление по этому вопросу гласного Гордумы, уже упоминавшегося В.Н. Дунина-Барковского. Он отметил, что для высшего учебного заведения в Ташкенте нет достаточного контингента студентов, поскольку в крае вообще мало средних общеобразовательных заведений, а главное – нет денег. Напомнил, что предложения городов об открытии вузов подкрепляются финансами. Например, Самара давала миллион рублей на политехникум. «Но собравши 1600 рублей, как это сделано у нас, – заявил Дунин-Барковский, – говорить серьезно об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения, ежегодное содержание коего должно обойтись свыше одного миллиона рублей, по меньшей мере, опрометчиво»¹⁴.

Упомянутые 1600 рублей собрали делегаты Ташкентского съезда по хлопководству, прошедшего в конце ноября 1912 года. Они обратились к администрации с просьбой разрешить сбор средств по всему краю на организацию политехнического вуза. Разрешение было дано, и сбор средств продолжился.

К этому времени – кануну Первой мировой войны – и центральная власть также озаботилась созданием вуза в Туркестане. Один источник утверждает, что существовало «предположение об открытии <...> сельскохозяйственного института в Ташкенте»¹⁵. Начавшаяся война помешала реализации этого плана.

В 1912 году встал вопрос и об открытии в Ташкенте Учительского института для подготовки учителей в городские училища. Уже имевшаяся Учительская семинария была призвана готовить педагогов в основном для русско-туземных школ.

Учительский институт открылся в 1915 году. Курс обучения в нем был двухлетним. Несмотря на свое название, он не был полноценным вузом; скорее, его статус можно было приравнять к педучилищу. Из учительского института было два выпуска: в 1917 и в 1918 годах¹⁶.

А несколько ранее, в 1911 году, ташкентские краеведы, объединенные в кружок любителей археологии, даже ратовали за создание археологического института. Это предложение было поддержано историко-филологическим отделением Российской академии наук¹⁷. Но идея не была одобрена правительством. Едва ли ее можно было признать наиболее актуальной для Туркестана.

В годы начавшейся Первой мировой войны ташкентская интеллигенция продолжала поднимать вопрос о создании вуза. Например, на собрании Туркестанского отдела Русского Географического общества в сентябре 1916 года предлагалось

открыть в Ташкенте «высший политехникум с отделениями: 1) агрономическим, 2) инженерным (специальности: гидротехника и обработка хлопка), 3) восточным, 4) медицинским, 5) юридическим»¹⁸. Сочетание факультетов для политехнического вуза выглядит несколько странным.

20 августа 1916 года Ташкентская Городская дума обратилась к местным научным обществам с письмом:

По сообщению столичных газет, Министерством народного просвещения предположено открытие в Российской империи десяти новых медицинских факультетов, из которых один предназначен для Ташкента. При обсуждении по докладу Городского головы настоящего вопроса в Городской думе <...> гласными были высказаны различные мнения, как о своевременности открытия университета в Ташкенте, так и о тех факультетах, которые было бы полезно для края открыть в первую очередь... Дума постановила, предварительно окончательного решения, просить ташкентские ученые и просветительные общества высказаться по данному вопросу¹⁹.

Вообще, Ташкентская Городская дума в последние полтора-два года своего существования стала главным пропагандистом идеи открытия высшего учебного заведения в крае. Этому, вероятно, способствовало и то, что ее руководителем, городским головой, был активный деятель просвещения Н.Г. Маллицкий, впоследствии многие годы являвшийся профессором ташкентского университета.

В начале февраля 1917 года, как сообщали «Туркестанские ведомости»,

в городской управе [исполнительном органе Городской думы] состоялось учредительное собрание по организации в Ташкенте особого общества для сбора средств на высшее учебное заведение в крае. Рассмотренный в собрании устав предусматривает два источника для получения средств: непосредственный сбор пожертвований и устройство в целях сбора разного рода лекций, чтений, спектаклей и т.д. Считая, что Общество может оказать большие услуги по сбору средств, так как оно именно установит живую связь между различными слоями населения края, собрание постановило возможно скорее выработать и утвердить устав и для ускорения дела через особо избранную делегацию довести о целях и намерениях организуемого Общества до сведения Его Высокопревосходительства Главного Начальника края А.Н. Куропаткина²⁰.

Еще до утверждения устава этого Общества, буквально сразу же после публикации газетного сообщения, на нужды будущего вуза стали поступать средства. Служащие Контрольной палаты из своей зарплаты отчислили более 200 рублей и «препроводили их в кассу ташкентской городской управы для зачисления в фонд открытия в крае высшего учебного заведения. 1000 рублей для той же цели препровожжены в кассу известным по щедрому пожертвованию на постройку Народного дома господином Омельчуком»²¹.

После революционных событий 1917 года идея создания высшего учебного заведения в Ташкенте еще более оживилась. Еще при Временном правительстве в сентябре 1917 года в Петрограде в Министерстве народного просвещения состоялось совещание по вопросу открытия в Иркутске и Ташкенте университетов «нового типа, с техническими факультетами, сельскохозяйственными, инженерными и другими; но раньше технических в обоих университетах будет организо-

ван физико-математический факультет как необходимая научная основа», – писал в Ташкент участник совещания академик Бартольд²².

Еще до этого факультета предполагалось открыть в Иркутске факультет юридический; в Ташкенте – историко-филологический, с несколькими кафедрами востоковедения. «Министр Салазкин желал бы, чтобы этот последний факультет начал действовать не позднее января 1917 года»²³.

Немного позже в другом письме тому же адресату Бартольд писал:

Проекты университетов Иркутского и Ташкентского с историко-филологическими факультетами нового типа значительно продвинулись вперед; комиссии, избранные для их составления <...> выработали предполагаемый список кафедр и определили число нужных для них преподавателей. Имеется в виду не открывать восточного факультета отдельно от филологического и не присоединять механически к историко-филологическим кафедрам восточные, но вводить в круг преподавания по общим кафедрам курсы, посвященные изучению языков, истории и культуры Востока... Не смущаясь туркестанскими событиями и продовольственными затруднениями министерство считает нужным открыть университет уже в январе, но это едва ли возможно²⁴.

Тогда же, в сентябре 1917 года, Бартольд составил «Записку по поводу проекта Туркестанского университета с отделением мусульманского Востока и чтением лекций по истории Востока на историческом отделении».

Однако, в связи со сменой власти, открытие вуза в Ташкенте на некоторое время выпало из поля зрения столичных деятелей. Инициативу взяли в свои руки деятели ташкентские. Городская дума приняла решение просить правительство о выдаче городу займа в 1 миллион рублей на строительство университета и отвела земельный участок под университетские здания²⁵.

Дума предполагала открыть университет в августе 1918 года и в качестве учебных корпусов планировала использовать здания кадетского корпуса близ Салара. Еще в октябре 1917 года министр народного просвещения Временного правительства Салазкин телеграммой уведомил Ташкентскую Городскую думу, что «он в ближайшее время вносит проект Ташкентского университета с техническим факультетом на утверждение правительства»²⁶.

Даже глава Временного правительства, бывший питомец Ташкентской мужской гимназии, А.Ф. Керенский в телеграмме Гордуме писал:

Сила республиканского строя в правде и знании, и я надеюсь что в ближайшем будущем открываемый в Ташкенте университет сделает эти начала культуры основой жизни Туркестана. Рад возможности всемерным содействием возможно скорейшему открытию университета закрепить многолетнюю работу просвещения края²⁷.

Идея создания высшего учебного заведения в Ташкенте была настолько востребованной, что ее активно поддерживали все общественно-политические силы Туркестана и всей России. Ее подхватила и новая власть после революционного катаклизма в октябре 1917 года. В ноябре этого года на III краевом съезде советов Туркестана было принято решение об открытии в Ташкенте народного университета²⁸.

В начале 1918 года в Ташкенте оформилось два самостоятельных проекта, ис-

ходивших из двух источников – от советских властей края и от созданного русской интеллигенцией Ташкента в феврале того же года Общества ревнителю высшего образования. Члены этого Общества представляли как многочисленные общественные объединения научного, просветительского профиля, существовавшие еще со времен Туркестанского генерал-губернаторства, так и организации, возникшие после февральских событий 1917 года. К первым относились Туркестанское отделение Русского Географического общества, Ташкентское общество естествоиспытателей и врачей, Кружок любителей археологии, Ташкентское педагогическое общество. Членами Общества ревнителю высшего образования являлись также «несколько заброшенных судьбами революции в Туркестан профессоров и преподавателей высших школ»²⁹.

Среди наиболее активных «ревнителю» были В.И. Романовский, Г.М. Сваричевский, А.В. Попов, Н.Г. Маллицкий, А.П. Шишов, А.В. Панков, М.И. Слоним, Р.Р. Шредер и другие. Известный туркестанский педагог, общественный и научный деятель, бывший ташкентский городской голова Н.Г. Маллицкий был первым председателем комитета по сбору средств для организации народного университета³⁰.

Сначала и власти, и «ревнителю» вели работу по созданию «своего» университета. Но вскоре они благоразумно объединили усилия: власти поддержали проект «Общества ревнителю».

21 апреля было объявлено о создании Туркестанского народного университета (ТНУ). Его ректором был избран Александр Васильевич Попов.

На торжественное собрание по случаю открытия университета собралось множество народа, речи и приветствия были бесконечными. Собрание открыл комиссар народного просвещения Туркестанской республики В.А. Успенский. С приветственным словом выступил чрезвычайный комиссар П.А. Кобозев. О будущем ТНУ рассказал ректор А.В. Попов. Он, в частности, сказал:

Невелика пока его письменная история, но велики задачи его: вырвать живущие во всех нас корни отжившего прошлого, перевоспитать личность для новой свободной жизни, переменить сознание...³¹

Затем выступали руководящие деятели многочисленных органов новой власти, почти все комиссары местного правительства, представители интеллигенции, промышленных предприятий, других городов края и даже посланцы от Союза солдаток и от бюро «Хлопмасмыло». После каждого выступления оркестр исполнял «Марсельезу».

Как сообщала в тот день газета «Народный университет», орган нового учебного заведения, в середине 1918 года ставшая на некоторое время практически ведущей газетой края:

Рожденный Великой Русской Революцией комиссариат народного образования организует <...> Туркестанский Народный Университет, опираясь в своей работе, как на основу, на рабочую массу, на организованный рабочий класс, войдя в живую и тесную связь с рабочими организациями, зная, понимая и чувствуя нужды, интересы рабочего класса в области образования³².

Идея университета, всеобщей доступности любого образования привлекла очень многих. Она оказалась одним из наиболее ярких символов новой жизни. Но рождение университета происходило мучительно. Не было необходимого опыта, не хватало высокообразованных специалистов. Революционная эйфория, нетерпимость и нетерпеливость, отрицание старого при неумении строить новое, желание получить все и сразу, демагогия и непрофессионализм – увы, все это создавало не лучшую обстановку для создания такого большого дела, как первый университет в регионе.

14 мая 1918 года было опубликовано распоряжение властей Туркестанской советской республики, подписанное председателем Совета народных комиссаров Ф.И. Колесовым и комиссаром по народному образованию В.А. Успенским:

Впредь отменяются все стеснения и преграды к поступлению желающих учиться в том или другом классе любого учебного заведения Туркестанской советской республики. Все вступительные экзамены отменяются. Школы всех рангов и ведомств открыты теперь для всех желающих учиться в них, без различия возраста, национальности, вероисповедания и свидетельств. Единственным условием для поступающих в любой класс любой школы Туркестанской советской республики отныне является желание учиться³³.

Документы о наличии какого-либо образования при поступлении в университет не требовались, не было и вступительных экзаменов.

Больше того, документы о наличии соответствующего образования не требовались даже и от педагогов. Еще 27 февраля 1918 года появился приказ туркестанского комиссариата по народному образованию «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей». Этот приказ предписывал до конца июля 1918 года организовать «выборы всех без исключения лиц, занимающих педагогические и административно-педагогические должности – преподавателей, воспитателей, а также и школьных врачей (!) учебных заведений»³⁴. Предоставление документов об образовании, наравне с рекомендациями «политических партий или иных организаций [и изложением] своих педагогических и общественно-политических взглядов» в приказе все-таки признавалось желательным. Но тут же заявлялось:

Отсутствие звания учителя или диплома не является безусловным препятствием к занятию должности, и лицо, не удовлетворяющее требованиям в этом отношении, может быть допущено к занятию школьной должности³⁵.

В самом начале Туркестанский народный университет представлял собой своеобразный учебный комбинат, включавший как вузовские формы обучения, так и школьные, а также профессиональные и любительские курсы³⁶. Он действовал на основе временного Положения, призванного служить базовым нормативным документом впредь до выработки устава, «если к тому сложатся благоприятные условия».

В Положении утверждалось, что

Туркестанский народный университет имеет целью служить широкому распространению

научного образования и прикладных знаний в Туркестанском крае, привлечению симпатий народа к науке, знанию и искусствам и удовлетворению всех культурных потребностей края в связи с задачами нового времени³⁷.

Предполагалось создание некоей громадной образовательной структуры – «единой народной школы», состоящей из разнообразных автономных частей. Положением определялось, что

...Университет представляет собой высшую ступень народной школы. К ней как средняя ступень непосредственно подходит средняя народная школа, а к ней и низшая народная школа, как низшая ступень единой народной школы.

Высшая ступень, собственно университет распадается на факультеты, средняя и низшая ступени на отдельные школы.

Совместно с деятельностью указанных трех ступеней народной школы действуют и примыкающие к ним по своим задачам культурно-просветительские и воспитательные в широком смысле слова учреждения, как-то: детские площадки, школы прикладных знаний и искусств, клубы, театры, организованные народные хоры, библиотеки, читальни, кинематограф, издательские организации.

Каждая из этих частей-единиц строится на принципе полной самостоятельности в своей сфере и вместе непременно находятся в тесной связи с общей организацией одинаковых с нею единиц, а через эту организацию и со всей организацией единой школы³⁸.

Было решено деятельность ТНУ начинать немедленно, практически без какой-либо подготовительной работы, невзирая на то, что началось ташкентское лето с жарой – не самый подходящий период для учебных занятий! Создали множество образовательных курсов, начальных школ, детских образовательных площадок. В середине июля 1918 года ректор А.В. Попов сообщал: «В два с небольшим месяца и возникло и организовалось более сорока отдельных культурных-просветительных, воспитательных и вспомогательных населению ячеек». Среди этих «отдельных ячеек» имелись «курсы электромонтеров, лесных техников, инструкторов земельно-водных комитетов, автомобильного дела, железнодорожные, черчения, кооперативные, педагогические, инструкторов по дошкольному воспитанию, иностранных языков, кройки и шитья, сапожного дела»³⁹.

Многочисленные курсы, открытые сразу после начала функционирования народного университета, были краткосрочными, трехмесячными. А с осени предполагалось начать работу долгосрочных образовательных программ по классической вузовской системе – факультетов. Факультетов предполагалось пять: естественно-математический, сельскохозяйственный, технический, социально-экономический и литературно-философский (переименованный с осени 1918 года в историко-филологический).

В состав университета первоначально входили Туркестанская народная консерватория, Туркестанский народный музей и Туркестанская публичная библиотека. Однако вскоре они были переданы в непосредственное ведение Наркомпроса Туркеспублики. Постепенно, по мере накопления у новой власти опыта в сфере организации высшего образования, происходило выкристаллизовывание вуза из громадного, трудно управляемого учебно-просветительского комбината, каковым народный университет являлся на самой начальной стадии существования.

Говоря о целях различных ступеней народного университета, инициаторы его создания декларировали широкую программу, отличавшуюся изрядным революционным идеализмом и отсутствием конкретности. Газета «Народный университет» писала, что задачей ТНУ является

...научить каждого человека самостоятельной работе, помочь каждому разбираться во всех вопросах, которые ставит перед ним жизнь, научить его самостоятельному, разумному чтению книг и умению сознательно оценить каждое слово, привить и вырастить в человеке чувство красоты и любви к науке, вложить в него жажду к широкому самообразованию, открыть дорогу к самостоятельному творчеству, развивая личность каждого человека, его способности и таланты, дать ему возможность выработать свое собственное миропонимание⁴⁰.

Один из членов инициативной группы по организации университета, историк, библиограф А.В. Панков, позже вспоминал

...подъем, волнение и глубокое нравственное удовлетворение, когда усилиями местной общественности сбылась давняя мечта всех туркестанцев – основание первого в Средней Азии народного университета. Для народа широко открывались двери в храм знаний, шли голодные и раздетые, от станка и фронта, безусая юность и пожилые – все садились рядом за парту и жадно ловили каждое слово, сказанное с кафедры университета⁴¹.

Однако быстро обнаружилось многочисленные издержки и дефекты скоропалительных действий, «революционно-кавалерийского» подхода к делу образования. Многие организованные под эгидой университета школы и курсы оказались не в состоянии выполнять свои задачи. В первую очередь из-за кадровой проблемы – учителями оказывались случайные люди, часто не имевшие не только педагогического опыта, но и общих представлений о педагогической деятельности. Это было вынуждено признать руководство ТНУ.

Уже 25 мая, вскоре после организации школ, ректор А.В. Попов заявил, что

постановка [учебного процесса] в отдельных школах низшей ступени не стоит пока на высоте, соответствующей идее народного университета. Этого приходилось ожидать от выборов преподавательского состава данной ступени, носивших часто случайный характер голосования при огромном количестве воздержавшихся, именно, наиболее сознательных и добросовестных и при уклонении от выборов и работы по разным соображениям многих ценных работников школы⁴².

В конце мая газета «Народный университет», комментируя «кадровый вопрос», поясняла ситуацию:

Выборы преподавателей народного университета некоторой частью населения были поняты упрощенно, как занятие оплачиваемого места; жизнь дорога, образовалось много безработной интеллигенции, очень нуждающейся. Говорили же, что оплата труда будет приличной. И <...> приходили лица с целью заработать, не думая о трудности и ответственности самой работы⁴³.

Многие школы, вскоре после открытия, пришлось закрыть для реорганизации.

Контингент учащихся также не отвечал первоначальным представлениям. Сообщалось, что

...в иных школах запись доходит чуть ли не до 500 человек, но когда помотришь на аудиторию, поневоле является мысль, что аудитория пуста, так как нет тех, для кого создан университет, нет рабочих, приказчиков, прислуги и т.д., потому что всем ясно, что семилетним ребятам место на детской площадке, во всяком случае, не в народном университете <...> Взрослых слушателей очень мало, в иных группах их совершенно нет⁴⁴.

Многие слушатели рассматривали ТНУ как некое место для общения. Постоянное хождение, разговоры мешали проведению лекций.

Не меньшим препятствием в полноценном выполнении ТНУ своей задачи была политическая жизнь слушателей университета.

Собрания, митинги, комиссии, делегации и депутации, все это не только отнимает у взрослого сознательного гражданина много дорогого времени, но еще и будоражит его жизнь, занимая его сознание целиком, не оставляя ему минуты покоя⁴⁵.

«Политическая жизнь» была исключительно напряженной и у преподавателей. Здесь тоже – ежедневные заседания, комиссии, выборы-перевыборы – неизбежные атрибуты революционного периода. Излишняя политизация всех процессов, свойственная первым десятилетиям советской власти, сказывалась на университетской жизни все 1920–1930-е годы.

И как следствие – частая смена ректоров университета, всякие реорганизации, случаи противостояния пролетарского студенчества и профессуры из числа старой дореволюционной интеллигенции...

Появление в Ташкенте университета в том виде, в каком он был поначалу, многими было воспринято скептически. Его несоответствие традиционным стандартам высшей школы было достаточно очевидно. Один из университетских деятелей сетовал в газете:

Большинство [ташкентской] интеллигенции относится <...> индифферентно к основанию народного университета. Каждый день приходится слышать фразы и замечания, поражающие своим равнодушием и иронией. <...> Редко встречал сочувствие, машут рукой, критикуют, высмеивают⁴⁶.

Критиковать было что. Непрофессионализм явственно проявился при составлении программ. Предполагалось в начальной школе изучать микробиологию, или, например, предлагалась программа курсов по этике. Среди ее пунктов: «Интуитивная теория нравственности; Категорический императив Канта». Темы, несомненно, интересные и важные, но трудно представить, что это было особенно актуально для ташкентского пролетариата в 1918 году.

Руководство факультетов подчас не очень четко представляло их назначение. Вот объявление о наборе на сельскохозяйственный факультет. Призывая потенциальных студентов, авторы объявления обещали «научить всех, как пахать, удобрять землю <...> как садить [так в тексте – Ю.Ф.] растения, <...> как дерево подре-

зывать, поливать, <...> как доить корову»⁴⁷. «Доить корову» записалось более 300 человек.

Ректор А.В. Попов не жалел усилий для исправления недостатков, для должного становления первенца высшего образования. Каждый день объезжал подразделения ТНУ, проводил совещания, беседовал с учащимися, преподавателями, другими заинтересованными людьми, писал разъяснительные статьи для газеты «Народный университет». В одной из таких статей он отмечал:

Нужно ценить нежные ростки новой народной школы... и дать им скорее материальную и правовую опору. Жизнь сама исправляет ошибки этой новой школы. Теоретические курсы заменяются практическими, лекции беседами. Неинтересные курсы и неинтересные преподаватели отходят. Аудитория становится все более и более народной⁴⁸.

Учебный процесс на факультетах вузовского уровня начался в конце октября 1918 года. Общее число студентов на них составляло тогда 560 человек. Первоначально записалось 1200 человек, значительная часть, очевидно, отсеялась по причине отсутствия базовых знаний. Сложился и относительно стабильный профессорско-преподавательский коллектив – около 80 человек⁴⁹.

На факультетах народного университета в качестве преподавателей работали многие интеллигенты из русских туркестанцев, некоторые из них снискали научную известность еще до 1917 года. Среди них: В.И. Романовский, М.А. Зарудный, Р.Р. Шредер, Н.Г. Маллицкий, Л.В. Ошанин, В.П. Дробов, Г.Н. Черданцев, Н.С. Лыкошин, А.В. Панков, А.А. Диваев, М.И. Слоним и другие. Среди первых преподавателей ТНУ был ташкентский врач В.Ф. Ясенецкий-Войно, позднее ставший известным деятелем Русской Православной Церкви архиепископом Лукой.

Нелегко налаживался учебный процесс. Многие записавшиеся в студенты были не готовы к систематическим занятиям. Было распространено мнение, что если речь идет о «новой школе», то и знания тоже будут усваиваться как-то поновому, очень быстро, а главное, без собственных усилий. Преподавателей, требовавших систематического выполнения учебных заданий, обвиняли в буржуазных подходах, «старорежимных методах», игнорировании положения рабочего класса.

У многих были сомнения по поводу будущности нового университета. Даже академик В.В. Бартольд, известный своей поддержкой просветительских инициатив в Туркестане, воспринял известие о создании ТНУ с изрядным недоверием. В январе 1919 года он писал своему другу Н.П. Остроумову:

Открытие в Туркестане настоящего [подчеркнуто Бартольдом] университета едва ли состоится в сколько-нибудь близком будущем. А.А. Семенов писал мне, что в Ташкенте, по дошедшим до него сведениям, университет уже открыт и действует, причем преподавательские силы исключительно местные. Можно опасаться, что существование такой пародии на университет несколько затруднит открытие настоящего университета, даже когда к этому по внешним условиям представится возможность⁵⁰.

Несмотря на то, что далеко еще не удалось устроить университет в Ташкенте как полноценное высшее учебное заведение, летом 1918 года вынашивались замыслы о создании его многочисленных отделений в разных городах Туркестана. С истинно

революционной поспешностью уже с осени предполагалось открыть таковые в Самарканде, Ашхабаде, Верном, Коканде, Мерве, Кагане и других городах. Кроме того, советская власть намечала в это же время (осень 1918 года) открыть учительские институты в Ашхабаде, Фергане, Самарканде, Пишпеке (ныне – Бишкеке).

В ряде городов имелись инициативы местной русской интеллигенции по открытию собственных народных университетов – в Самарканде, Андижане, других городах.

Самаркандский народный университет был открыт 10 июня 1918 года. Инициативная группа по его открытию, состоявшая из юристов, учителей, инженеров, собралась впервые в конце марта. Очевидно, центральная туркестанская власть не одобряла появление на местах самостоятельных, независимых от ташкентского центрального университета учебных заведений. Народный комиссар Туркестанской советской республики Успенский отказал самаркандцам, обращавшимся за помощью.

В пылу революционного увлечения идеей «университизации» края упустили из виду, наверное, такое обстоятельство, как отсутствие преподавательских кадров для множества «университетов». Народный университет в Ташкенте – не только административном, но и культурном, образовательном центре края, и тот испытывал острый недостаток квалифицированных специалистов. А каковы были шансы найти их в Мерве, Кагане?

12 мая 1918 года была открыта так называемая мусульманская секция Туркестанского народного университета. На открытии секции, очевидно, специально приуроченном ко дню торжественного заседания Советов рабочих и солдатских депутатов по случаю провозглашения Федеративной Туркестанской республики, присутствовало практически все советское руководство Туркестана. Газета «Народный университет» сообщала:

В старом городе открывается мусульманская секция Туркестанского народного университета, состоящего пока из семи школ низшей ступени... Предполагается учредить институт для подготовки учителей в мусульманских школах на началах европейской науки. <...> [Трудна] дорога мусульманского учителя, дерзнувшего нести на пользу своего народа свет европейского знания и культуры. <...> Мусульманская секция, именно как секция, отделение общетуркестанского университета является фактом и вместе символом истинного культурного сближения Европы и Азии, для которого могут найтись свои основания в религиях обеих стран, так как лучшее в европейской культуре Запада согрето лучами солнца, взошедшего на Востоке⁵¹.

Один из участников собрания по случаю открытия мусульманской секции А. Диваев, бывший чиновник туркестанской краевой администрации, ставший впоследствии известным в крае этнографом, в своем выступлении призывал коренных туркестанцев: «Идите же вы, дети привольной степи, в этот храм науки и черпайте там полезные плоды просвещения, вместе с вашими братьями – русскими»⁵².

Силами мусульманской секции удалось открыть в Старом городе «11 школ для взрослых с охватом 200 человек, которые открывались с 14 мая по 17 июня»⁵³. Другие источники сообщают о двенадцати школах. Разница, впрочем, невелика. С

новыми «мусульманскими» школами повторилась та же история, что и с русскими. Организованные наспех, они оказались неработоспособными, и их приходилось закрывать. Для реорганизации начальных школ, действующих под эгидой «мусульманской секции» ТНУ, была создана специальная комиссия из четырех человек, в их числе были Абдулла Кадыри и известный мусульманский деятель А. Еникеев.

Дело с мусульманскими школами тормозилось еще и тем, что не было единого мнения о школьных программах. Активный деятель мусульманского просветительского дела, один из джадидских лидеров Муннавар кори Абдурашитханов настаивал, что все школы для коренного населения должны иметь конфессиональный характер, в центр обучения в них следует поставить религиозное исламское образование. В среде местного населения с этим далеко не все были согласны.

До сих пор практически отсутствовали сведения о жизни и деятельности первого ректора первого университета в Средней Азии Александра Васильевича Попова. Лишь в одном из юбилейных изданий по истории Ташкентского университета сообщалось, что он «видный деятель народного образования <...> ранее преподаватель одной из петроградских гимназий, приват-доцент Высших женских курсов»⁵⁴.

В свое время в газетах края был опубликован ряд его статей, выдававших наличие познаний в области православного богословия. Вообще, чувствовалась некоторая уважительность по отношению к религии, что для 1918 года не характерно.

Еще в марте 1918 года, до своего избрания на ректорство, А.В. Попов прочитал лекцию в пользу голодающих, на тему «Христианство и государство», в которой обосновывал идею построения Царства Божия на земле с помощью государства-реформатора.

Будучи ректором ТНУ, Попов опубликовал в газете «Народный университет» статью о большой нравственной роли преподавания в учебных заведениях Закона Божия. Он писал:

Закон Божий – огромная образовательная и воспитательная сила в школе, но лишь в том случае, когда преподавание его не расходится по духу с остальным научным содержанием школы. <...> Теперь, когда ушли из школы казенные преподаватели Христа, нужно, чтобы полным голосом заговорило прежде придавленное и молчавшее слово правды, чтобы у нас, наконец, появился подлинный Закон Божий, данный нам освободительным движением теперь и начавшийся около двух тысяч лет назад⁵⁵.

По мнению Попова, преподавание в учебных заведениях Закона Божия должны взять на себя светские люди. Закон Божий очень важен «для морального оздоровления масс, которого они ждут, как пустыня воды»⁵⁶.

Архивные изыскания позволили выявить ранее неизвестные факты из биографии первого ректора Национального университета Узбекистана. Александр Васильевич Попов – питомец Санкт-Петербургской Духовной академии. После ее окончания он учился в Санкт-Петербургском университете, преподавал в разных учебных заведениях Закон Божий. В Ташкенте оказался в годы Первой мировой войны.

В ТНУ он преподавал историю русской литературы, снискал любовь студентов.

Осенью 1918 года Туркестанский народный университет был реорганизован и сохранен только в составе пяти факультетов. Не вошедшие в это число прежние его подразделения были переданы в другие ведомства. К концу года в рядах его студенчества осталось всего 164 человека. После так называемого Осиповского мятежа в январе 1919 года университет был на время закрыт, так как часть его студентов и преподавателей оказались причастными к восстанию⁵⁷.

Первые месяцы существования ТНУ показали, что для его полноценного функционирования необходима огромная организационная работа, при которой недопустима поспешность в духе кавалерийского наскока. Решить эту проблему в Ташкенте собственными силами было невозможно. В первую очередь требовалась помощь по части обеспечения учебного процесса квалифицированными кадрами. Таковые можно было получить только из российских научных центров. Это прекрасно понимали инициаторы организации университета.

Еще в мае 1918 года в Москву и Петроград были направлены представители ТНУ – востоковед А.А. Семенов и инженер И.Г. Белов, «чтобы привлечь в Ташкент научно-педагогический персонал, раздобыть необходимый инвентарь, научную и учебную литературу»⁵⁸. Но своевременно оказать помощь из центра было невозможно, так как в то время Туркестан был отрезан от России линией фронтов⁵⁹. Однако в центре велась соответствующая подготовительная работа, здесь ташкентская делегация получила полную поддержку центральных властей. Наркомпрос РСФСР созвал в конце июня 1918 года совещание по вопросу организации университета в Ташкенте. В этом совещании приняли участие представители Московского и Петроградского университетов, Петровской сельскохозяйственной академии, Петроградского технологического института. Участниками этого совещания были известные российские ученые В.В. Бартольд, А.Э. Шмидт, Н.Е. Жуковский, С.А. Чаплыгин, Л.С. Берг, Г.К. Ризенкамф.

По инициативе центральных властей осенью 1918 года был создан Организационный комитет Туркестанского государственного университета. Его председателем был назначен профессор (позже ставший академиком) Иван Гаврилович Александров, который «являлся одним из крупнейших авторитетов в области гидротехники и ирригации»⁶⁰. Сложилась уникальная ситуация – образовалось два руководящих центра нового вуза – Правление в Ташкенте и названный Оргкомитет, представленный двумя бюро – в Москве и Петрограде.

Оргкомитет широко информировал научные круги о потребностях создаваемого университета в кадрах, искал специалистов, желающих выехать в Туркестан, разрабатывал Положение о новом вузе⁶¹.

В декабре 1918 года в Ташкенте были сформированы новые руководящие органы университета. Ректором вместо А.В. Попова был избран Г.Н. Черданцев, проректором Г.М. Сваричевский. Был утвержден первый Устав, стал функционировать Ученый совет университета, были утверждены деканы факультетов. В декабре в ТНУ сформировалась первая студенческая коммунистическая ячейка и был организован первый общеуниверситетский кружок по изучению марксизма-ленинизма⁶². Понятно, что в новых условиях А.В. Попов, человек, в глазах которого Закон Божий

все еще продолжал сохранять огромную образовательную и воспитательную силу, не мог оставаться во главе университета.

К началу 1920 года в основном завершилось оформление Туркестанского университета. В конце 1919 года началась подготовка к отъезду в Ташкент большой группы профессорско-преподавательских кадров, выразивших желание помочь становлению высшего образования в далеком Ташкенте. С декабря 1919 года Туркестанский народный университет принял наименование «Государственный университет», согласно общепринятой в РСФСР номенклатуре⁶³.

19 февраля 1920 года Наркомпрос РСФСР сформировал и отправил первый из шести университетских эшелонов с преподавателями и их семьями, лабораторным оборудованием и книгами. Комендантом эшелона был назначен востоковед А.Э. Шмидт⁶⁴.

Организационный комитет утвердил 102 профессоров и 91 преподавателя для направления в Ташкент. Но не все эти люди по разным обстоятельствам смогли выехать. В Ташкент выехали 43 профессора и 43 преподавателя⁶⁵.

Первый эшелон прибыл в Ташкент 10 апреля 1920 года, через 52 дня после отбытия из Москвы. В период с августа по октябрь 1920 года прибыли еще пять эшелонов с преподавателями и 65 вагонов оборудования и литературы⁶⁶.

В истории университета началась новая эра, дело организации высшей школы в Средней Азии получило твердую основу. Среди приехавших специалистов были и уже состоявшиеся маститые ученые, и относительно молодые преподаватели, таланты которых ярко раскрылись уже в Ташкенте. Это И.П. Рождественский, П.П. Ситковский, М.А. Захарченко, Е.М. Шляхтин, В.В. Васильевский, И.И. Маркелов, Г.А. Ильин, В.А. Смирнов, В.К. Вальцов, С.Э. Циммерман, Д.Н. Кашкаров, А.Л. Бродский, М.А. Орлов, Д.В. Жарков, Н.Н. Златовратский, С.С. Медведев, С.П. Аржанов, Р.Р. Циммерман, Н.А. Бобринский, В.М. Комаровский, Э.К. Эпик, М.Г. Попов, И.А. Райкова, А.И. Носалевич, Х.Ф. Кетов, Д.А. Морозов, А.Э. Шмидт, П.А. Баранов, Н.А. Димо, Е.П. Коровин, А.Н. Крюков, М.В. Культиасов, Н.Д. Леонов, С.А. Молчанов, С.Н. Наумов, К.Г. Хрущёв. Также среди родоначальников университетского образования есть имена замечательных представителей русских, российских туркестанцев – это Н.Г. Маллицкий, В.П. Дробов, Н.Л. Корженевский, А.В. Благовещенский, Л.В. Ошанин, М.М. Протоdjаконов, В.И. Романовский, Г.М. Сваричевский, А.А. Семенов, М.И. Слоним, А.С. Уклонский, Г.Н. Черданцев, Р.Р. Шредер⁶⁷.

В продвижении идеи о создании университета в Ташкенте весьма активное участие принимал В.В. Бартольд. Осенью 1920 года он читал лекции в Туркестанском государственном университете; у него была возможность лично познакомиться с делами в новом вузе и убедиться, что его пессимизм не оправдался. Работа, проведенная в 1919 году в Ташкенте и Москве, позволила говорить о «настоящем» университете. На первых порах, после прибытия в Ташкент в августе 1920 года, у Бартольда сохранялось скептическое предубеждение к новому вузу. В письме к своему другу Н.П. Остроумову он писал:

Ал. Эд. [Шмидт], как мне кажется, несколько преувеличивает достоинство вновь созданного туркестанского «университета», как будто бы вполне заслуживающего этого имени⁶⁸.

По мере лучшего ознакомления Бартольда с недавно созданным вузом его мнение меняется. Вернувшись в Петроград, он в письме к другому своему корреспонденту, востоковеду А.Н. Самойловичу, также поделился впечатлениями о Ташкентском университете. Не умалчивая о недостатках, естественных в начале большого дела, в целом он позитивно отзывается о новом вузе:

Степень подготовки слушателей была иногда невысока... но в общем польза от лекций, кажется, будет. <...> Историко-филологический факультет университета (другие я мало знаю) вполне заслуживает название университетского факультета, силы большей частью молодые, но хороши⁶⁹.

С осени 1920 года Туркестанский государственный университет начал свою работу как полноценное высшее учебное заведение, в составе следующих факультетов: медицинского, физико-математического, социально-экономического, технического, историко-филологического, сельскохозяйственного, военного.

19 июля 1923 года Туркестанский госуниверситет был переименован в Среднеазиатский государственный университет, что точнее определяло его роль после национально-территориального размежевания в Средней Азии. В разные годы из него выделялись новые самостоятельные высшие учебные заведения Узбекистана и других стран Средней Азии. Кроме того, выделился ряд научно-исследовательских учреждений. В 1924 году в университет вошел в качестве факультета Туркестанский восточный институт.

Первоначально занятия в университете велись только на русском языке. Объяснение этого лежит на поверхности – отсутствие соответствующих педагогических кадров, способных вести учебные курсы на языках народов Средней Азии на должном научном уровне.

При университете был открыт в 1920 году так называемый рабочий факультет, который просуществовал до 1938 года. Преимущественной задачей рабфака была подготовка абитуриентов из числа коренного населения к поступлению в вуз. На рабфаке преподавались русский язык и общеобразовательные предметы, поскольку таковые почти не изучались в традиционных мусульманских мактабах.

По словам питомца университета, а впоследствии его профессора, ректора Т.Н. Кары-Ниязова, именно на рабфаке в основном осуществлялась

...подготовка узбекской молодежи для поступления в университет. <...> Рабочий факультет много сделал для воспитания местной интеллигенции из рабочих и крестьян. Кроме рабочего факультета, были организованы различные краткосрочные курсы по подготовке в университет. Эти мероприятия обеспечивали быстрое увеличение числа студентов⁷⁰.

В середине 20-х годов рабфак был самым крупным в университете. В 1928 году в нем обучалось почти 900 студентов. От 70 до 100 процентов контингента рабфака составляли представители коренного населения⁷¹. Подготовка высокообразованных кадров из числа коренных национальностей была важнейшей задачей университета. С конца 20-х годов лица местных национальностей, имевшие полноценное среднее образование, стали приниматься в университет без вступительных экзаменов.

Чтобы ускорить подготовку специалистов с высшим образованием из числа коренного населения, власти направляли узбекскую молодежь на учебу в вузы других советских республик и зарубежных стран. В 1927 году 139 студентов из Узбекистана обучались в вузах разных городов России, 11 – в Баку, 15 – в Германии⁷².

В приоритетном порядке издавалась учебная литература на узбекском языке. В 1927 году издания на узбекском языке составляли 92,4 процента от общего объема, на русском языке – 4,7, на таджикском – 2,4, на бухаро-еврейском – 0,5 процента⁷³.

Много внимания уделялось переводу преподавания основных предметов на узбекский язык.

В 1930 г. среди профессоров и преподавателей университета уже было 28 узбеков и лиц других местных национальностей, что составляло 6 процентов профессорско-преподавательского состава. В 1932 году их удельный вес возрос до 10 процентов⁷⁴.

В том же году «удельный вес лиц местных национальностей среди студентов основных факультетов составил более 50 процентов»⁷⁵.

Правда, этот показатель стабильно удержать не удалось. Низкий уровень общеобразовательной подготовки абитуриентов из числа коренных национальностей, зачислявшихся без вступительных экзаменов, породил большой отсев среди них. Сказывалась и нехватка преподавателей, способных вести работу на национальных языках. Но все-таки постепенно возрастало количество студентов из местного населения. Особенно это проявилось после Великой Отечественной войны. В 1962 году в университете обучалось 2166 студентов-узбеков, русских – 1006. В 1978 году узбеков – 5532, русских – 1379⁷⁶. Также в университете обучалось много представителей других народов Средней Азии.

В 1927 году при САГУ был создан в качестве структурного подразделения Рабочий университет, имевший т.н. «старогородское» отделение. Это было культурно-просветительное учреждение, имевшее целью повышение культурного и политического уровня рабочих. Рабочий университет быстро завоевал популярность. Учебную работу здесь вели профессора и преподаватели САГУ А.Л. Бродский, Н.Л. Корженевский, П.А. Баранов, А.А. Семенов, А.И. Израэль и другие. Одной из организаторов и первой заведующей Рабочим университетом была Е.В. Рачинская, известный деятель народного образования Узбекистана.

Позднее на базе Рабочего университета был создан Ташкентский индустриальный техникум (ныне Технический университет имени Ислама Каримова).

В 1921 году университет в Ташкенте осуществил первый выпуск специалистов. Таковых было всего 12 человек⁷⁷. Все они были выпускниками одного факультета – медицинского, и все начинали учебу в других медицинских вузах, но по разным причинам завершили ее в Ташкенте. На этом факультете сложился очень сильный профессорско-преподавательский состав как из местных, ташкентских кадров, так и из приехавших из России. Это В.Ф. Войно-Ясенецкий, А.Д. Греков, М.И. Слоним, К.Г. Хрущёв, А.Н. Крюков, Л.В. Ошанин, П.П. Ситковский, бывший первым деканом медфака. Позднее медицинский факультет выделился в самостоятельный вуз.

Университет в Ташкенте сыграл исключительную важную роль центра сельскохозяйственной науки до того, как были сформированы соответствующие спе-

специализированные научные и учебные структуры. Среди его факультетов в разные годы были сельскохозяйственный и инженерно-мелиоративный. Университет имел свое опытное поле в Капланбеке. Большое внимание уделялось развитию хлопководства как наиболее перспективной отрасли сельского хозяйства.

Многочисленные достижения на этом направлении являются заслугой Гавриила Семеновича Зайцева. Он был организатором селекционной станции, занимавшейся выведением новых сортов хлопчатника. Одновременно Г.С. Зайцев организовал кафедру хлопководства в САГУ. С его именем связано выведение перспективных сортов тонковолокнистого хлопка, сбор уникальной коллекции хлопчатника из всех хлопкопроизводящих стран и регионов мира – Австралии, Америки, Африки, Индии, Египта, Синьцзяна. Г.С. Зайцев разработал на базе этой коллекции новую классификацию хлопчатника. Собранные русскими исследователями богатейшая и не имевшая аналогов в мире коллекция хлопчатника служила ценным источником исходных материалов для выведения новых сортов этой культуры.

В годы Великой Отечественной войны САГУ был временно объединен с Самаркандским университетом (УзГУ). Эта мера была вызвана уменьшением количества студентов и преподавателей как САГУ, так и УзГУ (многие были призваны на фронт)⁷⁸. Объединение кадрового потенциала двух вузов позволило восстановить прежние кафедры и создать новые.

В апреле 1960 года САГУ был переименован. Новое его название – Ташкентский государственный университет – более точно выражало сложившуюся реальность. К этому времени во всех других республиках Средней Азии существовали собственные университеты.

С 1965 года университет постепенно перебазировался в Вузгородок, в специально построенные для него корпуса. К началу 90-х годов XX века в ТашГУ обучалось более 19 тысяч студентов⁷⁹. Он входил в число 25 крупнейших вузов бывшего Союза⁸⁰.

В сентябре 1989 года первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И.А. Каримов в выступлении на Пленуме ЦК КПСС говорил:

Вспомним грозный 1920 год, когда <...> Россия протянула руку щедрой помощи народам Туркестана. Именно в том далеком году В.И. Ленин подписал Декрет об образовании Среднеазиатского университета. Именно тогда в Ташкент направился знаменитый поезд науки с крупными учеными, преподавателями из Москвы, Петрограда и других городов России. Такое <...> не забывается. Эта братская помощь никогда не изгладится из благодарной памяти узбекского народа и народов Средней Азии⁸¹.

Однако через два года в Узбекистане стала формироваться другая интерпретация истории первого вуза Средней Азии, в которой уже не было места ни «братской помощи», ни «благодарной памяти».

Была предпринята попытка доказать, что «в формировании и становлении университета огромная роль принадлежит <...> джадидам»⁸². Датой образования вуза было объявлено 12 мая, день организации мусульманской секции народного университета. В статье, написанной к 85-летию вуза, утверждалось:

12 мая в Старом городе состоялось торжественное открытие мусульманского Народного университета. Его мудиром (ректором) был избран Мунаввар Кори. Его программа была разработана на пять лет и предусматривала получение полного образования с высшей ступенью – учительским институтом⁸³.

Показательно сопоставить, как оценивали 12 мая те самые джадиды, которые в этом событии участвовали. Известный мусульманский деятель А. Еникеев в начале июня 1918 года опубликовал статью под названием «Краткая история возникновения в Ташкенте мусульманской секции народного университета». Он писал:

Русские <...> показали <...> пример, создав народный университет. Эта добрая инициатива их в таком благом деле толкнула мусульман к мысли о необходимости и для них подобного учреждения. По инициативе нескольких лиц, которые задались целью открыть для мусульман секцию Народного университета, было созвано 13 апреля с.г. совещание из представителей различных общественных организаций. Целью этого совещания было указать собравшимся на необходимость и для мусульман открытия секции народного университета, такое предложение было встречено всеми сочувственно, и с этого дня, можно сказать, начались работы по организации мусульманской секции⁸⁴.

Далее Еникеев замечает, что мусульманская секция ТНУ, так же, как и «русская», должна состоять из трех ступеней – низшей, средней и высшей. Но ввиду невозможности, пишет он, «в данное время осуществить этот принцип, признано необходимым открыть пока только одну низшую ступень, как для мужчин, так и для женщин. Предположено открыть всего 24 школы низшей ступени в двух частях города, но до сего времени открыто всего лишь 12 школ»⁸⁵.

Собственно говоря, некоторые из этих школ появились ранее самой мусульманской секции. После февральских событий 1917 года небольшая группа мусульман, обучавшихся в русских средних учебных заведениях Ташкента, образовала кружок учащейся мусульманской молодежи. Задачей кружка они определяли культурно-просветительскую деятельность среди мусульманского населения. Было открыто две школы на небольшие средства, предоставленные татарской организацией «Иттифак».

Учеников в эти школы сначала записалось около 400, но через некоторое время в обеих школах регулярно посещающих занятия осталось менее 70 человек. Инициаторами упомянутого совещания 13 апреля 1918 года были как раз активисты кружка, учащиеся из мусульманской молодежи. С новыми «мусульманскими» школами повторилась та же история, что и с русскими. Организованные наспех, они оказались не жизнеспособными, и их приходилось закрывать. Не хватало профессиональных педагогических кадров. В этой ситуации и речи не могло быть о «высшей ступени» – учительском институте.

Автор же упомянутой выше статьи фантазирует, что якобы против создания «высшей ступени» выступало правительство, и даже называет это «коммунистическим колониализмом», заявляя, что «советская власть продолжала русификацию даже еще сильнее, чем царская»⁸⁶.

...В юбилейном издании об истории Ташкентского университета, выпущенном в 1980 году к его 60-летию под редакцией тогдашнего ректора, академика Т.А. Са-

рымсакова (оно в основном повторяло подобное же издание 1970 года), утверждалось:

Никогда не изгладятся из нашей памяти имена В.И. Романовского, Л.В. Ошанина, Г.Н. Черданцева, А.А. Семенова, Р.Р. Шредера, Н.Г. Маллицкого <...> и многих других представителей передовой русской культуры, связавших свои личные судьбы со Средней Азией. <...> Навсегда останется в истории университета гражданский подвиг А.Л. Бродского, С.Н. Намумова, П.А. Баранова, Е.П. Коровина <...> и всех других профессоров и преподавателей, покинувших крупнейшие научные центры ради создания нового очага науки и высшего образования в отсталом в прошлом крае⁸⁷.

В действительности память, как приходится убеждаться, не вечна. Но факты вечны. Это служит утешением приверженцам объективной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об истории создания Учительской семинарии в Ташкенте см.: Флыгин Ю.С. «Помощью только этого учреждения можно быть уверенным, что обязательное обучение в крае ... сделается действительным фактом» // Третьи Бородинские чтения. Сборник научных трудов. – Ташкент: [б.и.], 2011. С. 205–216.

² См.: Там же. С. 209.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 71.

⁴ См.: Азиатская Россия: в 3 тт. / Переселенческое Управление Главного Управления Землеустройства и Земледелия. – Санкт-Петербург: Товарищество «А.Ф. Маркс», 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. С. 253.

⁵ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 145. Л. 1, 1об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ См.: Туркестанские ведомости. 1900. № 11.

⁸ См.: Советская историческая энциклопедия: в 16 тт. – М.: Сов. энциклопедия, 1961–1976. – Т. 3. – 1963. С. 522.

⁹ Ольденбург С.Ф. Французская школа Крайнего Востока в Сайгоне // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 340, отд. IV. Санкт-Петербург, 1902, март. С. 47–51.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-361. Оп. 1. Д. 1 А. Л. 1.

¹¹ См.: Туркестанские ведомости. 1904. № 7.

¹² «Протокол Ташкентского отделения Общества востоковедения, № 10 от 26 октября 1902 г.». Цит. по: Луин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. – Ташкент, Изд-во Акад. наук УзССР, 1962. С. 136.

¹³ Луин Б.В. Там же. С. 139.

¹⁴ Туркестанский курьер. 1913 г. 4 января.

¹⁵ Азиатская Россия... С. 254.

¹⁶ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 349.

¹⁷ См.: Там же. С. 355.

¹⁸ Там же. С. 356.

¹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-69. Оп. 1. Д. 38. Л. 155–155об.

²⁰ Туркестанские ведомости. 1917 г. 7 февраля.

²¹ Там же.

²² ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 266.

²³ Там же.

²⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 268, 269.

²⁵ См.: Бендриков К.Е. Указ. соч. С. 405.

²⁶ Там же.

²⁷ Туркестанские ведомости. 1917. № 157.

²⁸ См.: Наша газета. 1917. 23 ноября.

²⁹ Хроника событий. Биографические справки ученых / Сост. М.С. Абидова, М.А. Аюбджанова и др. – Ташкент: Узбекистан, 1990. С. 8.

³⁰ См.: Флыгин Ю.С. Тернистый путь Н.Г. Маллицкого, одного из основателей университета в Ташкенте // Ёшлар тарбиясида толерантлик давр талаби. Республика илмий-амалий анжуман материаллари. – Ташкент: [б.и.], 2008. С. 249.

³¹ Цит. по: Зинин С. Александр Ширяевец – поэт российский и туркестанский. – Ташкент: Национальная библиотека Узбекистана им. А. Навои, 2013. С. 161.

³² Народный университет. 1918. № 2.

³³ Народный университет. 1918. № 18.

³⁴ Народный университет. 1918. № 3.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Флыгин Ю.С. Развитие идеи о создании первого высшего учебного заведения в Ташкенте и участие в ее реализации академика В.В. Бартольда // Общественное мнение. Права человека. Узбекистанский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 118.

³⁷ Народный университет. 1918. № 17.

³⁸ Народный университет. 1918. № 17.

- ³⁹ Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина. – Ташкент: Узбекистан, 1970. С. 17.
- ⁴⁰ Народный университет. 1918. № 2.
- ⁴¹ Цит. по: Кормилицын А.И. Научная библиотека Ташкентского государственного университета. – Ташкент: [б.и.], 1996. С. 6.
- ⁴² Народный университет. 1918. № 18.
- ⁴³ Народный университет. 1922. № 22.
- ⁴⁴ Народный университет. 1918. № 24.
- ⁴⁵ Народный университет. 1918. № 87.
- ⁴⁶ Народный университет. 1918. № 16.
- ⁴⁷ Народный университет. 1918. № 2.
- ⁴⁸ Народный университет. 1918. № 61.
- ⁴⁹ См.: Очерки истории Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина / Редкол.: Т.А. Сарымсаков и др. – Ташкент: Фан, 1980. С. 10, 11, 12.
- ⁵⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 293–294.
- ⁵¹ Народный университет. 1918. № 8.
- ⁵² Народный университет. 1918. № 8.
- ⁵³ Труды Среднеазиатского государственного университета имени В.И. Ленина. – Ташкент: Узбекистан, 1970. С. 18.
- ⁵⁴ Очерки истории... С. 9.
- ⁵⁵ Народный университет. 1918. № 70.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ См.: XX лет Среднеазиатского государственного университета (1920–1940). – Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1940. С. 6.
- ⁵⁸ Ташкентский государственный университет... С. 18.
- ⁵⁹ См.: XX лет Среднеазиатского государственного университета... С. 7.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ См.: Пономарева Т.Л. Открытие Туркестанского университета и участие российских ученых в его деятельности // Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. – Ташкент: Навруз, 2013. С. 405.
- ⁶² ЦГА РУз. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 34. Л. 78.
- ⁶³ ЦГА РУз. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 1189. Л. 21.
- ⁶⁴ См.: Пак Б.И. Помощь ученых РСФСР Туркестанской АССР // История СССР. Москва, 1972. № 6. С. 91.
- ⁶⁵ См.: XX лет Среднеазиатского государственного университета... С. 8.
- ⁶⁶ См.: Там же.
- ⁶⁷ См.: Известия ТуркЦИКа, 1920. 15 апреля.
- ⁶⁸ ЦТА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 353.
- ⁶⁹ Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография. Составитель, автор статей и биографии Г.Ф. Благова. – М.: Восточная литература, 2008. С. 126.
- ⁷⁰ Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. – Т.: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1955. С. 175–176.
- ⁷¹ См.: Ташкентский государственный университет... С. 45.
- ⁷² См.: Отчет Центрального Комитета КП(б) Узбекистана. К III Парткурултаю. [Б.м., б.г.]. С. 133.
- ⁷³ Там же. С. 130.
- ⁷⁴ Там же. С. 64.
- ⁷⁵ Там же. С. 64.
- ⁷⁶ См.: Университет в цифрах / Сост.: Э.Н. Куценко, Л.С. Клемешева. – Ташкент: Ёш гвардия, 1980. С. 10.
- ⁷⁷ См.: Университет в цифрах... С. 11.
- ⁷⁸ См.: Самаркандский государственный университет. Краткий исторический очерк (1927–1977 гг.). – Ташкент: Фан, 1976. С. 37.
- ⁷⁹ См.: Хроника событий... С. 94.
- ⁸⁰ См.: Абдурахманов Г. Высшая школа Советского Узбекистана. – Ташкент, 1977. С. 14.
- ⁸¹ Коммунист Узбекистана. 1989, ноябрь, № 11. С. 44.
- ⁸² Правда Востока, 24 июля 2003.
- ⁸³ Правда Востока, 24 июля 2003.
- ⁸⁴ Народный университет, 9 июня 1918.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Правда Востока, 24 июля 2003.
- ⁸⁷ Очерки истории... С. 25.

О богопознании. О любви

О богопознании

Чем глубже входит человек в познание Бога, тем больше почитает себя невеждою.

Прп. Макарий Египетский (ок. 300–391)

Сколько вмещаем, столько и постигаем о Боге, и сколько можем, столько приемлем от Него.

Прп. Ефрем Сирин (ок. 306–373)

Как никто и никогда не вдыхал в себя всего воздуха, так ни один ум не вмещал в себя Божественной сущности.

Божество необходимо будет ограничено, если Оно постигается мыслью. Ибо понятие есть вид ограничения.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325–389)

Не ты познал Бога чрез праведность, но Бог познал тебя по благодати.

Свт. Василий Великий (ок. 330 – 379)

Хочешь познать Бога? Познай прежде себя самого.

Авва Евагрий (345–399)

Кто хочет определить словом, что есть Бог, тот <...> покушается измерить песок в бездне морской.

Прп. Иоанн Лествичник (втор. пол. VI в. – пер. пол. VII в.)

Никогда человек не познает силы Божией[, пребывая] в покое и свободе.

Прп. Исаак Сирин (ок. 640 – ок. 700)

Богом даны два учения о Боге: учение словом, приемлемое верою, и учение жизнью, приемлемое деятельностью по заповедям Евангелия.

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Тот, кто желает увидеть живого Бога, пусть ищет его не на пустом небосводе собственного разума, но в человеческой любви.

Федор Достоевский (1821–1881)

Человек, покамест не узнает большего, доволен тем малым, что имеет. Он подобен петуху деревенскому, который живет на малом дворе, видит немного людей и скота, знает десяток своих кур, и доволен своей жизнью, потому что большего не знает.

А орел, который летает высоко в облаках и видит зорким глазом дали, и слышит издали запахи земли, и наслаждается красотой мира, знает многие страны, моря и реки, видит множество зверей и птиц, не будет доволен, если посадить его с петухом на малом дворе. <...>

Так же бывает и в духовной жизни. Кто не познал благодати Святого Духа, тот подобен петуху, который не знает орлиного полета, не разумеет сладости умиления и любви Божией. Он познает Бога из природы и из Писания; он удовлетворяется правилом и тем бывает доволен, как доволен петух своею долею и не скорбит, что он не орел.

Прп. Силуан Афонский (1866–1938)

Познание чего-либо есть выхождение из себя и приобщение к познаваемому.

Познание истины есть общение с Истиной. Познавание Бога – есть прикосновение к Его славе, жизнь в Боге. Богопознание есть богоуподобление.

...Наши познавательные методы недостаточны в деле Богопознания, и не надо торопиться эту свою ограниченность принимать за ограниченность того, что мы хотели бы постигнуть. <...> Вся ошибка в том, что [многие] люди судят о Боге, пребывая вне Бога. Ни в одном человеческом деле не допустима такая недобросовестность. Никто не возьмется лечить людей, не изучив медицину, не начнет строить дома, не имея специальных познаний; отчего же о делах божественных судят строже всего люди, далеко от этой области стоящие? И, вместе, – как смиренны те, кто преуспел в деле Богопознания. Можно сказать, что смелость суждений о Боге – обратно пропорциональна близости к Нему.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

О любви

Отними у [любви] терпение, и она, как разоренная, перестанет существовать.

Сщмч. Киприан Карфагенский (ок. 200–258)

Кто любит Господа, тот, конечно, любит и ближнего.

Свт. Василий Великий

Любовь не умеет беречь запасы хлеба или денег.

Авва Евагрий

Где есть любовь, там расстояние несколько не вредит, а где нет ее, там нет никакой пользы и от близости мест.

Ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид.

У любящих, когда любовь поет песнь свою, все страсти умирятся и успокаиваются.

Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви – нет.

Свт. Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

Любовь есть склонность находить удовольствие в благе, совершенстве, счастье другого человека.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)

В мире нет почти ничего, кроме любви.

Виктор Гюго (1802–1885)

Любить – значит быть человеком.

Людвиг Фейербах (1804–1872)

Не столько мы ищем [любви], сколько Бог ищет, чтобы мы сделались способными принять ее.

Свт. Игнатий Брянчанинов

Любовь – это всё. И это всё, что мы знаем о ней.

Эмили Дикинсон (1816–1886)

Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения. Грехи грехами, а основа в человеке одна – образ Божий.

Св. прв. Иоанн Кронштадтский (1829–1908)

Совершенное знание и совершенная любовь – одно и то же.

Дмитрий Мережковский (1865–1941)

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога.
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Николай Гумилев (1886–1921)

Чем полнее любовь, тем полнее познание;
Чем горячее любовь, тем пламеннее молитва;
Чем совершеннее любовь, тем святее жизнь.

Прп. Силуан Афонский

Всегда в жизни прав тот, кто опирается не на логику, не на здравый смысл, а тот, кто исходит из одного верховного закона – закона любви. Все остальные законы ничто перед любовью, которая не только руководит сердцами, но «движет солнце и другие звезды». В ком есть этот закон – тот живет, кто руководится только философией, политикой, разумом – тот умирает.

Всякая любовь несет удовлетворение и награду в себе самой.

Иерей Александр Ельчанинов

Как нужно было бы — в наш век почти полного непонимания любви – поглубже вникнуть в радикальную «особенность» Божьей любви. Мне иногда кажется, что ее первая особенность – это <...> отсутствие в ней той «сентиментальности», с которой уже давно отождествил ее (и потому – само христианство) «мир сей». В любви Божьей нет обещания «земного счастья», нет и заботы о нем. Или, лучше сказать, оно целиком подчинено обещанию и заботе о Царстве Божьем, то есть о том абсолютном счастье, для которого создал, к которому призвал человека Бог. Отсюда первый, основной конфликт между любовью Божьей и падшей любовью человеческой. Отсечь руку, вырвать глаз, оставить жену и детей, идти узким путем и т.д. – все это так очевидно несовместимо с «житейским счастьем». Именно от всего этого в ужасе отшатнулся «мир сей», этого не захотел, это возненавидел.

Протоиерей Александр Шмеман (1921–1983)

Дары Пятидесятницы: возвращение

История Церкви Христовой отсчитывается с конкретного события – схождения Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы. Из Деяний святых апостолов мы помним, что оно сопровождалось получением апостолами и теми, кто находился с ними в Сионской горнице, особых даров, которые мы называем чрезвычайными и сверхъестественными. Первым из этих даров стала способность говорить на иных языках. Дальше мы узнаем о великом разнообразии действия Святого Духа в людях. Кто-то получил дар целительства, кто-то – пророчества. Иной получил дар проповеди, кто-то обрел великую силу утешать людей в скорбях. Получали первые христиане и вполне «обычные» способности, как быть начальниками, благотворителями. Апостол указывает даже и на некий дар раздаятельства, что, скорее всего, в современности называется социальным служением. Были и другие дары, о которых вскользь упоминает Священное Писание.

Проповедь и чудеса

Богословское понимание чрезвычайных даров Святого Духа однозначно говорит об их миссионерском предназначении. Для того, чтобы люди поняли, что новое учение – не дело рук человеческих, проповедь апостолов каждодневно сопровождалась чудесами. Так появилась Церковь. Но если бы вера во Христа строилась только на чудесах, она скоро бы выродилась, ведь и к чудесам привыкают. После первого провозглашения Благой Вести потребность в чудесах отпала. И где-то через два-три десятка лет после Пятидесятницы чрезвычайные дары стали постепенно упраздняться. Наступали времена, про которые Спаситель сказал: *Блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20,29).

И в этот переходный период апостол Павел пишет к римским христианам свое послание, где размышляет, в том числе, и о дарах благодати Святого Духа.

Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не

сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.

По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил. Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены.

И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, — в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием.

Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве.

Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте.

Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими.

Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками.

Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми.

Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья.

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

(Рим. 12 глава)

Смысл чуда

Апостол Павел свидетельствует о состоянии Церкви, которая еще дышит чрезвычайными проявлениями Божией благодати, но уже пришло то самое привыкание, и первая увлеченность верой сменяется наступлением привычных человеческих страстей. От этого всплывают проблемы, известные в любом человеческом сообществе. И апостол проводит увещание римских христиан, подсказывая, как совмещать Евангелие с привычным бытом. Но этот смысл открывается только в первом приближении.

Гораздо более важным содержанием в словах Павла стало размышление о единстве Церкви, единстве общины верующих, имеющих разные таланты, но делающих общее дело.

Не раз в истории христианства люди задавали вопрос – куда девались те самые дары Пятидесятницы? Неужели невозможно их снова получить от Бога? И не раз люди пытались найти способы возвращения чудесных способностей. Например,

современные протестанты-пятидесятники, которые появились на заре XX века из баптистских общин, считают, что древние дары возвратились к ним через коллективное возложение рук.

Но простым механическим действием достичь можно немногого. Нужен более существенный аргумент в общении со Всевышним, чтобы Он счел нужным снова оделить нас Своими дарами. Ведь у Бога нет бессмысленных чудес. Главное правило действий Божиих – спасение человека в вечности и постижение им истины (1Тим. 2,4). Вот если чудесные дары нужны для достижения этих целей, тогда и нужно ждать милостей от Небесного Отца. А где и как *правильно* достигать этих целей?

Общение во имя Христа

Чтобы ответить на этот вопрос, позволим себе уйти на время от библейского контекста и обратиться к житейскому опыту.

Любой сложившийся коллектив работает как отлаженный механизм, а при правильной организации становится почти единым организмом. Эта же закономерность действует в христианских сообществах. Только не в тех, которые собираются только на время богослужений, а в тех, где люди стремятся служить Богу и после храмовой молитвы, стремятся жить большой духовной семьей.

Там, где возникает такая община, как-то исподволь начинают действовать особые процессы. Люди вдруг обретали способности, которыми не владели никогда. Какой-нибудь скромный бухгалтер становится ярким проповедником; домохозяйка обретает мощнейший талант сбора средств на благотворительность; бывший алкоголик в одночасье получает дар организатора и руководителя. Примеры взяты из жизни, и таких примеров можно приводить множество. Причем эти способности появляются тогда, когда становятся нужными для жизни общины.

Да, в любом человеке заложены какие-то личные таланты. Но наличие этих талантов никак не объясняет появление совершенно новых способностей и навыков, которые человек никогда не осваивал. Для апостола Павла источник этих талантов был очевиден.

И здесь можно говорить о том самом возвращении чрезвычайных даров Святого Духа. Господь наделяет дарами людей, когда они служат Ему не сами по себе, а только в общине верующих, объединенной Евангелием. *Объединение в общину во имя Христово и есть искомое условие возрождения даров Пятидесятницы*. Вне общины, как показывает опыт, эти дары у человека постепенно или сразу исчезают.

Пятидесятница сегодня

Теперь становятся понятнее слова апостола, адресованные к римлянам. Церковь – это тело Христово. Каждый христианин является клеточкой этого Божественного организма. Отдельная христианская община – это малое воплощение большой Церкви, где, как в едином организме, каждый выполняет свою функцию. И если делает это искренне и с усердием – то Господь и подает те самые дары, кото-

рые восполняют нашу немощь и неподготовленность. И уже становится заметным, как на многих активных приходах начинают проявляться те самые дары в людях.

Ведь и в Древней Церкви эти дары были связаны не только с какими-то потрясающими воображение явлениями: предсказанием будущего, целительством и творением знамений. В первой христианской общине присутствовали и другие, вроде привычные для нас способности – учительство, способность руководить, забота о ближнем и другие. Но сила их проявления была настолько велика, что превосходила естественные способности обычного человека.

Когда мы начинаем жить одной большой семьей, Господь награждает нас теми или иными дарами, которые нужны этой семье и к которым мы наиболее приспособлены. Кто-то может иметь дар целительства, кто-то утешения, а кто-то может иметь дар апостольский – убеждение людей принять веру во Христа. Дело остается за малым – объединиться.

Разбить оковы эгоизма

Одна из главных проблем современной Церкви – разобщенность, замкнутость верующих на себя и свои интересы. В этом смысле даже пресловутые сектанты – большие христиане, чем мы: они несут свое исповедание веры именно в общине, которая действует на принципах взаимопомощи. Если кто-то нуждается, например, в работе, то вся община старается пристроить этого человека. В нуждах, болезнях стараются поднимать все связи для того, чтоб человека отправить в лучшую клинику. Часто и мы объединяемся во время какой-то большой беды. Но как только беда проходит, мы снова рассыпаемся на отдельные песчинки из бывшего когда-то единого монолита.

Послание апостола к Римлянам звучит укором, призывом и советом. Если мы хотим выйти за пределы обыденности, достичь более высоких целей в жизни, если мы хотим найти больше сил для того, чтобы послужить Богу и ближним, то это возможно лишь тогда, когда мы не одиноки, а едины в общении ради Христа.

Стоит вспомнить не только о небесном, но и земном значении общины. Часто в своей жизни, даже в общении с близкими людьми, мы сталкиваемся с недопониманием, ссорами, недовольством друг другом. Главная причина этого – наш эгоизм. Именно из-за нежелания поступиться своими интересами, уступать друг другу, и возникают распри. Но если мы соединяемся во имя Господа, то наши отношения начинают строиться на иных началах. Когда мы и наша жизнь посвящены одной великой цели, эгоизм отступает, и все поводы для обид вдруг оказываются несущественными. Общение с ближними становится более легким и более радостным.

Радость в единстве

Уже само вращение в большом коллективе, само общение позволяет нам получить новый опыт, расширить свой кругозор. В общении веры мы можем «заражать и заражаться» верой еще большей, – такой, которой так нам не хватает. И

чаще всего нам не хватает веры именно от сердца. Логикой мы понимаем, что Бог есть, что сказанное в Евангелии – правда, но вот в сердце это не входит. В общении же сердечная вера растет быстрее. Через общение мы можем не только разумом, но сердцем принимать слово Христово, чувствовать Его любовь. Если же мы живем сами ради себя, то эти чувства и понимание не будут доступны нам никогда.

Господь говорит о Царстве Божием, что оно внутри нас есть (Лк. 17, 21). Признаком вхождения в это Царство является постепенно наполняющая нашу жизнь радость, несравнимая ни с какой эйфорией: эта радость выше и чище. И если она пришла, то ничем не может быть омрачена, даже если вокруг тебя разваливается весь мир.

Путей подвижнических к обретению этого Царства немало. Но одним из самых коротких является совместное служение Богу и ближним. Нужно жить не только ради себя, но и во имя больших целей. И тогда жизнь наполняется новыми смыслами, и жить после этого хочется, очень хочется. И Господь в Своих дарах обязательно подаст силы для этой новой жизни!

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

«Держи ум свой во аде и не отчаивайся» (преп. Силуан**).
Мало того, что тонкая максима, – еще и милосердная, и политкорректная, и популярная (П. Короленко в песне прославил и т.д.).

Еще бы задуматься: а в *каком* аде-то?

В самом умом, что ли, придуманном?

Как бы не так.

В реальном.

В аде наличествующей нашей ежедневной жизни.

Потому что любые надежды – либертианские, русскомирские, коммунистические, глобалистические, литературные, хоть какие, – на рай в этом падшем и непреображенном мире, при нашем падшем и непреображенном состоянии, – это фигня, смеха и горьких слез достойная.

Какой там «рай»...

Прививка ада – спасает нас, вырабатывает иммунитет.

Именно не того ада, который мы придумали и просчитали («напрошенный крест тяжело нести»), а который нам дан и мы приняли.

Старый анекдот есть.

Умер человек и спрашивает:

– Господи! ну вот сейчас объясни же мне наконец, в чем был смысл моей жизни?!

– А помнишь, в 1972 году ты в командировку ездил в Саратов?

– Помню.

– А как в вагон-ресторан ходил?

– Ну.

– А как соседу за столом соль передал?

– Помню вроде.

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018. Все примечания – ВС.

** Преп. Силуан Афонский (1886–1938) – монах, подвижник, подвизался на Афоне.

– Ну и вот!

Вот так и я.

В чем, Господи, был великий смысл моего пастырского служения и вообще всей жизни? – А вот, пока выпавший ночью на Покров снег не растаял, успел ты во дворе воскресной школы снеговичка слепить.

Перелистываю на «Правмире» всякие разные статьи.

Сколько там так называемых медиаповодов!

Сколько ими поднято проблем!

Сколько про эти проблемы написано сколькими (в том числе и мной грешным)...

Прямо-таки не переварить всего.

(Вспоминаю, еще в школе пришел в гости к приятелю, усадили меня там обедать. За столом с нами сидел младший братец приятеля, дошкольник. Набил он полный рот еды, как хомяк, пытался прожевать – не осилил, едва бедняга не подавился, весь посинел, глазенки навypучку... куда деваться – вывалил все это обратно изо рта в тарелку, тяжело вздохнул, перемешал ложкой и стал терпеливо есть заново.)

Курт Флаш* в своей противохристианской книжке так и сяк анализирует христианское учение и с ним разнообразно полемизирует, а в конце пишет попросту: «Кто не христианин, у того и хлопот меньше».

«Душа не больше ли тела?»**

Действительно, гораздо больше, во весь мир.

И вот она сужается, сужается (возможно, что и как шагрeneвая кожа тоже).

О расцерковлении: на минусинском кладбище крестов – небольшая, в общем, полоса, это обозначены 90-е годы; а дальше – сплошь гранитные и мраморные памятники, на них – фотографические портреты (уровень ритуальной полиграфии ныне высок, изобразить могут что угодно на чем угодно).

Вспомнил, как много лет назад отпевал на местном кладбище...

Там есть часовня Иоанна Предтечи, построили в 1997-м году.

Часовня хорошая, только отопления там нет.

И вот, скажем, поздней осенью, в ноябре где-нибудь, снег уже давно лежит...

Отпираю дверь часовни реечным ключом, жду, когда привезут покойного, подметаю, если ветром в щели песку нанесло, – тут места песчаные. Внутри холодно, промозгло, грею руки о кадило, затепливаю многочисленные огарки свечей в подсвечниках.

Подсвечники – такие длинные ящики с песком.

* Курт Флаш (р. 1930) – немецкий философ, специалист по античной и средневековой философии, автор книги «Почему я не христианин».

** Мф. 6, 25.

И все огарки облеплены оцепеневшими мухами, гроздьями мух.

Когда зажигаю свечи – мушиная масса начинает отогреваться, шевелиться, ползать...

Всюду жизнь.

И еще про эту часовню и про жизнь, которая всюду.

Художник, который расписывал часовню, иногда в теплое время года там и ночевал – от кладбища до города добираться относительно недалеко, а работы перед сдачей, тск, объекта было много...

Однажды заночевал там в ночь после Радоницы.

Выхожу, говорит, на крыльцо под утро, часа в три – туман такой, и меж могилами встают, покачиваясь, сгорбленные фигуры, и бредут в поисках выхода... Родительский день народ отмечал.

Еще из тех же 90-х годов...

После отпевания прилучилось говорить с собравшимися об украшении могилки; выразил пожелание не украшать могилку пластмассовыми мертвыми цветами, а лучше какими-нибудь живыми растениями.

Когда все выходили из храма, ко мне подошел пожилой дяденька-бодрячок, с активным блеском в глазах (почему-то в те времена такие часто оказывались адептами всякой, как тогда говорили, эзотерики, в изобилии издававшейся на скверной бумаге огромными тиражами), и весело прошипел:

– Эх ты, еще священник... Разве ты не знаешь, что пластмасса тоже живая?! Чему вас только в семинариях учат...

«Ишь ты» – только и мог связно сформулировать я (мысленно, вслух же ничего не сказал, ибо разговоры с таковыми бывают долги, вязки и нерезультативны).

Кстати, об украшении могил: когда похоронили мы недавно тещу, узнавали, можно ли посадить у могилки деревце, но нам сказали, что нельзя – корни разрушают захоронение... жаль.

Из услышанного:

– Вот перед людьми пытаешься выглядеть пристойно, шифруешься. А ведь Бог все равно все видит...

– Да... Бог-то, Он видит – и прощает, а люди ничего не прощают, вот от них по-неволе и прячешься.

Какой там «дневник»!.. ФБ давно стал нашим личным СМИ.

У меня, например, есть три чего-то, что условно можно назвать «дневником».

Один – вот эта лента в ФБ, где я пишу не только и столько сам, сколько глазами и восприятиями знаемых мною читателей.

Второй – файл «Записи», куда я сохраняю выбранные записи из ФБ, но вставляю порой и иные записи, которые при жизни в ФБ опубликовать не решусь.

И есть еще – просто бумажная тетрадь. Там я пишу и рисую что в голову взбредет (и бью себя по рукам, как только оные произвольно тянутся извлечь из светлой тьмы, притянуть на край листа – помните фигурку Нильса из советского

мультфильма, где он ползал по странице огромной книги?.. – того или иного читателя); этот бумажный дневник, скорее всего, рано или поздно отправится, как и его предшественники, в небытие.

И ни один из них – не настоящий дневник.

Ни один.

А что такое – «настоящий дневник»?..

И ведь все связано не только с поверхностными объяснениями: «лицемерие», «комплексы», etc.) – есть что-то глубинное?..

Одна из важных вещей связана с «ни один из нас не остров», но пока додумать и написать не могу – бегу в аптеку, у внука ангина, второй день температура высокая...

Прахов* – о Врубеле:

«Через несколько дней я побывал у него, просмотрел все работы и убедился в том, что имею дело с выдающимся талантом, превосходным рисовальщиком, а главное для меня — стилистом, хорошо понимающим античный мир и могущим, при некотором руководстве, отлично справиться с византийским стилем, не пользовавшимся в те времена почетом среди художественной молодежи».

Это когда они Кирилловский храм в Киеве замыслили реставрировать...

«Могущим справиться с византийским стилем». Угу.

Это лицо Богородицы...

Вся боль и вся кровь, вся тревога и безысходность XX века.

Бывают такие обиды, детские-болочные, чистые, как родниковая вода...

Например, мое детство (родился я в Красноярске) прошло на Ангаре. В первый класс я пошел в поселке-леспромхозе Манзя (по-тунгусски это значит «яма», хотя поселок не походил на яму, а стоял на высоком обрывистом берегу Ангары). И там возле сельсовета, в палисадничке, огороженном штакетником, стоял большой белёный бюст Ленина.

И я свято верил и даже с пацанами спорил («об чо спорим?!»), что именно тут дедушка Ленин и похоронен, где же еще.

И вот такая обида, смешанная с переворотом сознания, меня постигла, когда я узнал, что Ленин вообще-то лежит в Москве в мавзолее, а таких бюстов, как в Манзе, по стране не пересчитать...

Примерно так недавно обиделась, горько затрепав своим шаблоном, одна тетенька-прихожанка, когда узнала, что апостол Лука не только на столе, а вообще ни на чем икон не рисовал, да и в его время иконописи в ее нынешнем виде не было.

Фантомные воспоминания – как фантомная боль: и вроде понимаешь, что мираж, а чесать так и тянет... Помню, в электричке «Москва-Александров» проходил я сквозь вагоны, и в одном тамбуре два курящих молодых человека говорили друг

* Адриан Викторович Прахов (1846–1916) – историк искусства, археолог. В 1880–1882 гг. исследовал и срисовал остатки мозаики и стенной живописи в Софийском соборе и фрески Кирилловской церкви в Киеве.

другу, от сердца, полнокровно: «Это разве табак... Вот в наше время был “Беломор”, “Прима”, вот был настоящий табак!...». Паренькам было не более 16 лет каждому. То есть каждый из них был примерно не ранее 2000 года рождения...

«Наше время».

В контексте размышлений про шоуменов и юродивых...

Думаю про Петра Мамонова.

То, что делали «Звуки Му» и сам Мамонов до своего воцерковления – для меня было глотком свежего воздуха.

А вот его роли в кино, его затвор в деревне...

Не знаю, честно, как к сему отнестись.

Да, наверное, и не надо «относиться» – человек ведь сложен, он *большой*, попытка его до конца понять и *определить* не есть ли, в том числе, попытка его принизить, уплощить...

Не знаю.

Благослови, Господи, раба Твоего Петра.

(Но одно скажу точно: издания книжек с изречениями Мамонова, преподносимыми чуть ли не как «откровения старца», точно ничего, кроме изжоги, у меня не вызывают.

А ведь для него-то самого эти «крохотки», наверно, важны...

Да.

Вон как оно на белом свете...)

Вспомнились лихие 90-е...

Знаменитым мелком «Машенька» (который почему-то считался только от тараканов) мы выводили блох у кота Лукаса: натирали мелком ремешок, надевали Лукасу на шею и наблюдали, как блохи спасаются кто может.

Прожил, кстати, Лукас без малого 20 лет.

В общей сложности.

(Это такой троп: у нас в России, в обществе и вообще – сплошная общая сложность...)

Весь мир, как сказано, кино, и люди в нем актеры.

И лучший актер – тот, кому не давали предварительно прочесть сценарий, но который тем не менее продолжает играть.

Продолжает свое дело.

Молитва Езекии, царя Иудейского, когда он болен был и выздоровел от болезни: «Я сказал в себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка лет моих. Я говорил: не увижу я Господа, Господа на земле живых; не увижу больше человека между живущими в мире; жилище мое снимается с места и уносится от меня, как шалаш пастушеский; я должен отрезать подобно ткачу жизнь мою; Он отрежет меня от основы; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину» (Ис. 38:9-12)

Этот узор, плохо ли, хорошо ли (мне ли судить) – выткан...

Пора сдавать работу.

Настает утро.

И царь-батюшка оценит, чья жена чего наткала за ночь.

(Только не торопись!

Не сжигай лягушечью кожу...

Останови слуг, желающих вырвать плевелы, всеянные врагом меж доброй пшеницы, – еще не всё вошло.)

Аще кто точию достиже и во единонадесятый час, да не устрашится замедления: не нажив ничего, кроме грехов, можно таки попытаться заработать себе бонусов на Суде, предприняв, например, в мороз кормление в пригородном бору птичек кедровыми орешками.

Нащелкано утлым телефоном, потому на фото ничего не понятно, но все же видна пара деревьев, увешанных кормушками с крупой, кусками мерзлой тыквы и сала.

Сала, братья и сестры!!

Нужны они больно были, наши орешки, особенно синицам, особенно мелким москвокам, – салоимущим!..

Ну, подошла одна, покопалась ртом в орехах, помолчала, сказала со сдержанным достоинством: «Мы в женихах-то как в сору роемся!..», и ушла обратно в свое изобилие.

Иногда пытаюсь применить к внуку котикотерапию: ловлю неуловимого котика и крепко держу, чтоб внук погладил.

Для котика это, впрочем, котикотерпия.

Теще моей, Нине Федоровне, сегодня 40 дней.

Она была профессиональная портниха.

Среди оставшихся от нее швейных инструментов оказалась штучка, которую она засовывала при глажении в рукава и штанины; штучка, в свою очередь, оказалась «Кратким философским словарем» 1931 года выпуска.

В коем словаре про Прокла*, например, сказано: «Философия в лице П. становится непосредственно служанкой религии, что знаменовало собой конец древнегреческой философии».

Так-то.

Рабыня Изаура такая.

Раньше она просто иногда подрабатывала служанкой, ну там раз в неделю на треть ставочки. А тут на полную ставку пошла, непосредственно. Ну и всё, конец философии. Она, бедная, не знала, как коварна эта эксплуататорша религия, и что нанимайся хоть к кому, только не к ней...

А Прокл виноват. В своем лице.

А обличительная статья «Богостроительство» раза в четыре там длиннее, чем

* Прокл Диадох (412–485) – античный философ-неоплатоник.

статья «Богоискательство». Это говорит о том, что к богоискателям, вымирающим психбольным, в СССР относились так себе, а вот богостроителей следовало сразу выявить, подвести под статью и в Карлаг куда-нибудь отправить: мы тут коммунизм сооружаем, а они наши кирпичи по ночам воруют и строят тайком домики своему реакционному Куму Тыкве... вредители, в общем.

С началом поста в храме неизбежно раздаются вопросы прихожан: «Батюшка, как поститься ребенку?»

Мое устойчивое мнение: священник отвечает за воспитание только одной категории детей – своих собственных.

За прочих отвечают (в частности, определяют, чем им питаться, лечиться, во что одеваться, чему учиться, какие книжки читать, во что играть и проч.) их родители.

Свобода выбора...

Чаще всего зрю ее выглядящей примерно так: перекресток путей, на перекрестке, как водится – бел-горюч камень.

На камне ничего не написано.

Стоишь, мучительно не знаешь – куда идти...

А Господь рядом стоит. Молчит.

– Господи, укажи, куда идти!

– А ТЫ куда хочешь идти? Выбирай, иди по любой дороге.

– Как – «по любой»? Мало ли чего я выберу! А вдруг там!..

– Ну, «вдруг» – будут везде, таковы уж дороги в этой жизни... И неизбежно: выберешь первую – будешь тосковать по второй, перейдешь на вторую – спасительной покажется третья, и так далее... Не стой. Начинай идти уже. Только помни: куда бы ты ни пошел, Я всюду пойду с тобой.

Вот и весь Его сказ.

Никогда не любил сказывать проповедь перед причастием.

Люди ждут Чаши, дети хнычут, томятся. А ты такой, как глухарь на току, упояешься собственным красноречием...

На днях.

– Ой, а не знаете, батюшка N сейчас в храме?

– Нет, – говорю. – Может, я могу чем-то помочь?

– Ой нет, только он... Нам без козла никак...

– ???!

Оказалось, у них есть козы, а у батюшки N – козел, которых надобно случить срочно.

Акутагава писал: «Жизнь как коробок спичек: относиться к ней слишком серьезно – нелепо, относиться легкомысленно – опасно».

Из сочинения Саввы про Онегина:

«Мое мнение: такой ловелас не может считаться нормальным».

Церковь похожа на жизнь еще и тем, что на нее всякий смотрит со своей точки зрения, из своей ситуации.

И каждый видит:

свое – отсюда зачастую следует взаимонепонимание, стремление утвердить только свою правду, рознь и ненависть;

что-то свое – отсюда возможно взаимодополнение, интерес к чужому видению, поиск чего-то большего, чем частные правды.

Читаю у Натальи Трауберг (в «Иакове на Лукишках») про «стыд и страм».

Вспомнил, что моя бабушка тоже так говорила – «страм».

А тех, кто вел себя гадко, постыдно, или ковырялся в грязи и проч., называла – «страмец».

Например:

– Брось кота щажже! Он поганый, жопу вылизывает, а ты в его лицом лезешь... тьфу, страмец!

Помню, много лет назад служили на Рождество, ночью.

Домой шел пешком.

Тихо, мягко... Заблеванные улицы спят, обессилев от новогоднего марафона, натянули на нос одеяло из свежего снежка, на ледяных горках – никого.

Вдруг навстречу – стайка девчонок.

– Ой!! скажите, как вас звать!!

Надо же – на женихов гадают.

Я так насупился:

– Я – священник из Спасского собора!

Иэхх!.. как молнией, просияли девчонки ужасом; и – сдуло.

Савва тут беседовал с психологом.

Учёным, как кот, что по цепи кругом.

Психолог предложила ему, разумеется, тест: а ну-ко, какую психологическую защиту строит сей мальчик от онтологических угроз?..

И говорит: нарисуй человека – а потом его же под дождем. (Ну, типа, дождь – это угроза, дети рисуют там в небе тучи, себя несчастных – в домике или под зонтом, де они так обозначают свою защиту, и пр...)

Савва нарисовал веселого чувака-хипстера, в джинсах, с бородкой. А на обратной стороне – лазоревый дождик, который идет не из тучи, а просто из ничего, чувак с бородкой такой кайфует под дождем, удивляется, а зонтик есть, но – валяется в стороне...

Умная психолог не сразу нашлась что сказать.

У Толкина ничего не сказано о смерти хоббитов, вообще о том, как у них лечат-

ся от болезней, как умирают, какие есть погребальные традиции и какие в Хоббитании кладбища...

А наверняка – такие же уютные, как всё прочее.

Один советский хоббит как-то сказал мне: «Рай?.. Ну, наверно, это место, где на Новый год крутят «Иронию судьбы» и «Кавказскую пленницу», только без этой рекламы...»

Много приходящих в эти дни на исповедь – с одним и тем же:

«Ох, грешна, праздновала Новый год!..».

Как будто на следующий год будет иное.

(Спешащим придраться: тут нет никакого открытия «тайны исповеди».

Оную штуку, тайну эту исповеди, думаю, ввели в оборот те, кто ходят на исповедь раз в три года, а потому считают, что то, что они рассказали батюшке, есть нечто... ээ... вышеестественное.

Как будто в плане грехов за тысячи лет создали хоть что-то новое!..)

Ну так вот.

Ответ один: Новый год – прекрасное дело.

Но еще прекраснее – мера.

– Чего ты среди бела дня с фонарем ходишь?

– Батюшка благословил искать атеиста...

Глядя на попадающиеся в сети фотографии рождественских православных детских праздников, заметил, что в инсценировках детей, обозначающих волхвов, часто наряжают в арафатки.

Когда-то, приехав в Израиль, решил я защититься от жары: надену, думаю, на голову платок да обмотаю веревочкой...

– Ты что! – сказали друзья. – Не вздумай! Сорвут еще, вместе с головой...

Виктор Кривулин* (из сборника «Иосиф Бродский глазами современников»):

«Дело в том, что мы все, вероятно, исходили из какого-то фундаментального понятия пустоты человеческого существования, пустоты, которая как бы является центром. Потом этот центр стал заполняться каким-то образом. Для одних это был религиозный поиск, для других – социальный, а Бродский остался поэтом, остался в этом метафизическом колодеце, где человек один на один со Вселенной».

Действительно, «христианская поэзия», вероятно, невозможна. Типа: ты ведь был уже в Сионской горнице, кой ляд тебя опять понес в этот колодец?..

– А я своего старого джинна ни на какого не поменяю. Ну и что, что низкая скорость, что объем памяти маленький... – сказал Алладин. – Зато он такой теплый, ламповый.

«Вынь прежде бревно из своего глаза, и поймешь, как вынуть сучок из глаза

* Виктор Кривулин (1944–2001) – поэт.

ближнего», – это как в самолете: надень кислородную маску сперва на себя, потом на ребенка.

(Думаю о помощи зависимым и созависимости).

Разницы разнствуют, и разнствуют разницы разно.

Одна из разниц между воцерковленными и не: одним ближе «Капитан Очевидность», а другим – «Батюшка Очевидность».

Меня тут горячо спрашивали, какие ваши доказательства?! в смысле, как вы относитесь к пре вокруг фильма «Матильда»?

Единственное, что мне пришло на ум в качестве ответа – любимая фраза, приписываемая Анне Ахматовой: «Если на улице кричат “дурак”, не обязательно оглядываться».

В Фейсбуке в друзья ко мне попросилась Церковная Утварь.

Был в замешательстве.

О любви: мы прорастаем в других... Потом спохватываемся, идем искать в других это свое... глядь, а это уже не «мы».

И не «они»...

Это – Он.

Совершенно случайно (ткнул не в ту ссылку) попал на православный сайт знакомств.

Ну, нормальный сайт, мужчины и женщины ищут друг друга, и проч.

Все воцерковленные, и проч., сайт, повторю, православный потому что.

Там есть опросник, который заполняет каждый участник, кратко рассказывая о себе.

В одном из них молодая женщина на вопрос: «Какой человек (или из какой сферы) является примером для вас?» – отвечает: «Протоиерей».

Удивляемся и негодуем, вот, мол, каков Фейсбук. Лайки, баны, за-, от- и перефренды....

Подумалось, что этим нам просто напоминают: скрыться от жизни или построить жизнь и, как в лего, населить ее сконструированными по моему образоподобию ближними – не выйдет.

Жизнь – повсюду такова как есть.

Дело не в жизни вообще, чего там ее «побеждать» или «познавать»!.. В конце концов, есть и такое определение: «ничто, которое ничтожит».

Дело во мне самом.

С утра пережевываю любимые строки:

*Кто знает? Может быть, не хватит мне свечи –
И среди бела дня останусь я в ночи;*

*И, зернами дыша рассыпанного мака,
На голову мою надену митру мрака;*

*Как поздний патриарх в разрушенной Москве,
Неосвященный мир неся на голове –
Чреватый слепотой и муками раздора;
Как Тихон, ставленник последнего собора...**

«Митра мрака» – мороз по шкуре.

Написано О. М. в 25 лет.

(Ну и что; «Только детские книги читать...»** – вообще в 16).

«Замах на рубль – удар на копейку»: про отсекование уха Малха...***

Петр дышит часто, внутри кипит не пойми что...

Бессилие, обида, ужас, растерянность, ярость.

Петр – и тот выбит...

(А ведь библеисты говорят – служил Петр когда-то, *участвовал!*..)

Ничего, ничего не действует!

Малха какого-то – так его же и жалко, хнычет от боли, зажимая ухо ладонью, при чем тут он вообще...

«Господи!!! Час икс пробил, похоже! Ротный, командуй же, ВЕДИ!!! РУКОВОДИ!!!!!»

А какое там.

Его Самого – вон ведут и руководят...

Привыкли мы в проповедях прохаживаться насчет апостолов: мол, мужики все попрятались после той ночи, и тэдэ...

А побудь-ка на их месте.

Когда идет речь о той самой притче из 25 главы от Матфея, про Суд, многие кивают главами: ага-ага, знаем, вот самое главное – «что сделал ближнему», а про всякое там типа молился-постился ли, про личные грехи никто и не спросит, фарисейство это всё и блаблабла!

Какие мы все-таки дети, да? не в хорошем смысле... Про личные грехи, может, на Суде и не спросят, но только потому, что деликатно *по умолчанию* посчитают: ну, про это-то и так все понятно.

А что по умолчанию понятно?

То: что такое любая греховная страсть? Проявление самости, замкнутости на себя, на скорлупу, на свою рукотворную тюремную камеру.

То есть – неимение любви, выхода к *другому*.

Да, про наши личные страсти не спросят на Суде – потому что считают, и справедливо, что это наше личное дело, что уж само-то собой мы-то, и пр. Что

* Стихотворение Осипа Мандельштама (1917).

** Стихотворение Осипа Мандельштама (1908).

*** Малх – раб первосвященника, участвовавший в аресте Иисуса Христа в Гефсиманском саду (Ин. 18, 10).

не такие же мы безумцы, чтоб не лечиться от сифилиса или проказы, ну уж не самоубийцы же.

«Наивные! Не спросят!..»

Угу. Это они наивные – или все-таки мы, губительно наивные?..

Словом: пока сам не поборешься со своими личными грехами, симптомами извращенной самости, пока не начнешь с минус первого класса – в плюс первый не перейдешь, и тем более ничего полезного ближним – сделать не сможешь.

А значит, и Христу...

Так что мы, легкомысленно широко разумеющие сию притчу, сами-то к Суду и на полшага не приблизились.

Такие печальные дела.

Вот думаю: почему Иисус молчал на суде?

Считал ниже своего достоинства по сто раз повторять, как грубо говорят, «кидал презруху» в сторону мучителей, этак по-партизански, и проч?.. почему-то так не кажется.

Один из возможных ответов, наверное, таков: это молчание – один из признаков человечности в Богочеловеке, один из признаков кенозиса, происходящего вплоть до «вскую оставил Мя еси»... Знаю, что психологизм в деле экзегетики – знамение пререкаемое, но все же, мало кому не знакомо это: когда на тебя бурно наседадут с явной неправдой, причем те же, кого ты любишь, – ты бессилён что-то объяснить, убедить, и молчишь... Конечно, не дерзну думать, что и у Иисуса так именно и точно было, нет, Он не такой человек, и греха в Нем (то есть обиды, страха и прочего) нет, но тем не менее: «Что делаешь – делай скорее... и свершится правда – Божья».

Это я по поводу всего того, что бурлит сейчас в связи с публикациями на сайте «Ахилла», особенно – вокруг анонимного священника и его оппонентов. В одном из бурных обсуждений, где одни орут, кто яростно, кто горько, кто торжествующе, что он де герой, другие – что он де сволочь и обманщик, прозвучал негромкий комментарий такого содержания: «Стоит ли так безапелляционно судить, ведь священники все разные, и путь жизни у них разный...»

И вот такие голоса – почти не слышны в гуле споров.

И не вмешают им ни столпы и церберы, ни, наоборот, распаленная толпа, во-рвавшаяся вешать попов, потому что «все они одним миром мазаны»...

Изгнание из Эдема, кожаные ризы: не столько наказание, сколько защита...

– Папа, я не хочу! Зачем этот тяжелый свинцовый безобразный балахон?!

– Сынок, так надо... там – опасно.

– Я не вижу никакой опасности!

– Сынок, радиация – такое дело, ее и не увидишь...

Не в мире, конечно, опасно. Опасно, когда тебя, наполовину духовного, видит – темная духовная тварь...

У каждого из нас Эдем – свой.

Сад, конечно (великолепное стихотворение Виктора Кривулина «В архитектурной муке длится сад...» – у меня в десятке шедевров русского стиха). В замеча-

тельном (на мой вкус) фильме «Версальский роман», где играет прекрасная Кейт Уинслет, один из персонажей, парковый архитектор Короля-Солнца, говорит о том, что настоящий художник в своих парках пытается воспроизвести тот самый утраченный Сад.

Для меня – не только Сад, но еще и Дом.
И оба они – Царство, в которое идем.

Бог есть Отец, а люди – Его дети, то есть обладают свободой выбора, которой и пользуются. Кто хочет – ищет путей к Богу, кто не хочет – находит свои с Ним отношения в атеизме и подобных игрищах. Кто любит мармелад, а кто – свиной хрящик.

Насчет «невежества» и «образованности»... Я, например, сию последнюю священную корову отнюдь не считаю... От того, что атеист, например, прочел Библию и св. отцов, он более верующим не станет – если не *захочет* им стать... Как и человек верующий, который прочел того же Докинза, от Христа не откажется.

Человек – это пуля со смещенным центром тяжести.
Мы думаем, что этот центр – в голове. А он – в сердце.

Для кого как, а для меня первая седмица (и Страстная) Великого поста всегда были особенными. Не в смысле даже пиетета к ним, а просто – всегда что-то происходит в эти дни важное.

Сказать: «Хорошо попостился!» – у меня и в оные-то годы язык не поворачивался, а сейчас и вовсе. А вот: «Хорошо начался пост!» – это да.

Внутри сияет вновь обретенное: «остаток Израиля».

Когда, например, весь покалечен и пленён, и тебя враг допрашивает: «Говори, сволочь, веришь еще или нет?» – хрипишь ему, незачем врать в такой ситуации: «Да, верю» – «Да чем ты, мразь, можешь верить?! У тебя ни рук, ни ног, глаз вытек, внутренности отбиты, чувства, мозги – все контужено!» Нна, нна сапогом. «Чем ты там таким веришь?!» – «Остатком Израиля».

Неделя Торжества Православия.

Анафема еретикам.

Служил раннюю; перед тем, как дать крест после отпуска, не удержался и рассказал народу историю из фейсбука, вы все ее знаете – как проводили опрос среди православных: от кого исходит Дух Святой, от Отца или Сына, и сколько народу и чего именно на это ответили.

Одна женщина, подумав, искренно сказала: «Даааа... Своего собственного христианства толком не знаем... Да нас тут половину надо из храма выгнать...»

(Это я им еще не в полноте пересказал.)

Пост – дело *не* общественное (дисциплина-устав-традиция-проч.).

То есть разговоры типа: «Зачем не есть мяса, лучше делать дела милосердия!» – бессмысленны, потому что сравнивается все-таки яичница и велосипед, две вещи несовместные...

Дела милосердия надо делать всегда.
А пост – про другое все-таки...
Про личное.

Утончая плоть, мы активизируем дух...
Как именно? Тут практика нужна: чтоб понять, зачем пост, надо попоститься самому и присмотреться к себе.
И – зачем? Вот главный вопрос.

Был как-то написан вот такой текст; он оказался сырым и «неформатным», тем паче что там стихи старые вставлены....
Но кое-какие соображения о посте там изложены.

«Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний?»
Откуда? Да вот прямо отсюда – там, где застала меня весна...

Великий пост! зачем долги
Твои стоянья, оцепененья,
Зачем стонут, сухие без слез, твои напевы,
Зачем черны аналои? –
Затем, что в воды вошёл я,
В ночь, неумелый пловец, утопленник, выплыл,
В ночи и расстаться должен
Не с плотью – что плоть – с Богом:
Иначе умереть не выйдет,
Не умереть – не выйдет воскреснуть.

Мерный плеск кафисм. Гул приборя.
По грудь войду, по шею,
По истерзанный ум, по сердце.

Из глубины воззвах, Господи, к миру:
Море, великое и пространное,
Мир, свинцовые волны!
Все тебе отдам, погружу в воды
Дыханье ноздрей, кровь, память,
Любовь, какую осталась,
Умерщвлю животворящий страх, надежду
Камнем на выю повешу,
Все твое тебе: скоктанья, истицанья,
Возрастов стяжанья, чувств мшелоимство,
Кесарево отдам твоим кесарям, бесово – бесам,
Заплачу налоги и умру спокойно,
Наполню легкие гнилой твоей солью,
Тамо гады, им же несть числа – гадам

Стану пищей, поношеньем и покиваньем,
Все тебе, мир, подарю! Только
Одного не подарю: этой смерти.
Не взыщи: дареное не дарят.

Критики церковной жизни нередко говорят: «Ну вот, начался Великий пост, снова этот малопонятный канон Андрея Критского, черные облачения, земные поклоны, речи про покаяние... Разве можно каяться – по команде?»

Нет, конечно. Таинство покаяния включает в себя всю жизнь человека и не ограничивается стенами храма. Вообще, думают о том, что в Церкви что-то может быть «по команде», те, кто видит Церковь всего лишь одной из земных организаций. Но Церковь – прежде всего семья: Бог – Отец, люди – дети. Семья, живущая часто трудно и даже трагически, но важные события в ее жизни члены семьи переживают хотя и по-разному, но вместе.

Великий пост – одно из таких событий. Если мы – Христовы, мы не можем не идти за Ним в Его Царство. А этот путь, путь в воскресение, лежит через Голгофу, через крест, через ямы и колдобины... За то, что христиане добровольно идут к воскресению путем креста и взваливают на себя великопостные тяготы этого пути, из века в век их объявляют мазохистами и ненормальными...

Чем христианам всё это объяснить недоуменным окружающим? Презрительно возвыситься над ними, над, скажем так, непостоящимися, нам нельзя: этот путь моментально уводит в область сатаны. Попробуйте сами найти для своих нецерковных близких убедительные слова о том, что такое Великий пост – и поймете, как это трудно... А я, например, как священник, постоянно сталкиваюсь с трудностью еще большей: объяснить это другой категории людей, православным фари́сеям, знающим все тонкости постового устава и ожидающим за его исполнение от Бога некоего бонуса в виде «спасения», или же тем, кто видит в посте просто такую сложную, развесистую, укорененную в веках кулинарную традицию...

Побираться в Великий пост – нудное дело.
Особенно – среди православных:
Подают то, что едят сами,
Горсть сухарей, проросшую картошку,
Уваренную до состояния асфальта
Кабачковую икру в баночке из-под майонеза,
В целлофановом пакете – квашеную некогда капусту
В пушистой плесенной шапке.
Смирненно извиняясь,
Шепчут: пища де и питье наше –
Неизреченное веселие в Царстве Духа.

Да... спаси Господи, конечно.
Невесело же ваше веселье.

Впрочем, эти – еще из лучших:
Есть и другие, продвинутые в подвиг,
Те подают скромное, не вкушаемое самими:

Ситечко комаров, к примеру
(«Убогим и в пути сущим
Не возбраняется»), – иногда ещё, правда,
Волосатую губу, ухо, копыто,
Берцовый мосол – всё, что у них осталось
От съеденного жареного верблюда.

Постная аскеза известна не только в христианстве, она – неотъемлемая составляющая многих религий. Во всех них подвижник утончает свою телесную часть, о которой иные из нас, часто повторяющие слово «духовность», порой как-то забывают...

Эта телесность, библейские «ризы кожаные», были наложены на человека после его грехопадения ради его же спасения: без них он продолжал бы быть виден врагу, был бы уязвим от демонических сил, опыт общения с которыми поимел в Эдеме. Сын Божий, ставший человеком, не имел нужды в этой защите, в Нем нет греха, но все последствия случившейся в Эдеме трагедии Христос принял на себя. В том числе – и кожаные ризы. Как Он тяготился этим положением, что испытывал в дни Своей земной жизни – в Евангелии почти не сказано. Но ярко описано, как Он вышел после крещения в пустыню и постился там сорок дней, истончив Свою земную плоть и став видным для падшего духа. Зачем? Чтобы вызвать его на поединок и посрамить, поставить на место, дать понять: надеждам на построение сатанинского, вместо-божьего, царства отныне положен конец. И, следуя за Христом в подвиге поста, мы тоже утончаем свою плоть, и не должны этого бояться: через это мы чаем быть виднее не духам злобы, но Богу, Который любит нас...

туда – на ослике
под солнечные осанны
в белый Ершалаим

оттуда – на козлике отпущения
весь избитый
в черную человеческую пустыню

подожди меня! подожди!
я сейчас! я с Тобой!

(шнурок развязался гад
от слез не вижу не могу завязать
вот так и проковырялся)

Мне, мне лично нужно ли это покаяние, которое я ежедневно обещаюсь начать, обрести в себе «вот точно завтра», но так и не могу обрести без милосердной великопостной помощи Церкви? Что оно, это покаяние, для меня, под видом чего приходит ко мне? Под видом и в образе весны. Вверху, над головой – бескрайнее небо, солнце, ветер, а вот внизу – грязь, из-под снега вытаскивает мусор, становятся видны подснежники... Знаете, что такое «подснежники» на грубоватом жаргоне следственных органов? Это оттаявшие весной неопознанные трупы. Ужасная кар-

тина, ведь и это – я, я сам, мои нечистоты... Но отчаяния во мне нет. Я не один. В настоящей семье, в Церкви, закон которой – любовь, я не один. Пусть даже этой любви иногда не видно в той самой земной грязи.... Но тем не менее.

Сначала нас сведут на Страшный Суд,
Потом нас выгонят из рая,
Потом нас как хоругви понесут,
Победу православья прославляя...

Неделя за неделей – и весна
Пройдет стремглав, но как же вечна,
Но как бездонна, как длинна,
Но как неуловимо скоротечна.

Что означает, когда тебе говорят «твое церковное сознание нехристоцентрично»?

Много чего.

Например, и вот это. Повторяя знаменитое: «Христа обвиняли в том, что Он вошел с грешниками, мытарями и блудницами, и говорил, что они вперед фарисеев идут в Царство Небесное!» – ты примеряешь все это на себя и опять на себя, ты в восторге от того, что можно расслабиться, но как-то совершенно упускаешь из виду, что Сам-то Христос ни грешником, ни мытарем, ни блудником не был.

Если мы поинтересуемся не самими собой, драгоценными, а Христом, мы можем обнаружить, что, любя и милуя грешника, греха Он – не любит.

Он хочет, чтоб грешник стал праведником.

Потому что грех – это болезнь, а Он хочет, чтоб человек был здоров.

Так что тем из нас, кто любит всякие аномалии и девиантности, стоит подумать, что в обществе Христа может быть и попросту скучно.

Как больному, знаете, порой бывает скучно в обществе врача, который не хочет ринуться с ним в увлекательную горячую бездну болезней и бреда, а просто хочет его вылечить.

Продолжение следует.

«...Наслаждаться этой словесной красотой»

На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик Олеся НИКОЛАЕВА

– Сразу признаюсь, что, прочитав перед этой беседой энное количество интервью с вами, понял, что, скорее всего, буду повторять те вопросы, которые вам уже задавались. В том числе и этот, биографический... Когда у вас произошло обращение к тому, что можно условно назвать духовной лирикой? В вашей дебютной книге стихов, «Сад чудес» (1980), их вроде еще не было... Или они просто не вошли в нее («не пустили»)?

– Думаю, этот поворот все же произошел, когда я писала свою вторую книгу – «На корабле зимы». Там уже иной мелос, иная поэтика, генетически связанная с интонацией псалмов и молитв, которые читают в храме. Мой акцентный стих имеет именно это происхождение. Я, кстати, тогда сама читала в храмах – и в Преображенском, переделкинском, и в храме села Лыково, куда мы с детьми отправились на целое лето в удивительной компании – с лаврским иеродиаконом, который потом стал архиереем, с архимандритом-иконописцем и с Андреем Битовым. Собственно, Андрей нас туда и привез на своей машине.

– В вашем романе «Мене, текел, фарес» одна героиня рассказывает: «...Однажды, когда журнальный редактор прочитал мои стихи и спросил с ухмыляющимся, каким-то блудливым выражением лица: “И ты что, правда, веришь?”, я ответила совсем не в тон его глумливой интонации – серьезно и даже торжественно: “Верую и исповедую!”. И при этом встала со стула». Есть здесь что-то биографическое? Как, вообще, советские редакторы реагировали на «неформатность» ваших стихов?

– Все шло очень медленно и трудно, хотя я получила своеобразный бонус: какое-то время я была самым юным поэтом, и меня в качестве такового пригла-

шали на поэтические вечера, в поездки по России и даже печатали. Первая публикация моих стихов была в журнале «Смена», когда я еще училась в десятом классе, а когда мне исполнилось девятнадцать лет, стихи были опубликованы в «Новом мире», в альманахе «Поэзия» и в «Дне Поэзии», что считалось очень престижным. Но вот, скажем, публикацию в «Юности» пришлось ждать несколько лет. Потом, естественно, мое преимущество меня покинуло.

А история с журнальным редактором – да, автобиографическая. Редактором моих трех книг в «Советском писателе» был Виктор Сергеевич Фогельсон. Последняя из них – «Здесь» – вышла в 1990 году уже практически без его вмешательства в текст, а вот над предыдущей книгой – «На корабле зимы» – он потрудились изрядно, меняя у меня «Творца» на «Отца» и призывая придумать к некоторым стихам такие названия, которые бы запутали цензора. Вот так у меня появилось название цикла стихов «По мотивам русской свадебной поэзии», посвященного, для пущей убедительности, некой «исполнительнице русских народных песен Параскеве Даниловне Трифоновой», где каждое стихотворение предваряется фольклорным эпиграфом.

– *Сразу вспоминается святая Параскева...*

– Да, Параскева Даниловна у меня не так проста: тут я соединила Параскеву Пятницу, князя Даниила Московского (тогда только-только открывался для реставрации Даниловский монастырь) и Трифона-Мученика. Да и еще было всякое, по мелочи: например мой «Гимн» Творцу был переименован в «Гимн свету», а заглавные буквы понижены. «Слава зажигающему солнцу и умиряющему океан!»

Но вообще мое литературное окружение весьма настороженно относилось к тому, что я хожу в церковь: кто-то считал это опасным для творчества (Давид Самойлов), кто-то полагал, что это у меня такая тяга к экзотике (Евгений Евтушенко). Во всяком случае, это вызывало недоумение, а подчас и враждебность.

Например, я помню, как в веселой компании, в новогоднюю ночь, ко мне буквально пристал режиссер Алексей Герман с вопросом: «Почему христиане не сдают свою кровь в пункты переливания крови?». Он возмущался и просто от меня требовал отдать кровь! Короче говоря, вышел целый скандал, так его раздражило то, что я хожу в церковь.

– *А как «прошел» в печать роман «Инвалид детства»? Там ведь все – о вере, о монашестве... Пусть времена стояли уже «перестроечные», и все же...*

– Владимир Лакшин, когда я ему в «Знамя» принесла «Инвалида детства», все удивлялся, почему это «Николаева, вполне даже привлекательная, все жметя к монастырским стенам?». И роман отверг. Зато Виктория Шохина, которая тогда там работала, посоветовала мне отнести моего «Инвалида» в «Юность», где он и был опубликован тиражом в три с половиной миллиона экземпляров.

С романом тоже вышла интересно: Ирина Бенционовна Роднянская, которая более чем благосклонно относилась к моим стихам, раскритиковала его за то, что я, по ее мнению, в слишком ироническом свете выставила мою героиню – светскую

львицу Ирину, приехавшую в монашеский скит и интерпретирующую церковную жизнь со своих мирских (либерально-«шестидесятнических») позиций, предлагая монахам, как именно им нужно реформировать Церковь. Но все оказалось не так просто, потому что сотрудники «Юности», печатавшие роман, равно как и Надежда Ажгихина, которая написала на него рецензию, восприняли мою героиню именно как здравомыслящего реформатора и чуть ли не борца со средневековым мракобесием.

– А на семинаре Евгения Винокурова, на котором вы учились в Литинституте, эта тема – духовной, религиозной лирики – затрагивалась? У самого Винокурова, кажется, не было ничего близкого этому – по крайней мере, в опубликованном.

– Так или иначе, конечно, религиозные темы затрагивались, мы ведь тогда читали Бердяева, Николая Лосского, Мережковского, Карсавина, Шестова, Розанова, Леонтьева. И сам Евгений Михайлович ими интересовался, во всяком случае, в разговорах эти имена упоминались, и он «за религиозные мотивы» гонений не устраивал.

– В одном из интервью вы говорите: «Христианское и поэтическое видение мира совпадают. Если мы возьмем Ветхий Завет, Новый Завет, Деяния Апостолов, мы увидим, что все это соткано из высочайшей потрясающей поэзии». А что бы вы назвали наиболее поэтичным из Священного писания? Может, даже не отдельную книгу, а какой-то отрывок, псалом, стих...

– Можно бесконечно читать Священное Писание, особенно Псалтирь, и наслаждаться этой словесной красотой. Я очень люблю и книгу Сираха, и Книгу Притч Соломоновых, и пророков Исаяю и Иеремию. Ну, вот например, это, кажется, из притчи о том, как юношу поманила блудница, и далее: «И пошел он за ней, как вол на убой и как олень – на выстрел!» Вот этот «олень – на выстрел» меня просто потрясает. Или вот это место, тоже оттуда же, как сидит блудница у порога дома и зазывает к себе прохожих словами: «Спокойно ешьте утаённый хлеб и пейте краденую сладкую воду!» По-моему, это очень выразительно и страшно: такое точное обозначение человеческой низости... Или – из пророка Иеремии – вот просто формула творчества, жизни, любви: «Извлеки драгоценное из ничтожного, и будешь как уста мои».

Вообще, как тело нуждается в том, чтобы его поддерживали пищей, водой, воздухом, так и душа жаждет насыщения. И ничто не может наполнить и возвысить ее более, чем молитва, Таинства, чтение Священного Писания.

– Христианские мотивы, образы, темы присутствуют сегодня у очень разных поэтов. Можете ли вы назвать какие-то имена или стихи, вам наиболее близкие?

– Я люблю стихи Александра Кушнера, Олега Чухонцева, Светланы Кековой, Ирины Евсы, Юрия Кублановского, Николая Кононова... Могу еще назвать имена. Я вообще с благодарностью читаю настоящие стихи и люблю поэтов.

«...Наслаждаться этой словесной красотой». На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик *Олеся НИКОЛАЕВА*

– *А кто из русских религиозных философов вам близок?*

– Прежде всего – Константин Леонтьев, Василий Розанов, Лев Шестов. Читаю их с юности и до сих пор перечитываю.

– *И раз уж начал с традиционного вопроса, традиционным же и завершу. О планах, о том, что сейчас у вас там, «где горбится верстак».*

– Я хочу написать книгу воспоминаний о тех удивительных людях, рядом с которыми мне довелось провести часть жизни, о Божьем Промысле, Который порой обнаруживает Себя на наших путях. Пожалуй, это самая интересная и важная для меня тема.

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА

В тысяча девятьсот восемнадцатом от Рождества Христова году
Генерал Алексеев в температурном бреду
Борется с инфлюэнцей, затыкает ей рот: молчи же!
Давит ей на глазные белки,
Рвет на ней струны, выдирает с мясом колки:
Ладонь у него в крови, и в печени у него грыжа!

Но жар плавит мозги, скукоживаются в огне,
Свиваются черным дымом, сливаются в вышине
Золотокудрый ангел, всадник на черном коне
И Государь император – самодержец Российский,
Польский, Финляндский, Казанский. Впрок
Жара нагнали, кровь стучится в висок,
И генералу на грудь давит крест мальтийский.

И Государь перед ним как вживую – атлант, гигант:
«Ваше превосходительство, генерал-адъютант,
Вы хоть не предадите?». И словно жало:
«Вы ж не из хриstopродавцев! Не тать, не зверь!» –
«Ваше величество, полно, к чему теперь?» –
Так отвечает кто-то голосом генерала.

Генерал Алексеев кончается! Тиф, пневмония, круп.
Он смотрит и смотрит в небо, как пруд, как труп,
Не моргая, руки по швам, и убиты нервы.
Только отблеск кровавый из-под открытых век –
Там горят синим пламенем девятнадцатый век,
И двадцатый век, и век двадцать первый.

Там горят Предел Богородицы, Царский род,
Юнкера, офицеры, солдаты, крестьянский сход,
Круг казачий, хохляцкий шлях, иерейское сердце,
И дворянские идеалы – и статья, и масть,
И купечества честное слово, и почвы власть,
И монашеский дух вольнолюбца и страстотерпца.

Догорай, умирай и воскресни! В знак этой вины
Осаждай снова Плевну, пройди три стены, три войны,
У черты роковой помолись Приснодеве Марии,
Доложи Государю: «Подавлены бунтовщики,
И пожары потушены, и при параде полки
Царской армии генерала от инфантерии».

* * *

Уйти в фольклор, в апокрифы и в сказки,
в экзотику, и всё переиграть,
все перемерить парики и маски,
всё перепробовать, потрогать, перебрать...

И наконец, вернуться восвояси
и, опускаясь медленно на стул,
вдруг стать таким, каким ты в первом классе
вошёл в себя и в бездну заглянул.

ЗАПЛАЧКА

Не влюбила свекровь невестку-хохлушку,
Ой, не влюбила!
Бросала ей в суп колдовскую мушку,
Заговоренным пойлом поила.

Клала молодке иглу в подушку, змейку в одежду,
Бросала ловчую сетку,
Насылала черную кошку,
Черную метку.

Ой, травила свекровь невестку – не дотравила,
Ой, сама проглотила мушку,
Ой, на змейку босой ногой наступила,
Укололася, упав на подушку!

Ой, кричит свекровка, кричит невестка, –
Надрываются!
И обеим с неба летит повестка:
На небесный суд они вызываются.

– Чем тебе не угодила моя хохлушка? –
На суде спрашивают.
– Так проста ведь, Господи, как полушка, –
Отвечает, а ноги ее подкашивают.

– А тебе, невестка, свекровка что ж не по нраву?
– Так зажилась, старая, заедает!
А сама ногу леву на ногу праву
Закидывает, крендельком сплетает.

Ну и присуждают им друг друга не хаять
И, пока не полюбят друг дружку, жить кучно.
А не то, говорят, – вечность будете маять
Неразлучно.

И тогда невестка давай холить свекровку,
А свекровь ублажать детинку,
Та этой конфетку дает «коровку»,
Эта той – с люрексом газовую косынку.

А внутри-то у них при этом слова, что жабы,
Ядовитая плещется там водица.
Но им с неба: э, нет, мол, бабы!
Бабы, так не годится!

И тогда невестка свекрови – сироп улыбки,
А свекровь невестке – речи из шелка,
А в глазах – железные ледяные рыбки,
А в сердцах – бессильная ярость волка.

Но опять им: «Вам, непослушным глинам,
Объяснять ли грозами да громами?».
Тут взмолились обе: «Господи, помоги нам!
Тошно нам! Ну, не можем сами!».

На колени падают богомолки,
Только чуют – батюшки, затихают
В глубине души эти жабы и эти волки,
Солнце встало, цветики расцветают.

«...Наслаждаться этой словесной красотой». На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик *Олеся НИКОЛАЕВА*

«Ну, теперь-то можно и расставаться! –
Говорят им с неба. – Ваши прошли печали!».
А они – ну, плакать, ну, целоваться,
Ну, просить, чтоб теперь-то не разлучали!

Повторяют им строго: «Прощайтесь! Полночь пробило!».
А они обнялись, прильнув друг к другу упрямо.
Ой, и вправду свекровь невестку ту – полюбила!
А невестка ей: «Мама! Мама!».

ОСЕННИЙ ПСАЛОМ

Ах, не то чтоб ты постарел и потертым мехом
седины вызываешь жалость иль дряблой кожей,
разговор прерывая внезапным смехом,
на покашливанье похожим,

нет, но явно что-то ушло, погасло
там, внутри у тебя, левее.
Иль лампадное истощилось масло,
иль теперь водица взамен еля.

..Так и в осени этой земля, боля,
немигающим смотрит прощальным глазом.
Лишь один фонарик в конце аллеи
загорается синеватым газом.

Моя улица, доктор Войно-Ясенецкий и другие воспоминания

Мои родители

Мои родители... Мой отец, Сидней Джаксон, родился и вырос в Америке. Оказавшись волею судеб в Узбекистане, он стал основоположником развития здесь целого ряда видов спорта, и прежде всего бокса, с которым связал свою жизнь еще в Нью-Йорке, будучи подростком. В 1921–1922 годах им было создано первое на территории Средней Азии спортивное общество, которое он назвал «Фортуна». У «Фортуны» сначала не было никаких помещений, и все необходимые вопросы Сидней Львович решал у себя на дому. В самодельных афишах, развешанных по всему Ташкенту, даже в самых отдаленных его районах, и приглашающих вступить в спортивное общество, было написано: «По всем вопросам обращаться к С.Л. Джаксону на дому по адресу ул. Самаркандская, 28». По этому адресу папа снимал квартиру вместе со своим другом, профессором Перешивкиным.

Папа был энергичным, очень подвижным человеком. Двери нашего дома всегда были открыты. К папе приходили его коллеги, друзья, бывшие и настоящие ученики. Всех встречала, угощала и провожала мама, бывшая душой нашего дома.

Мою будущую маму, красавицу БERTУ (она родом с Украины, приехала в Ташкент в 1926 году), тогда студентку рабфака, папа встретил случайно, в доме своих друзей, и сразу влюбился, а позже связал с ней свою жизнь. Появились дети. Сначала мой брат, а через три года и я.

Жили мы на улице Свердлова. Но прежде чем рассказать о ней, хотелось бы вспомнить об одной встрече.

Профессор Войно-Ясенецкий

В раннем детстве я болела «диатезом». Так тогда называли аллергический дерматит. Мама обращалась к очень многим врачам и строго выполняла все их рекомендации. Но аллергический дерматит все никак не хотел со мной расставаться.

И тут мама узнала (это было, кажется в 1936 году), что в поликлинике № 15, располагавшейся в тогдашнем Краскомовском переулке (недалеко от перекрестка улиц Жуковской и Карла Маркса), принимает знаменитый профессор Войно-Ясенецкий. Маме сказали, что он принимает как простой врач. Но при этом добавляли, что «он творит настоящие чудеса». И мама со мной пошла к нему на прием.

Конечно, всех деталей припомнить не могу, но что я хорошо запомнила – как меня поразила и удивила окладистая борода профессора и то, что, приступая к осмотру, он перекрестился. В то время среди наших знакомых никто не носил бороды и не крестился при всех.

Осмотрев меня, профессор положил руку на мою голову и сказал, что я хорошая девочка и что все будет хорошо. И мама потом долгие годы с удивлением рассказывала и мне, и всем остальным, что после визита к профессору Войно-Ясенецкому и его осмотра все как рукой сняло – я поправилась. Ну как после этого не верить в чудеса...

Тогда я, конечно, не понимала, кто осмотрел меня, возложил свою руку на мою детскую голову и помог мне выздороветь. Но позже, будучи студенткой медицинского института, а затем и врачом, многое узнала и о его огромном вкладе в медицинскую науку, и о его подвижнической деятельности. И, конечно, не могла не почувствовать радость, что мне посчастливилось встретиться с этим великим человеком и выздороветь после встречи с ним.

Улица Свердлова

Итак, мы жили на улице, которая тогда называлась Свердлова. Сейчас от нее осталось всего лишь полтора квартала – наш пролёт, где я жила, и еще кусочек. И называется она по-новому – улица Ганди. Все, кто знает старый Ташкент, помнят бывшее здание консерватории, которое находилось на тогдашней улице Пушкинской. Перпендикулярно к Пушкинской, как раз на уровне здания консерватории, образуя Т-образный перекресток, начиналась улица Жуковского, которая спускалась вниз от Пушкинской и, как мне тогда казалось, уходила очень-очень далеко, до лечебницы имени Федоровича. Так вот, ровно через один пролёт от Пушкинской влево отходила очень зеленая и уютная улица, моя улица, образующая с Жуковской тоже Т-образный перекресток. Помню, что тихими вечерами у нас был слышен шум трамвая № 3, который в то время ходил по Пушкинской.

Что рассказать о моей улице? Она была похожа на другие улицы центральной части старого Ташкента, была очень зеленой и тихой. Помню я ее с 4-5-летнего возраста, а это было в далеких 1937–1938 годах. Мостовая была выложена булыжником, не очень широкая, но на ней свободно могли разъехаться два больших грузовика и еще оставалось свободное место. По обе стороны дороги были обочины шириной по полметра или даже больше, не выложенные булыжником. На них с обеих сторон были посажены деревья, наверное, задолго до моего рождения. А ко времени моего детства они стали большими и развесистыми, их ветви сплетались довольно высоко где-то над серединой мостовой, образуя над ней зеленую арку. Солнце с трудом пробивалось через густую крону, и мы могли играть на мостовой

даже в самый знойный день... Да, да, играть на мостовой, я не оговорила. В то время машин было так мало, что они появлялись на нашей улице через длительные промежутки времени. А играли мы в «пятнашки», «куликашки» или лапту, а когда стали чуть постарше – в «казаки-разбойники».

Дорога от тротуара отделялась арыком. На нашем пролёте он был достаточно широким (мне, во всяком случае, тогда так казалось, потому что приходилось сделать небольшое усилие, чтобы его перепрыгнуть), с крутыми, чуть кривоватыми боками-берегами. В теплое время года они густо зарастали травой, одуванчиками, маком, иногда васильками; в арыке всегда журчала вода. Между арыком и тротуаром была другая, небольшая обочина, тоже покрытая растительностью. Обочины, естественно, ничем не были выложены, и во время длинного жаркого лета на них, между растениями, скапливалась пыль.

Запахи детства

Вспомнился и ни с чем не сравнимый запах моего детства. В шесть часов утра (но я этого, естественно, не видела) и в шесть вечера приходила поливальщица, набирала воду из арыка и плескала ее на дорогу, обочины, тротуар. Вечером я старалась к ее приходу выйти на улицу. Мне нравился плеск воды, шлепнувшейся на булыжную мостовую, облачко пыли, которое поднималось на месте, куда попадала вода. И запах... запах смеси пожухлой травы и привядших цветов, смешанный с запахом пыли.

Тротуар на нашем пролёте был выложен кирпичом. Со временем кирпич потрескался, и в щелях между его кусками весной начинала пробиваться трава, а кое-где и мелкие цветочки. Тротуар становился пестрым, веселым, и мы, дети, любили бегать по нему босиком. Еще упругая в начале лета травка приятно щекотала ноги. В зените лета трава становилась жухлой, желтой и жесткой, но защищала наши босые ноги от ожога о нагретый кирпич.

Дома на нашей улице все были одноэтажными, отделенными друг от друга заборами. За заборами были достаточно большие дворы, где, как правило, жили несколько семей. А в них были дети. Но мы редко играли во дворах – местом игры чаще всего была улица, наша улица.

Вход во многие домики был с улицы, и перед дверью, как правило, было крыльцо. У всех крылечки были разные – больше или меньше, ровные или с вычурными изгибами, с навесом или без навеса. Цемент этих крылечек за день хорошо прогрелся и вечером был теплым и приятным. Почему я об этом вспомнила? А что было делать вечером, когда из-за плохого освещения уже нельзя было играть на улице? Тогда не было ни телевидения, ни компьютеров, ни сотовых телефонов, а слова «интернет» не существовало ни в одном словаре! Мы собирались группками по интересам, усаживались на каком-нибудь крыльце и рассказывали друг другу или содержание книги, прочитанной днем, или разные байки и небылицы (это бывало чаще!). Иногда мы так шумели, что хозяйка «окупированного» крыльца выходила и прогоняла нас. Мы шли на другое крыльцо, и там все повторялось.

Помню и совершенно пьянящий запах, который в теплое время года стоял на

моей улице. От дома № 9, который двумя большими окнами и небольшим уютным крыльцом посередине смотрел на улицу (я жила во дворе этого дома), до следующего дома № 11, который стоял на углу с улицей Балыкчинской (позже переименованной в Хамида Алимджана), протянулся длинный невысокий забор. В части углового дома № 11 жил профессор Г.Н. Терехов, много лет заведовавший кафедрой патологической анатомии в ТашМИ. Он был страстный садовод-любитель, и вот за этим забором располагался его сад. Какие необыкновенно красивые цветы выращивал он на этом участке! Уже с апреля на улице стоял сладковатый и пряный запах цветущей сирени. Кустов было несколько – это и обычная сирень, и белая, и махровая. Ветки свешивались с невысокого забора, и, что греха таить, мы каждый раз пытались отломить маленькую веточку сирени или жасмина, который тоже рос вдоль забора. А потом, до глубокой осени, стоял запах роз.

И еще о запахах моего детства. Наш пролёт улицы пересекался с улицей Балыкчинской. И если повернуть направо и спуститься вниз (а эта часть улицы была с уклоном), то через несколько сот метров можно было упереться в центральный вход старого зоопарка. Территория зоопарка была холмистая, весь он утопал в зелени. Небольшой, уютный, чистенький. За ним хорошо ухаживали. Но в очень знойные дни, ближе к вечеру, ветерок приносил хотя и не резкий, но особенный запах – запах шерсти животных и слежавшейся зелени. Но это было редко, и никому этот запах не мешал, а просто будил в нас желание еще раз пойти в зоопарк.

На следующем пролёте по улице Свердлова росло дерево, довольно приземистое, с красивой широкой кроной. Мы называли его «мыльным» деревом, потому что к лету на нем появлялись какие-то небольшие не то цветочки, не то ягодки, и если их помять в руках, они чуть-чуть «мылились» и издавали невероятно приятный запах. По вечерам дерево просто благоухало. Стыдно сказать, что я ни тогда, ни позже так и не удосужилась узнать, как оно называется.

И если уж говорить о запахах, то, конечно, следует вспомнить пряный густой сладковатый запах барды*. В военные годы по нашей улице периодически проезжала запряженная осликом бричка, перевозившая барду. Как мы узнавали, что по улице едет бричка с бардой? Во-первых, колеса старой, почти рассыпающейся брички страшно гроыхали по булыжной мостовой. Во-вторых, по всей улице распространялся этот специфический сладковатый запах, смешанный с запахом сильно слежавшейся травы. И мы, детвора, немедленно выбегали на улицу и пристраивались позади брички. В бричке стояла большая грязная бочка, вся липкая от выплескивавшейся барды. Бочка, как правило, была накрыта тоже грязной, липкой, пропитанной бардой тряпкой. А так как барда была еще горячая, то над бочкой вился дымок. Бричка была невысокой, а бочка стояла в сделанном в ней углублении. Усталый ослик едва передвигался. И нам не стоило труда, пристроившись за бричкой, поднять уголок тряпки, засунуть руку в бочку, обмакнуть ее в этой патоке, а потом с огромным удовольствием ее облизать. Нам она казалась очень вкусной, так как в тяжелые годы войны мы постоянно недоедали и практически не ели ничего сладкого. Иногда вместо барды перевозили жмых. И, что греха таить, мы пытались утащить несколько штук из брички, чтобы потом с удо-

* Отходы сахарного или спиртового производства в виде гущи. (Прим. ВС.)

вольствием сосать эти сладко-горькие кусочки, сильно пахнувшие слежавшейся травой. Возница, конечно, ругался, пытался отогнать нас от брички, замахивался кнутом, но голод был сильнее страха.

«У Оганеса»

Если пройти от Жуковской по нечетной стороне улицы Свердлова и пересечь Балыкчинскую, то на следующем пролёте, примерно с его середины, можно было увидеть крупное кирпичное двухэтажное здание Политехнического института, которое расположилось на углу с улицей Асакинской. Причем основная, большая часть здания располагалась именно на Асакинской. Там же был центральный вход. Нам, детям, здание это казалось огромным и очень заманчивым, и, конечно, очень хотелось узнать, что же там внутри. Но нас не пускали вахтеры.

У начала здания института, как бы прилепившись к нему, на улице Свердлова стоял маленький одноэтажный магазинчик, который мы называли «У Оганеса». Это, наверное, было имя бывшего хозяина магазинчика, который там так и остался продавцом. Ох, как мы любили туда забегать, чтобы вдохнуть запах свежего хлеба (тогда выпекали большие круглые буханки серого хлеба) и пастилы. Пастилу продавали в больших бочках. Она была густая, темная, сладкая, и ее резали ножом. Чего греха таить, когда Оганес отворачивался или был занят с покупателями, мы запускали в бочку пальцы, пытались отщипнуть немного пастилы и быстро сунуть ее в рот.

Мединститут

Здание Политехнического института было угловым, его главная часть с центральным входом выходила на Асакинскую. Это здание по-прежнему прочно стоит у дороги (вернее, между двух дорог), но уже другой дороги – совсем непохожей на длинную, кривоватую Асакинскую, которая, начинаясь от Пушкинской, шла мимо Политехнического института, парка имени Тельмана и САНИИРИ (Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации), спускалась вниз, пересекала Салар и упиралась в улицу Карла Маркса. Слева от угла, где эти улицы пересекались, располагался Ташкентский медицинский институт. И я, когда кончилось мое детство, поступила учиться в этот институт. И каждое утро пробегала полтора пролёта по Свердлова, поворачивала направо и бежала по Асакинской вниз, в свой институт. Бежала – потому что, как всегда, не хватало нескольких минут, чтобы не опоздать на занятия. И так было долгих шесть лет.

Я знала каждую кочку на Асакинской, каждый кустик, каждую загогулину, где можно идти быстрее, а где лучше осторожнее. С удовольствием пробегала мимо территории САНИИРИ. Центральное здание этого института было чуть удалено от красной черты улицы. Вокруг всей большой территории шел решетчатый забор, за которым не было ничего видно, так как он весь зарастал зеленью. Из-за буйной зелени, проглядывающей здесь и с территории парка Тельмана, этот участок улицы был очень приятным, и здесь хотелось замедлить шаг. Но вот ниже,

после мостика через Салар, было уже совсем не красиво. Я никак не могла привыкнуть к плоскому низкому длинному барaku с косыми, кривоватыми окнами, где в трудные военные и послевоенные годы приходилось жить людям. Этот барак начинался сразу после моста и тянулся почти до улицы Карла Маркса. На углу же со стороны барака располагался ремонтный завод, вернее, его ворота. Что было за воротами, мы не видели. Тротуар вдоль барака был очень узким, шел ниже уровня дороги, и в дождливую погоду машины окатывали барак почти по самую крышу. Ну и нас, естественно, если мы в это время там проходили. Но мы старались пробежать очень-очень быстро или, наоборот, чуть приостановиться, чтобы пропустить редкую машину.

Парк Тельмана

Ну а парк имени Тельмана? Любимое место для гуляния, и совсем рядом, в паре минут ходьбы от дома. В те годы он казался нам чудо каким красивым! Парк располагался на холмистой местности, утопая в зелени. Нам нравилось бегать вверх-вниз по этим холмам, каждый раз спускаясь в ровную низинку, в центре каждой из которых располагались цветочные клумбы, одна красивее другой, и вокруг стояли скамейки. Вдоволь набегавшись, мы усаживались на скамейки. Когда стали постарше, очень любили ходить в летний кинотеатр, который располагался в нижней части парка, недалеко от Салара, и как бы образовывал одну из границ парка. Было два вечерних сеанса: в 9 и 11 часов вечера. И в ташкентские вечера так приятно было сидеть в зале кинотеатра под открытым темным южным небом, время от времени поднимая голову и разглядывая яркие и кажущиеся близкими в наших краях звезды...

«Не победители»

В детстве я папу любила больше, чем маму. Потому что если мама говорила «нет», это означало «нет». А папу можно было уговорить.

Когда он ходил на выборы, то всегда приносил шашлык. И я очень долго думала, что выборы – это когда всем раздают шашлык и разные сладости.

На майские праздники все мамы в нашем большом дворе шили новые платья. А из оставшихся кусков материи – сарафаны нам, дочерям. Нередко можно было увидеть: идет глава семьи с женой, а за ними дети в одинаковых нарядах.

Мы жили на Асакинской, ворота номер пять. По примыкающей улице Каблукова с утра проходили демонстрации трудящихся. Нам, детям, строго-настрого было запрещено выходить со двора: «Там пьяные, там хулиганы и разные стилияги», – запугивали нас.

Пьяных – раскачивающихся дяденек – я видела не раз. Стилиягами были, как мне казалось, какие-нибудь двоечники-второгодники, которых никто не уважает. А «хулиганы» – это слово внушало страх.

Самые смелые из нашей детворы приоткрывали створки ворот и глазели на проходящую мимо шумную толпу. А я с ужасом смотрела, сколько там их, хулиганов и стилияг. И еще нас пугали цыганами, которые воруют детей. Это сидело крепко в моем сознании, и я никогда не нарушала запрета.

Праздновать Первомай мы шли после демонстрации. В парк Тельмана. Красный песок вокруг фонтана, играет духовой оркестр.

Когда с нами ходил папа и народу было немного, он позволял от самого входа сбегать по крутому спуску вниз, прямо к накрытым праздничным столам, где продавались ореховые трубочки и слоеные «язычки», посыпанные сверху сахаром. Можно было свободно бегать и жевать на ходу.

А когда к нам присоединялась мама, мы вели себя «прилично» – так, как нас учили. «Вы же девочки!» – произносилось таким тоном, что невольно руки тянулись поправить сползающие белые гольфы. Особенно страшно было потерять носовой платок.

Не торопясь и не толкаясь, мы чинно спускались по главной лестнице. К празднику ее ступени всегда была выкрашены под «ковровую дорожку». Мы проходили

мимо скульптуры балерины, на которую тоже не жалели белой краски. Края каждого пролета лестницы с обеих сторон украшали львиные головы. Их покрывали золотой краской.

От всего этого блеска мы, спускаясь вниз, оглядывались вокруг как-то важно-торжественно. Я со страхом заглядывала в открытые львиные пасти, руками трогать боялась, мама говорила, что там водятся ядовитые змеи.

Оказавшись, наконец, внизу, мы с сестрой наперегонки бежали к детской площадке – скорее к качелям. И взлетали к небу наши белые банты, заплетенные в тугие косички.

– Сильнее, сильнее! – просила я папу, хотя от страха замирало сердце.

Рядом слышались завистливые голоса:

– Я тоже так хочу...

– Нет, нет. Держись крепче.

И я, подталкиваемая самым лучшим папой на свете, вновь взмывала выше всех.

Повсюду были видны нарядные платья, цветы, надувные шарик. А еще неотъемлемой частью майских праздников были жестяные дудочки. Со всех сторон слышались их пронзительные звуки.

Гулять в парк мы ходили часто, но майские гуляния были особо радостными. Возвращались домой, как писалось в сочинениях, уставшие, но довольные. От звука моей дудочки, жаловалась моей маме наша соседка Евдокия Федоровна, у нее начинается головная боль. После этого дудеть мне запрещали. На следующий день инструмент вообще куда-то пропадал, шарик сдувались, лопались... Все, праздник закончился, до следующего мая.

Но это только начало. Май – предвестник летних каникул. Вот оно – настоящее счастье! Уроки делать не надо, по утрам никто не будит. Свобода!

Выходишь в общий двор, он утопает в тени ветвистых акаций, в середине двора растет старый серебристый тополь, у которого мы всегда играли в куликашки. Около него – водопровод. А чуть подальше беседка тети Кати. Всегда в цветах, то обвита фиолетовыми вьюнами, то куст шиповника зацветет, распространяя тонкий аромат.

Сегодня с утра там возится дядя Вадим в старой клетчатой рубашке, с засученными рукавами. Мы, детвора, уже знаем, что это означает, и наблюдаем сквозь зеленые прутья беседки.

Движения дяди Вадима неторопливы. На старой деревянной тумбочке устанавливается примус. Сначала через боковое отверстие в него вливается керосин, потом дядя Вадим аккуратно закручивает крышечку бутылки с остатками вонючей жидкости и принимается за примус. Спичкой зажигает его, осторожно, не торопясь, подкачивает. Когда примус с шумом разгорается, появляется тетя Катя с малиной. Мы оживленно переглядываемся. Она, в отличие от своего молчаливого и степенного мужа, словоохотлива. Комментирует свои действия, ставя на огонь эмалированный тазик с водой. «Немного, – поясняет она, – чтобы сахар растворить». На наших глазах белая горка оседает и превращается в желтоватый сироп. Тетя Катя помешивает его деревянной ложкой с длинной ручкой, приговаривая:

«Он должен быть полностью прозрачным, только после этого можно бросать в него ягоды».

Первые малиновые бусинки расплываются по поверхности сиропа, становясь блестящими, словно отполированными. А ложка в руках тети Кати продолжает выгребать из бидончика все оставшееся содержимое. И в этот момент по всей беседке разносится дивный малиновый аромат.

– Ну, ребятки, бегите за хлебом, – командует тетя Катя.

Мы бежим врассыпную по домам, но уже через несколько минут вновь собираемся. И, как замороженные, смотрим на самое волнующее: на сгрудившихся ягодках закипающего варенья начинает сгущаться и лопаться розовая пена. О, это кульминация! Через прутья беседки тянутся детские ладошки с горбушками. Тетя Катя ловко собирает вожделенную пенку и намазывает на хлебушек...

У всех дома были и сахар, и варенье, но вот так, всем вместе, получить свою долю живой пенки и тут же слизать ее с хлеба – было в разы вкуснее!

Тетя Катя удивляла всех соседей не только вареньем. Ее не желтые, а коричневые от обилия доброй сдобы и яиц куличики поражали всех. Такого вкуса я за всю свою жизнь больше нигде не отведала. Говорили, что мама тети Кати, еще в девушках, работала на царской кухне. Каким ветром ее дочь занесло в Среднюю Азию, в Ташкент – неизвестно.

Кто только не жил в нашем дворе на Асакинской, 5! И сосланные, «репрессированные», как теперь принято говорить, и немногословные интеллигенты, и те, кто при закрытых дверях ел форшмак, и те, кто из распахнутых дверей горланил «Шумел камыш, дере-е-евья гнулись...».

У тети Кати с дядей Вадимом на кухне был свой кран с холодной водой, что считалось верхом комфорта. Рисунки на их высоких потолках приводили в недоумение: они были какие-то оборванные, словно незавершенные. Но все объяснялось просто: до революции на этой улице были дома инженеров, врачей и других специалистов. Здесь жила интеллигенция. По потолкам в этих домах можно было догадаться, что просторные комнаты бывших хозяев были потом разделены перегородками, куда плотно заселились «товарищи».

Из окон одного из домов нашего двора часто доносилась прекрасная музыка. Это соседка Елена Вадимовна играла на пианино. Мы, детвора, почтительно-тихо проходили мимо ее окон. Приносили ей воду, ставили алюминиевые бидончики в крохотной кухоньке-прихожей...

Одним взглядом можно было охватить всю небольшую комнатушку, где она жила. Пианино у стены, почти впритык – маленький круглый стол с двумя стульями, за красивой ширмой виднелся край железной кровати. А дальше повсюду книги. В небольшом шкафу, на этажерках, даже на широких подоконниках. Так доживала свой долгий век русская дворянка, дочь врача бухарского эмира. Родившаяся в далеком Петербурге, успевшая присесть в глубоком реверансе перед последним царем, посетившим Смольный институт, где она училась. Если во дворе появлялись древние старушки с палочками, в каких-то необыкновенных туфлях с пряжками и круглыми каблуками, в накидках, шарфиках и обязательно в шляпках, мы уже знали, чьи это гости. Подходили, здоровались, с любопытством оглядыва-

ли сумочки на цепочках, зонтики. Старушки отвечали на наши приветствия, мило улыбаясь, и обращались к нам только на «вы»...

Конечно, это потом мы поняли, кто жил с нами рядом. А тогда босоногая детвора носилась по старому двору, предаваясь удовольствиям счастливого детства...

Дальше жила тетя Ляля с сыном и младшей дочерью. Сухонькая старушка с неизменной папиросой во рту. Вообще-то, старушкой ее назвать было нельзя, слишком сильной и властной она выглядела. Я заходила к ним во двор, чтобы поиграть с ее внучкой.

Тетя Ляля покровительствовала нашей маме – молодой соседской невестке. Через много лет мама мне рассказала историю, как эта семья попала в Ташкент. Каким-то чудом им удалось сохранить одно дорогое украшение. И когда возникали финансовые проблемы, тетя Ляля вытаскивала из него крупную жемчужину и шла на Алайский базар, чтобы продать ее одному старому еврею.

Какие фамилии были начертаны на почтовых ящиках нашего двора – Танеевы, Лебедевы, Цыбульские...

У тети Гали дома устраивались детские праздники. Почти все дети двора ходили в музыкальные школы. На черном полированном, с витиеватыми рисунками инструменте, с канделябрами с обеих сторон, игрались польки и этюды.

Я, встав на табуретку, волнуясь, с выражением, как нас учили, читала стихотворения. Каждый раз новое, и попробуй только прочитав что-то из школьной программы – засмеют!

После культурной программы мы ждали, когда нас пригласят на чаепитие с пирогами, рулетами и разным печеньем. Но и это было не все: уходя, каждый получал по два круглых заварных пирожных в салфетке. Сколько радости было – бежать уже в темноте через общий двор домой, чтобы поделиться впечатлениями и угостить сестру!

Дальше жила Евдокия Федоровна – дочь поляка-бунтовщика, сосланного в Сибирь еще в царское время. Отчество ее скорее всего первоначально звучало несколько иначе, но в те времена было довольно распространенным явлением называться русскими именами. Чтобы особо не выделяться.

Такой безукоризненной чистоты в доме, как у нее, наверное, не было ни у кого из соседей. Нигде ни пылинки, накрахмаленные, идеально выглаженные большие наволочки буквально стояли пухлыми квадратами на аккуратно застеленной кровати, а поверх, как фата невесты, – накинутый полупрозрачный тюль. Выбеленные потолки и стены, все белоснежное, только зеленый кактус и цветущая герань на подоконнике улыбались солнечным зайчиком, пробивавшимся сквозь прозрачнейшие стекла...

Канули в прошлое тенистые дворы с одноэтажными домами, покрытыми черепицей. Нет уже тех крылечек, палисадников, заборов из старых досок, утопающих в цветах тропинок, ведущих к самодельным душевым, где внизу под влажными досками сновали мокрицы и разные жучки, а к уроненному кусочку колбасы быстро выстраивался ряд кусачих мурашек. Нет уже того водопровода, к которому мы, набегавшись, с жадностью припадали и напивались вкуснейшей в мире водой.

В детстве дорога в парк казалась долгой, ведь столько интересного вокруг. Я знала ворота, где двери всегда были нараспашку, не как у нас, на пружине, – сами не захлопывались. Можно было заглянуть вовнутрь и увидеть большой арык, покосившиеся деревянные заборы, выкрашенные масляной краской двери домиков, утопающих в зелени. И еще раз убедиться: нет, наш двор красивее.

А на этой двери была надпись «Осторожно, злая собака». И действительно, оттуда часто слышался злобный лай. Там жила Лариса Карпич – самая красивая девочка в нашей школе.

И еще надо было заглянуть во двор, где жил мой одноклассник, очкарик Витя. А потом на корточках скатиться по гладкой стороне крыльца, украшенного двумя маленькими львами...

Ну вот и он – парк Тельмана, теперь парк имени Улугбека. Изменившийся, но главное – он жив, не исчез.

Землетрясение 1966 года изменило все. Выкосились дворы, на их месте выросли четырехэтажные дома. Уходили шестидесятые под шум разрастающегося во все концы города. Росли панельные окраины.

...Наш дом был в самом конце двора.

Наш дом... Он снился мне еще долгие годы. Сколько было пролито слез, сколько горьких упреков было высказано папе «книжными девочками»... Они, сочиняющие стихи, ведущие дневники, грезившие театром, мечтающие о славе, из «дворянского гнезда», как тогда негласно называли наш район, очутились на глухой окраине города. В безликой панельной многоквартирке. Вдали от любимой восемнадцатой школы, а главное – от родного парка Тельмана.

Как он мог, почему не отстаивал свои права? Ведь мы были «частники» и могли бы остаться в центре. Дочери плакали, не подозревая, как их папа сам себя корил бессонными ночами. Их добрый, мягкий папа не мог признаться, что он был из породы «не победителей». Да они бы тогда и не поняли.

И тот самый ген уже был передан им. Его нерешительность потом обернется и для них неумением «вырвать» свое, отразится на судьбах: неправильно выбранными профессиями, не написанными картинами, не сочиненными стихами... Его любимые дочери всю жизнь пробудут золушками, так и не дождавшись своих принцев. В тех краях, куда они попали, принцев просто не было.

Двор с номером пять на воротах... От тебя не осталось ничего. Только дорога и спуск к парку. Проходя, я вспоминаю, как летом босиком бегала здесь за мороженым. Не оглядываюсь на здание банка грязно-красного цвета за прочной решеткой, появившееся на дорогом месте. Для меня по левую сторону до сих пор стоят ворота, а за ними оно – мое детство, наш двор и соседи.

...Елена Вадимовна, когда почувствовала, что уже не в состоянии сама справиться со своими нуждами, приняла в один из вечеров большую дозу снотворного. Пустой холодильник, – потому что все надо было «доставать». За свою долгую жизнь она так и не научилась договариваться с продавщицей гастронома. А потом – уже не закрывающаяся дверь и приносящие еду бывшие ее студенты и знакомые, – она на это очень обижалась... Что она видела в своем последнем сне на этой

земле? Детство в Петербурге, учебу в Смольном, выпавшие на ее долю испытания, а может, воспоминания об ушедшей России? Или жившего со своей семьей в Париже брата, к которому ее не выпускали те, кто время от времени по ночам посещал ее крохотные «апартаменты»?

Елена Вадимовна Шумейко... Тоже «не победительница»?

А тетя Нюра, не боявшаяся в те времена распевать тоненьким голоском «Аллилуйя» перед иконкой, пострадавшая за свою веру, так и не познавшая материнства...

Я знаю, они все уже там, наверху. Поднимаю глаза и вижу над собой целое созвездие, парад «не победителей». Тех, кто учил нас читать хорошие книги, никогда не брать чужого и вести себя достойно. Ценности, на которых нас воспитали, не позволившие, как мне казалось когда-то, добиться больших успехов в жизни, – оказались непреходящими. Они помогли мне прийти к Богу.

Проходя мимо своей первой родины, не оглядываюсь, сердце сжимается от воспоминаний; для меня на этом месте по-прежнему ворота под номером пять. А недавно подумалось: а что же испытывала наша прабабушка, когда, оставшись без мужа и с маленькой дочерью в небольшом приграничном городе, вынуждена была перебраться в глиняную мазанку? Каждое утро поднималась и видела между верхушек деревьев крышу своей прежней конюшни, в которой до шестидесятих годов прошлого столетия будет располагаться главпочтамт. Что чувствовала эта женщина, когда проходила мимо своего бывшего дома, не смея к нему приблизиться? Все, что ей удалось утаить от новой власти, – какие-то украшения, золотые монеты, – было выменяно на муку и сахар во время войны.

В шестидесятые она приезжала к нам в Ташкент на Асакинскую, обычно летом. Маленькая, аккуратная старушка, никогда не повышавшая голоса. Умирая, очень хотела надеть крепдешинное платье. Один метр ткани стоил шесть рублей, в то время это был дорогой наряд. Я знаю, ее звезда тоже там, наверху...

Царство вам небесное, «не победители»!

АВТОРЫ НОМЕРА

БАБАЯРОВА Мунира – окончила Узбекский государственный институт физической культуры, работала в добровольных спортивных обществах (ДСО), системах связи, автотранспорта. Публиковалась в журнале «Звезда Востока». Живет в Ташкенте.

ГОЛЕНДЕР Борис – историк, краевед, журналист и киносценарист. Кандидат химических наук. Научный сотрудник ташкентского литературного музея Сергея Есенина. Живет в Ташкенте.

КАЦ Паина – врач-терапевт высшей категории, кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической фармакологии Ташкентского института усовершенствования врачей. Автор трех учебников и более ста пятидесяти статей. Живет в Ташкенте.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

НИКОЛАЕВА Олеся – поэт, прозаик, эссеист. Профессор Литературного института им. Горького. Лауреат премии «Поэт», Патриаршей литературной премии и премии Правительства РФ в области культуры, премии журнала «Арион» и других. Живет в Москве.

ПАВЛОВ Дмитрий. Историк Церкви. Окончил магистратуру Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), работал в Издательском совете РПЦ. Живет в Москве.

ПЕРМЯКОВ Андрей – поэт, литературный критик, прозаик. Лауреат Григорьевской премии 2014 года. Публиковался в журналах «Арион», «Волга», «Знамя», «Новый мир» и других. Живет в городе Петушки Владимирской области.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Юрий ФЛЫГИН – историк, автор исследований по истории православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLIX
№ 1, 2019, январь-март

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2019 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2019).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568